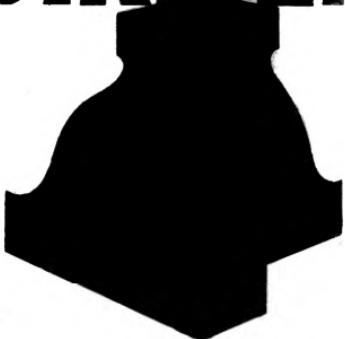

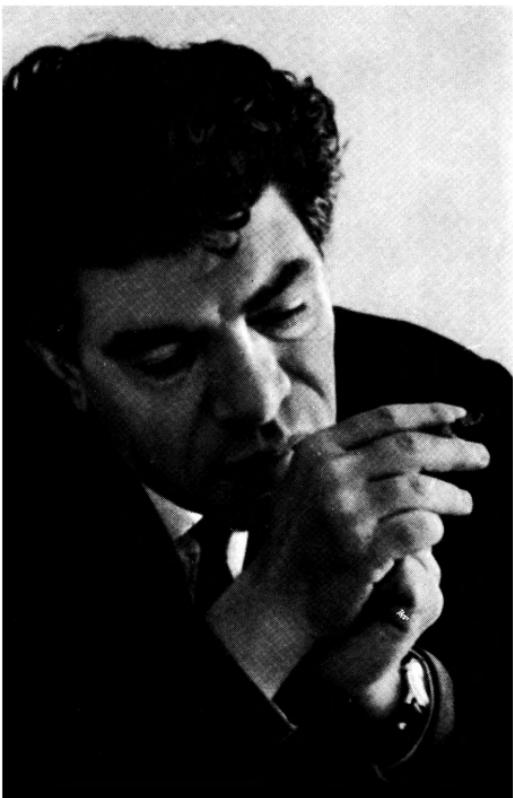
Тәжіріб Себак

НЕУМОЛКНУМАЯ

Жаңо.
Көзі
НГІ

Нарыйан
Себак

Поэма «Неумолкаемая колокольня» —
самое значительное создание замечательного армянского
поэта Паруира Севака. Она воскрешает трагическую судьбу
выдающегося музыкального деятеля,
композитора, ученого, великого сына армянского народа
Комитаса. В то же время это поэма
о высоких и трудных исканиях
армянского народа на пути
к социальному и духовному
освобождению.

Паруйр
Севак

НЕУМОЛКАЕМАЯ
КОЛОКОЛЬНЯ

Պարսիք Սեվակ

*Перевод с армянского
ГАРОЛЬДА РЕГИСТАНА*

НЕУМОЛКУЩАЯ

*Жалю.
Жаль-
ни*

Поэма

**МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1982**

C(Aрм)2
C28

Художник Ирина САЛЬНИКОВА

C 4702080200—094
083(02)—82 370—81

© Перевод на русский язык.
Издательство «Советский писатель», 1982 г.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Лучшие годы своей творческой жизни замечательный армянский советский поэт Паруир Севак отдал работе над поэмой «Неумолкаемая Колокольня». Даже после того как поэма увидела свет и была восторженно встречена читателями, Севак продолжал работать над ней до самой своей безвременной кончины.

О чем же это произведение, которое, без преувеличений, стало настольной книгой в каждой армянской семье, причем одинаково волнующей и юного читателя, и людей старшего поколения.

В его основе — трагическая судьба великого армянского композитора и просветителя Комитаса. Родившийся в 1869 году в Западной Турции в бедной армянской семье, он с ранних лет остался сиротой, добывая нелегкий кусок хлеба тем, что пел, бродя по дворам таких же нищих армян-изгнанников. Только за свой редкий по красоте голос мальчик был принят в Эчмиадзинскую духовную академию, по окончании которой сирота Согомон Согомонян получил имя Комитаса и сан вардапета (архимандрита), став черным монахом.

И в этом уже была заложена трагедия и личной, и общественной жизни Комитаса. Необыкновенная музыкальная одаренность, пытливый ум, неуемная жажда знаний, неразрывная связь с народом — все это не могло вскоре не вступить в противоречие с затхлым мирком «небратского братства» Эчмиадзинского монастыря. Окружающие его церковники не могли понять и простить Комитасу «чисто мирские» увлечения — работу над расшифровкой древнеармянских музыкальных рукописей (хазов), хождение в народ, где он записывал мирские песни, поездки в Европу на международные конгрессы музыкантов, на которых он выступал и как певец, и как исполнитель на народных инструментах. Все это — и особенно демократические убеждения Комитаса — вызывало ярость у церковников и привело к открытой травле композитора. Он вынужден был уехать в Константинополь и тем самым сделал еще один шаг к своему трагическому концу. Именно с Константинополя, где жил тогда почти весь цвет мастеров армянской культуры и литературы, начался чудовищный геноцид армян, когда по приказу тогдашних правителей Османской Турции за краткий срок было зверски убито более миллиона армян, ни в чем не повинных мужчин, женщин, детей и стари-

ков. Увезенный в числе первых смертников и чудом спасенный, Комитас от всего увиденного сошел с ума и 20 лет, до самой кончины, находился в психиатрической больнице.

Армянский народ глубоко чтит память своего великого композитора, и не только потому, что он дал мощный толчок развитию армянской музыки. Образ Комитаса, человека из народа и разделившего с народом самую страшную трагедию в его многовековой истории — геноцид, который «смогли превзойти» только гитлеровские фашисты, стал символом армянской нации, одним из тех имен, которыми она гордилась и будет гордиться всегда. Поэтому поэма Паруйра Севака — не только и не столько биография Комитаса, сколько эпическое полотно жизни народной, произведение, которое показывает, что лишь неразрывные узы с народом рождают и питают гения.

Работа над переводом была очень трудоемкой, но зато волнующе интересной. Сложна архитектура поэмы, разделенной на 6 больших частей (трезвонов), которые в свою очередь делятся на главы (звоны) со своеобразной рифмовкой и выделением отдельных строк, чему я следовал неукоснительно. Яркая, густая образность Паруйра Севака такова, что было жаль потерять хотя бы один из его бесчисленных образов. А тут еще в ткань произведения вплетены подлинные строки стихов, песен и духовных гимнов самого Комитаса. Не мало забот доставляла даже рифма: вся поэма, за исключением маленькой главки, написана мужской рифмой, что лишило переводчика главного клада русской поэзии — рифмы женской и дактилической.

Но сейчас, после двух лет ежедневной работы, эти трудности позади, и я радуюсь, что русский читатель наконец-то сможет ознакомиться с этим выдающимся произведением нашей многонациональной советской литературы.

Гарольд РЕГИСТАН

Межрайонный
СПЕЦЗВОД

Благовестный звон

В тысяча восемьсот шестьдесят девятом году¹
Какие плоды наливались в армянских садах,
Какой урожай созревал на армянских полях? —
Сказать нелегко...
Я ответа уже не найду...

Но чрево Армении-матери было в тот год
Воистину свято, воистину плодоносяще, и вот
Явился на свет мальчик в Дсехе, лорийском селе...
Потом должен юношей стать он на отчей земле,
Потом к нему зрелость, а следом и мудрость придет,
Маро² он несчастную, плача безмолвно, убьет,
И наше Стенание он до небес донесет.
Устами его, обожженными скорбью, рыдать
Над сыном Саро будет горем убитая мать,
И слову Давида Сасунского будет внимать,
От страха немея, Мелика несметная рать,
И будет Гикор «Заходите сюда!» зазывать...

А в том же году, от лорийских ущелий вдали,
В глубинах затерянных анатолийской земли
Еще один мальчик явился на свет.
В честь него
Надел архалук, сняв передник, сапожник Гево.
И — каждый с бутылкою водки — соседи пришли,
Чтоб в доме отца вместе с ним разделить торжество.
А после настал и для женщин-соседок черед:

¹ В 1869 году в селе Дсех Лорийской области родился выдающийся армянский писатель Ованес Туманян. В том же году в городке Кутина в Анатолии (азиатская провинция Турции) родился в семье сапожника Геворка Согомоняна великий армянский композитор Комитас.

² Маро, Саро, Давид Сасунский, Мэр Мелик, Гикор — герои произведений Ованеса Туманяна. «Стенание» — одна из поэм писателя.

Та — миску с яичницей, эта — с хавицем¹ несет,
Они у постели роженицы сели в кружок,
Желая, чтоб жизнь долголетнюю прожил сынок,
Чтоб мать поправлялась быстрее,
чтоб выпал ей клад:

Невестка хорошая в доме И много внучат...

И был этот день, вероятно, —
Пусть не для людей,
То для всемогущей природы —
Счастливым из дней,
Был праздником необычайным:
Ведь знала она,
Кого родила,
И слыхала она лишь одна,
Какие напевы армянские зрели в тот миг,
Когда прозвучал первый, мало что значащий крик
Двух смуглых младенцев...

И полдень, наверно, в тот день,
Как витязь проснувшийся, плечи расправил,
А тень
С поджатым хвостом
Псом испуганным
Сжалась в комок...

Наверно, в тот день водопадов могучих поток,
Как на полотне,
Низвергался беззвучно со скал,
И свет пел, как птица,
И камень вприсядку плясал...

Наверно, в песках Анатолии
Люди во сне
Испили прохлады лорийских долин в тишине,
Поля и сады,

¹ Хавиц — мучное кушанье у армян, которым кормят рожениц.

Что с тоской ожидали рассвет
И жаждой томились, подобно вдове в двадцать лет,
Насытил пречистою влагою страстный Дебет¹...

А людям в лорийских ущельях
Пригрезился сон,
Был необычайным,
Был дивным и сказочным он:
Из южных краев
Азаран² прилетела во мгле,
На плоскую крышу
Жар-птица спустилась в селе
И там с петухами
Рассвет протрубила светло,
Потом

в древнем дубе она
Продолбила дупло
И — вдруг —
Клювом острым
Оттуда лучи извлекла,
Что сложены были,
Как сложена книга была
Святых шараканов³ Одзунского монастыря⁴.
Пока те лучи раскрывались,

как веер горя,

За складкою складка,
И людям казалось — вот-вот
Малиновый звон «дили-дон!»
Над землей поплынет,
Ракетою вдруг Азаран в поднебесье взвилась,
Кометою вдруг Азаран в небесах пронеслась,
И... то ли на Утренней села звезде голубой,
И... то ли сама стала Утренней новой зездой...

Наверно, в тот день —
После стольких печальных веков! —

¹ Д е б е т — горная река в Лори.

² А з а р а н — сказочная птица (жар-птица).

³ Ш а р а к а н — молитвенный гимн-песнопение.

⁴ Одзунский монастырь (VII век) находится в одноименном селе в Лори.

Пришло к небесам и земле
примирение вновь...

Наверно, от слова Армения
Тихо, как тень,
Приставки «Турецко...» и «Русско...»¹
Отпали в тот день...

¹ До революции Западная Армения называлась Турецкой Арменией, а Восточная Армения — Русской.

Звон сиротства

Сын истинный армянского народа,
Как и народ, остался сиротой.
Ему от роду не было и года,
А мать... ушла.

Ах, если в мир иной
Она ушла — пусть к небу устремится,
Как верила она,
Ее душа,

Но почему ушла Армянская Царица?

Осталась бы
И грудью малыша
Кормила — своего бы Согомона,
Чтоб побыстрее рос наш Комитас.
Осталась бы,
Заботилась бессонно
О сыне,
О единственном для нас.

Осталась бы,
Как мать, сомнений тучи
Со лба его
Гнала в ночной тиши.
Снимала бы занозы и колючки
Сначала с ног босых,
Затем с души.

Осталась бы,
Чтоб в тягостные годы,
Которые придут, придут потом —
И зашагает сын под непогодой
Своим тернистым траурным путем,
Что станет безвозвратным, безысходным, —

Мать сердцем разделить могла бы с ним
Боль черную,
С единственным своим
И нашим общим гением народным...

Осталась бы,
Чтоб весь народ прозвал
Ее «Великой матерью» за муку,
Чтоб платья край с почтеньем целовал
И подносил к устам святую руку.

Осталась бы!.. Но не осталась, нет!

Тогда хотя б отец его остался...
Неполных было сыну десять лет,
Когда отец ушел, навек расстался.
Сын истинный народа — сиротой,
Как и народ, стал с горькой той минуты.
Бездомный, он сносил мороз и зной
В пустом гнезде.

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..¹

Мир для него стал бесконечным, смутным,
Как сон дурной...

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Сердечко — раненое с юных лет,
И пот — на лбу, и слезы — на ресницах,
Дрожа под ветром зимним, бос, раздет,
Куда пойти, где в горе преклониться,
И чай тоныр² теплом согреет скучным
Его в пути...

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Сиротки сердце —битое стекло,
Заблудшему ягненку — мир весь ясли,

¹ Здесь и далее везде в тексте — шрифтом выделены подлинные строки или названия песен Комитаса.

² Тоныр — врытая в землю печь из обожженной глины.

Колючками сердечко проросло,
Ломоть улыбки, или корку ласки,
Или хотя бы взгляд в дороге трудной
Подарит кто?

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Пел по дворам он — голосок журчал,
Смеялась песня, но слеза блестела,
Горело сердце — только кто видал! —
Мехами боль была, а горном тело,
Не пар, а дым клубился в холод лютый,
Когда он пел...

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Так два нелегких года будет он
Петь и глядеть вокруг с надеждой горькой,
Что подадут яичко или корку,
Взгляд будет в одну точку устремлен,
А мысли разлетаться поминутно...
Начало было раной, день твой судный
Каким придет?..

— ЭХ, ОТРОК БЕСПРИЮТНЫЙ!..

Звон Микобанид

Наследства для сына Гево не скопил,
Сокровищ скопить Тагуи не смогла.
Но сын-сирота в дар от них получил
Все лучшее, что им природа дала.

А что им дала она? Голос журчащий один —
То нежный,
Как голос вина, что струится с журчаньем в кувшин,
То звонкий,
Как ветер в ущельях, поющий о снеге вершин,
То мирный,
Так «Кха!» — свой псалом — куропатка поет,
То вдруг полноводный,
Как мельничный водоворот.

Что знали они — Кутину¹, что была
Затеряна в анатолийской дали.
Но, видимо, память в их душах жила
О прадедах — тех, кто, скитаясь, пришли
Сюда, в Кутину, из какого-то Цхна
В какие-то сказочные времена.

И больше не знали они ничего,
Сгущалась уже янычарская мгла.
Кто мог рассказать им о том, что была
Деревня по имени Цхна и цвела
Она под Масисом², на склоне его?

Кто мог рассказать им о крае отцов?
Что Гохтном³ он звался, прекрасен и юн,

¹ Кутина — уездный город в Турции, более трети населения которого были армяне.

² Масис — гора Арарат.

³ Гохтн — область в исторической Армении, славящаяся своими гусанами: авторами, музыкантами и исполнителями своих песен, создавшими армянский эпос «Виласанк».

Что родиной был он гусанов-певцов,
Наш эпос творивших под пение струн...

...С пандирном¹ в руках, что звенел, как родник,
На плоские камни присев у ворот,
Они воспевали глаза Сатиник —
Царевны аланов, не знавшей забот.
Потом о царе Арташесе² рассказ
Они начинали — был мудр он и смел,
Стремительный, стройный и гибкий, как барс,
Он красный аркан с позолотой имел...
А сына его Артавазда с собой
Каджи увеличили — духи горных вершин...
Царь Трдат воспевался в тех песнях порой —
Он в них
Как могучий шагал исполин,
Он дамбы разнес,
Башни он сокрушил...
Ах, как похотлива была Шамирам³,
Зной страсти ее ослепил, закружил...
Ах, как величав был Прекрасный Ара —
И жил он прекрасно,
И умер, как жил...

А были порою неграмотны эти певцы,
Порою калеки, порою с рожденья слепцы,
Но пламень святой их всегда изнутри озарял,
Когда их тавих семиструнный сердца отворял.
И бог в этих песнях рождался — такой молодой! —
Бог огненнокудрый и с огненною бородой⁴.
От мук родовых содрогались и небо, и твердь,
И море от мук родовых начинало кипеть,
Из горла тростинки огонь поднимался и дым...
Так пели они,
По просторам скитаясь родным:

¹ Пандирн, тавих — старинные армянские музыкальные инструменты.

² Арташес, Трдат, Ара Прекрасный — цари древней Армении.

³ Шамирам — ассирийская царица, чью любовь отверг Ара Прекрасный и был за это ею убит.

⁴ Имеется в виду языческий бог Ваагн, о рождении которого сохранилась древняя песня.

О нашей земле плодородной,
О нашем вине,
О трепете наших сердец,
О лозе в вышине,
Так пели они
О пшенице в родимом краю,
О нашем веселье и плаче,
О павшем в бою, —
Задуматься песней,
Мелодией тяжко скорбеть,
В стремительном танце
Руками взволнованно петь...

Кто, как не они, эти пальцы нам дал,
Чтоб пел барабан и гремела труба,
Кто ноги оленя нам дал и призвал
Зарю навасарда¹, что так голуба,
Кем дым очагов — дорогие огни —
И свет вардавара² во мгле зажжены,
Кто все подарил это, как не они,
Сказители Гохтна, певцы старины.

И кто бы подумал, что полуразрушенный ствол
Из Гохтна далекого спасшийся чудом в огне,
В какой-то лачуге, где сумрак угрюм и тяжел,
От Гохтна вдали, в бесконечно чужой стороне,
Где гноя чужого зараза, как черная тать,
И тело, и душу грызет в лютый холод и в зной,
Кто мог бы подумать,
Что Гохтн благородный опять
Сверкнет, засияет,
Такой же свободный,
Родной,
В достойном наследнике
Славных гусанов-певцов,
Чьи трубы и звонкие струны в далекие дни
Дыханьем своим
От чужих отличались творцов
И недосыгаемы этим поныне они.

¹ Навасард — первый месяц в языческой Армении (приблизительно середина августа).

² Вардавар — языческий праздник роз.

Кто прихоть судьбы, кто каприз ее может постичь,
Тем более если... армянская это судьба?
Внезапный зигзаг божества, словно огненный бич,
Всю нацию вдруг разорил —
Но стенаний тропа
Дорогой становится, что к единению ведет,
Падение вдруг превращается в новый полет...

Кто прихоть судьбы, кто капризы судьбы разберет,
Тем более нашей... армянской?

Звон кафедры

Эчмиадзин. Тысяча восемьсот восемьдесят
первый год.

Плоды и пыль. И солнце яро жжет.
Масис и Арагац в полдневный зной
Соперничают яркой белизной.
Святые камни — память старины.
И мать-Аракс.
И ввысь устремлены
Собора Кафедрального кресты,
Как будто озирают с высоты
Монастырей окрестных купола.
Звон льют,
Поют,
Зовут колокола...
Духовной академии врата.
В храм мысли, как озноб, зовет мечта
Всех тех, кто жаждет знания найти...

Просторный двор на всем его пути
Заполнен шумной пестрою толпой —
У каждого наряд и говор свой —
Слетевшихся сюда со всех концов
Пока неоперившихся птенцов.
И все они из сумрачной дали,
Из темноты с одной мечтой пришли:
Частицу света —
Знанье обрести...

Кто будет принят?
Сможет перейти
Закрытый академии порог?
Кто сдаст экзамен?
Страха и тревог
На детских лицах видятся следы,
Следы ночных бессонных и мечты.

Как много их,
Куда ни кинешь взгляд —
Свое наречие и свой наряд.

Но ты взгляни на этого — на нем
Рубашка рдеет алым кумачом,
Зеленые штаны и поясок —
Наряд армян турецких.
Пыль дорог
На стоптанных чувяках,
сквозь шнурки
Пестреют полосатые носки,
И милое лицо, и бледность щек,
Блуждающий и отрешенный взгляд...

Все дети вместе, рядышком стоят,
А он один. О, как он одинок.

В такое сердце острым ткни ножом —
И капли крови не найдется в нем.
Как трудно оставаться одному.
С кем говорить, довериться кому?

Да знает ли армянский он язык?..
Бог только знает, только бог постиг.
Как он учебы,
Знаний жадно ждет.
Однако кто его

сюда возьмет —
Здесь академия... Тот, кто под этот свод
Воспитанником скромным попадет —
Священником в армянский храм войдет,
Сан вардапета¹ избранного ждет.
А он...

Ему на завтра жребий дан
Петь для Католикоса всех армян...

¹ Вардапет — соответствует сану архимандрита.

Звон католиканья

И песню... на турецком он запел.
Сначала дрогнул детский голосок,
Потом обрел себя, окреп, взлетел,
Ворвался в русло,
Звонкий, как поток.
Но сумрачно католикос глядел.

И вспыхнул гнев
В глубинах старых глаз,
Мгновенную улыбку погасив,—
В старинных стенах храма
В первый раз
Дымился святотатственный мотив...
В святом загоне паства
пастырь сам
Внимает нечестивым словесам
Какого-то мальчишки, что поет
Греховные слова...

А этот свод
Лишь золотым мелодиям внимал —
Здесь «Отче наш», здесь «Лиши святой»
звучал,
Веками здесь грабар¹ и шаракан,
Как гимны, волновали всех армян.
В покоях патриарших, где вокруг
Все свято,
В первый раз под чуждый звук
Горчица святотатства пала вдруг...

Но был святейший непоколебим,
Возвышенным молчанием храним,
А песня мальчика... взяла размах,
Ввысь поднялась

¹ Грабар — древнеармянский язык.

На солнечных крылах,
Упала камнем — от стены к стене
Ударилась, и снова в вышине
Повисла как на ниточке она,
Хоть и была та нитка не видна,
И снова лепестками миндаля
Осыпалась — так сыплется, пыля,
Известка с монастырских потолков...
И рвался сквозь оковы жалких слов
Прозрачный голос горного ручья —
Смеялась, пела, плакала струя.
Слова... такие жалкие, увы,
Но голос... полон чистой синевы, —
То молит он, то протестует он,
Добром и гордым духом озарен,
Как будто, старый оживив собор,
На колокольне, рвущейся в простор,
Подвешен новый колокол,
пока
Волнующий сердца без языка...

И чудится: что облака блестят,
И чудится: лучи с небес летят,
И чудится: жары полдневной нет,
И чудится: исполнился Завет...
И в старых жилах патриарха вновь
Забилась жарко молодая кровь —
Кровь заразительная юных дней, —
Душе бесплотной было тяжко с ней,
Когда в греховном теле плоть жила, —
Неужто старых мук пора пришла?
(— Спаси, спаси нас, господи, от зла!...)
А мальчик певший,
Мальчик, что стонал?
У всех перед глазами вдруг он стал
Богатырем из сказки, вырос он,
Могуществом, могучий, наделен

И все забыл католикос-старик —
Где он, и кто в покоях в этот миг
С ним рядом замер в гулкой тишине, —
Он улыбался тихо,
Как во сне.

Хотя слеза ресницы обожгла,
Потом улыбка таять начала
И без следа исчезла...
Но слеза
Еще сильней туманила глаза...
И, всхлипнув, прошептал он:
— Мой сынок!..
Сиротка мой... —
И говорить не смог.

Звон пробуждения

Сомнения были, и жаркие споры велись —
Ведь книгу канонов нельзя никому преступить,
Не знали, как им с исключением единственным быть,
И все же в законах неписаных буквы нашлись,
И только за голос
Попал в академию он...

В тот год еще знойное лето не взяло разгон,
Как новые скверные вести до всех донеслись.

Во славу аллаха султан Гамид
Решил —
К устрашению
Всех армян
И к сведенью
Старой Европы,
Что длинный свой нос норовит
Засунуть в дела отдаленных стран,
Не думая долго — султан не мудрил —
Бац! —
Вместо пощечины,
Словно пощечину —
Трах! —
И слово «Армения» он запретил,
Стер с карты, из книг,
С языка соскоблил —
Вот стер его! Нету!
Свидетель — аллах.
И не было!
Некого и притеснять!
И больше не будет!
Решил —
Сокрушил!

А кто восстановит?
Ах, если бы знать...

Действительно, кто бы разбитое восстановил?
Не царь Александр ли? Но это же он в свой черед,
Святое распятие выставив всем напоказ,
С улыбкою христианина — я веры оплот! —
Рукой начертал свой всемилостивейший указ,
Что в школах армянских отныне наложен запрет
Историю древней Армении преподавать как предмет —
Истории не было,
Да и Армении нет! —
Так царь
Протянул свою руку
Султану в тот год...

А как в академии время питомца течет?..

В устах отуреченных, испепеленных тоской,
Подобно плодам ароматным, не тая во рту,
Слова ему сладость дарили своей новизной,
Из темной безвестности рвались они в высоту,
И крепче кремня они были —
Гайк Храбрый¹, Ара и Арам²,
Великий Тигран³ и Маштоц⁴ —
Несть числа именам.

И ключ, не подверженный ржавчине, ключ золотой
Месроповских письмен старинных
Сначала с трудом,
Потом с недоверием строгим, потом с добротой,
Со звоном веселым, с доверчивым звоном потом
В замке слов армянских врацался
И дверь отворял —
В дни подвигов славных,
В года испытаний и бед,

¹ Гайк Храбрый — легендарный праотец армян.

² Арам — герой мифов, защитник границ армянской земли.

³ Тигран Великий — царь древней Армении.

⁴ Маштоц, Месроп Маштоц (360—440) — создатель армянской письменности.

И случаев невероятных секрет поверял —
Что есть справедливость,
Что есть воскресения свет...

Он всем был навеки обязан ключу своему,
Открылись для мальчика в яркую сказку пути,
В мир древний огромный, волшебный сумел он войти,
Который до этой поры был неведом ему.

И в аудиториях светлых, и в келье глухой,
Под скучной лампадой, и даже когда затыкал
Он уши себе —
То пандирн все равно в нем звучал
И песня гусанов из Гохтна звенела рекой:
Любовь воспевала она и на битвы звала,
На праздничный пир вардавара вела, весела.

И вопли теленка, и хриплые крики коров,
Которых в языческих храмах вели на убой,
Уже диссонансом могучим срывали покров
С мелодии христолюбивой, несущей покой.

Потом, взяв за горло мелодию, шум нарастал,
Шум диких кушанов и варваров топот и скач,
И цивилизованных римлян
Жестокий оскал
Мелодию рвал, порождая и стоны, и плач...

А режущий дискант труб римских
Сменял, озверев,
Персидских слонов контрабас — устрашающий рев,
Гигантские палочки — копья и пики,— взлетев,
Взамен барабана, людских не жалели голов.

То сабель сельджукских врвался отчаянный свист,
То крик смельчаков, наводящих на недруга страх,
То стрелы железные луков монгольских неслись
И, впившись, дрожали в уже опустевших глазах,
Щиты ликовали, хотя был их голос суров,
Сигналы командные труб призывали на бой,
В руладах неистовых мчалась потоками кровь,
Пожары в руках фугу смерти несли над собой.

И самозабвенно
Он все эти звуки ловил.
И с криком звереныша:
— Мамочка, мама, идут! —
Он вскакивал с места,
Соседа по келье будил:
— Скорее, скорей просыпайся, враги уже тут! —
В испуге тот вскакивал, спрашивал: что же стряслось?
Потом он ерошил свой чуб и глаза протирал
И, даже не слыша ответа на свой же вопрос,
Соседа за крик надзирателем сонно пугал,
И, словно магнитом притянутый, медленно он
На жесткую падал подушку, в неконченный сон.

Звон зрехобній

А время делало свое!
И пролетали годы день за днем,
И чувствовал потребность он... но в чем?

Ах, эта келья — затхлое жилье,
Где привкус пыли желтых книг во рту.
Скорее в дверь, на воздух из нее.

Арык перемахнул он на лету
(Монаху непристойно!), и идет
Он по дороге, что в сады ведет.

До Аараты тянется она.
Внизу Аракс. Долина зелена.

Идет весна.

И воздух допьяна
Насыщен цветом, запахом, теплом
И криком — он и в сердце молодом!

Идет весна.

Расплакались снега,
Чтобы, ручьями моя берега,
От страсти помутнев, лететь, спешить
В объятия друг друга заключить.
И птицы, что слетелись по весне,
Попарно закружились в вышине.

В цвету деревья,
И трава цветет,

Любовный отклик в их сердцах найдя,
Инстинкт
Их к опылению зовет.

И звери,
На охоту выходя,
Пасутся,
Но любовный жар их жжет —
Друг друга рвать они начнут вот-вот.

А сердце? Сердце?!
И его покой
Ветра любви куда-то унесли,
То разольется
Вешнею рекою,
То дождиком расплачется вдали —
Ему «желанной» хочется назвать
Кого-то,
Задыхаясь прошептать:
«Любовь моя, о, как ты мне нужна,
Когда же ты придешь?!»

Весна. Весна!
Арык от мяты опьянел слегка
И стал восьмерки-кренделя плести,
Шатаясь, бьется он о берега,
Как пьяница о стены по пути.
Глазам щекотно: озарив простор,
Алеет маков пламенный костер,
И незабудки синевой горят.
Стоит тутовник
Вдоль дороги в ряд,
Приземист, коренаст и узловат,
Стоит он, обезглавленный сплеча
Рукою милосердной палача,
А вместо прежних жилистых ветвей,
Взамен одной — по двадцати на ней
Ветвей зеленых, гибких, молодых.
И если издали смотреть на них —
Не то стоит огромная метла
И с горизонта ясного вот-вот
Край облака последнего сметет,

Не то букет зеленый обвила
По горлу лента, затянув его,
Он у дороги часа своего
Ждет, принести себя готовый в дар:
Бери любой прохожий —

млад и стар,

Не то достать до неба самого
Кисть хочет —
Свод небесный обновить,
Лазурный цвет на изумруд сменить...

Теперь, оставив позади арык,
Идет он через поле напрямик.
Призываю трубой звучит тоска.
В мычанье одинокого быка.

И, как порожний глиняный кувшин,
Под ласковым дыханием ветров
Поет дупло простую песнь без слов.

Там, за деревьями, Эчмиадзин —
Но лишь собора купол вознесен
Над солнечной стеной цветущих крон,
Так схожий с опрокинутым вверх дном
Огромным птичьим сказочным гнездом.

Посуды старой черепки — и те,
Послушные цветущей красоте,
Впитали яд весны,
И, словно вздох,
Кольцом их окружил зеленый мох.

Из вскрытой вены молочая сок
Холодным молоком течет в песок —
Ему неведом жаркой крови ток.
А персики без пламени горят,
Но искры через весь овраг летят.

Вдали, в деревне
Смотрит с высоты
Над каменной колодой для воды
Горбатенькая ива —

Ветвь одна
Протянута, как нищенки рука.
На что, на что надеется она?
Ведь милосердье ей наверняка
Уже помочь не сможет — высох ствол,
Ах, ива старая, твой век отцвел.

А рядом — полем девушки идут,
Смеясь, они сибех¹ и мяту рвут.

То молодицы разбегутся вдруг,
То снова соберутся в тесный круг,
То медленно сгибаются они,
То быстро выпрямляются они,
То криком звонким оглашают даль,
То, словно вдруг почувствовав печаль,
Бегут друг к другу, нежности полны,
Их руки полные обнажены,
И как нарочно, словно хмель весны,
Обтянутые формы их видны.
Видны,
Чтоб... сердце инока смутить,
Чтоб... без огня его испепелить,
Чтоб... вечной ссорой с богом разлучить!..

Каким-то чувством нечестивым он
Неотразимо был заворожен,
Хотя не знал ему названья он.
Оно, как липкий молочая сок,
Его покрыло с головы до ног.

И он кусать невольно губы стал,
Свое спасенье в боли он искал,
Но даже боль стихает —
Так сильны
И властны козни
Молодой весны.

И закрывает он глаза тогда,
Чтоб тьма могла разрушить навсегда
Виденье сатанинское.

¹ Сибех — съедобная трава.

Но тьма...

Девичьи формы пылкие сама
Как будто проявляет в черноте,
Чтобы еще более стали те.

Перекреститься хочет — силы нет,
Рука не поднимается в ответ,
Он хочет, воздухом наполнив грудь,
«Помилуй, господи!» хоть раз шепнуть,
Но заплетается его язык,
И он под черной рясою кладет
Ладонь на сердце — пусть оно замрет,
Не бьется так и прекратит свой крик,
А то ведь лопнет на куски оно,
Как рвет кувшин бродяще вино.

А между тем в надежной келье ждут
Псалмы на полках — дремлют в полуслне,
Спасительная келья, где приют
Нашли немые хазы¹ в тишине.

Он повернулся назад,
Скорей туда,
В сырую келью,
Чтобы как всегда
Пытаться к хазам отыскать ключи,
Вновь зрение изнашивать в ночи
С неугасимой верой: день придет —
И боль в глазах однажды перейдет
В чудесный звон — напевы прежних дней
И для него, и для чужих ушей.

И повернулся он с полпути назад —
Пусть резь в глазах, пусть потускнеет
взгляд,
Лишь только бы избавиться он мог,
Смыть этот едкий молочая сок —
Прилипший к сердцу
Нечестивый клей, —

¹ Хазы — древнеармянские нотные знаки, ключ к расшифровке которых утерян.

Но в миг тот самый
Над округой всей
Вдруг загремело:

— СОНА ЯР!¹

СОНА!.. —

Горячей песни звонкая волна
Вмиг погналась за ним
И догнала,
За полы черной рясы повлекла,
Глаза ему зажмурила до слез,
В ладонях жарких таяла, как воск,
Крутясь, катаясь, падала у ног,
Чтоб шага дальше
Сделать он не смог,
Напоминала, продолжая звать,
Что наступает вардавар опять.
А это значит:

— СОНА ЯР!

СОНА! —

Цветы рассыплет по полям весна:
И девушки, подобные цветам,
Петь будут и земле, и небесам
Слова веснянки:

— СОНА ЯР!

СОНА... —

Шаг тоже подпевает в такт:

— СОНА! —

И грудь его вздыхает в такт:

— КРАСНА!..

...Когда под пенье третьих петухов
Он задремал, истомою томим,
Какая-то СОНА
Вошла из снов,
Подходит, и склоняется над ним,
И шепчет:
— Видишь — в серебре гора,
На склоне там ХУМАР² — моя сестра

¹ «Сона Яр» — буквально: «Моя возлюбленная Сона», народная песня в обработке Комитаса.

² Х у м а р — армянское женское имя и — одновременно — хмель.

Спит, юная, открыв лицо свое,
Чтоб красоту увидели ее...

...Ковер, что словно соткан из лучей,
Закончив, девушка тропой идет,
Лицо омыл ей серебром ручей,
Лучистый взгляд ШОХЕР¹ пьянит, зовет,
И очи богоматери у ней,
Вокруг головы венец
Из черных кос,
Чудесный голос, как у соловья,
Но в песне и насмешка, и вопрос:
«Ах, дуралей!
Все спиши, все спиши небось!
Боюсь, проспиши —
И пашня навсегда
Останется невспаханной твоя.
Когда проснешься,
Прибежиши сюда,
Что толку звать: ШОХЕР, ХУМАР, СОНА, —
Твоя ШОХЕР исчезла без следа,
Твоя ХУМАР другим уведена,
Твоя СОНА другому отдана!..»

Какой-то смутный и мятежный сон,
Им мучается до рассвета он.

...То вдруг
Светловолосую СОТО
Он видит пред собой — откуда? Кто? —
Стоит она задорно у гумна,
А ветер юбку лихо подхватил
И круглые колени оголил,
А на изгибе родинка видна
Прелестная,
Но стала вдруг она
Большою черной кляксой, а потом
Упала на старинных песен том
И на орнамент хазов пролилась,
Смешав их неразгаданную вязь...

¹ Шохер — армянское женское имя и — одновременно — луч.

...Вдруг тот же ветер,
Но уже с другой
Девицею играет молодой.
У молодицы русых кос виток
Он расплетает —
Волосы до ног
Стекают, словно струны, за спиной,
Но и невеста, и волос поток
Становится вдруг... арфой золотой,
И начинает ветер озорной
На арфе тела женского играть.
И... хазы расшифровывает он!
А инок, сквозь неодолимый сон,
Пытается поймать их, записать
(Вот-вот раскроет вековой секрет —
Заставит хазы мертвые звучать
И потрясет открытием весь свет!),

Но тут...
Тут ветер, завистью дыша,
Задул, на арфе струны сокруша,
Швырнул их кверху так, что скрылся след, —
И арфы нет,
И тайны хазов нет...
А вместо русых солнечных волос
Как будто пламя алое взвилось
И тает, тает в синих небесах,
А молодица прямо на глазах
Становится кадильницей — и вот
Пьянящий запах ладана плывет, —
Кто слышал
О кадильнице живой?!

А ветер оборвал внезапно вой
И, съежившись, на дереве сидит.
(Что за жара, о господи, стоит!...)

А золото развеянных волос
Опять в тугое косы заплелось, —
Кадильница исчезла без следа,
Вновь перед ним, прекрасна, молода,
Невеста белокурая стоит,
Которая,

Мужской увидев взгляд,
Вся покраснеет с головы до пят
И, резко повернувшись, прочь бежит.

(Куда ты, бессердечная? Вернись!
Безбожница, куда ты? Оглянись!..)
И в тот момент, когда глаза его
Не могут скрыть восторга своего
И смотрят в восхищении немом,
Она взметает платьем пыль столбом —
И все равно (ох, жарко до чего!)
На миг прохлада веет на него,
Но тут же пыли горсть в глаза летит
Бедняге...
И хотя еще он спит,
Но за глаза хватается во сне,
Как больно им,
Они в сплошном огне,
Он трет их, трет с надеждою пустой...
И просыпается от боли той!..

Звон откровения

Как мысли, за годом сменяется год,
Сменяется найденный выход на вход.
Он, в книгу уставясь глазами, живет,
А мыслями — в песню.

Так время идет —
Учеба и песня, владычица дум,
Тома с шараканами и Манрусум¹...

Пока день за днем продолжают свой счет,
Мысль с мыслью о хазах беседу ведет:
Безмолвные хазы — опять и опять
Он должен утерянный ключ к вам искать.
Ведь с вами — он знает — несчастный народ
Завидное счастье в судьбе обретет.
Он вас расшифрует — сокровищ моря
Семье обнищавшей навеки даря.
Безмолвные хазы — опять и опять
Он должен утерянный ключ к вам искать.

Но книга — лишь книга, а хаз — только хаз,
Есть жизнь, чьи объятья открыты сейчас,
Есть песни, что трепетом жизни полны
И светом пронизаны из глубины,
Что дышат, живут и звучат на устах
И отклик ответный находят в ушах.
Живой человек эти песни творит,
О жизни, волнуя живых, говорит —
Вот так и текут песни в разных местах,
Еще в Манрусум не попали они
И хазами, смолкнув, не стали они...
Так где они?

¹ Манрусум — музыкальная книга, написанная нотными знаками, в данном случае — книга хазов.

Все-таки в чем их секрет?
Они есть сегодня,
А завтра их нет,
Сегодня поются
Повсюду вокруг,
Но если устанут от пения вдруг
И петься не станут —
Как хазы, тогда
Они, каменея, замрут навсегда.

Откуда идут они?
Путь их куда?
Что пеной исчезнуть должно без следа,
А что сохраняется, будто вода?
Что в песнях воодушевленье родит?
Чем чужды они, что их с нами роднит?
Чем общим мирское с духовным близки
И чем друг от друга они далеки?

Что мутность одним и прозрачность другим
Дает? Что зовется твоим и чужим?
В чем прочность одних и ущербность других?
Что грубого в них и что нежного в них?

А вдруг в этом ключ
К тайне хазов немых?..

Звон памяти

Где песни звон,
Там был и он...

...Печальна жизнь, как стон,
Иль весела —
Одной судьбой с народом песнь жила...

Народ и судит песней, и рядит,
Он песней любит,
Песней он грустит,
Он ею весел, ею удручен,
Горит он песней, песней тлеет он,
Он с нею пашет, сеет и прядет,
Ребенка в ляльку
С песней он кладет,
Он с песней косит,
С песней боронит,
Он радуется с песней и скорбит,
Он с ней хоронит близких и друзей,
Играет он крестины, свадьбы с ней,
От песни начинает день светать,
И с песней вечереет он опять.

А он...
Когда все было?..
Память, стой! —
В двенадцать лет несчастным сиротой
Под своды академии святой
Был за руку мальчонка приведен,
Сого-сиротка, инок Согомон.

И добрые, несущие тепло,
И жалящие холодно и зло,
Еще двенадцать полных долгих лет
Средь этих стен прошли — и вот их нет.

И вот теперь, когда не отложил
Он без ответа ни один вопрос,
Он, Согомон, ученье завершил
И Комитасом¹ стал.
Католикос,
Чье имя он отныне принимал,
В нем чувство преклоненья вызывал —
Ведь это им в далекие года,
Пусть с краю, но проложена была
Мелодии армянской борозда,
Чтоб урожаем будущим цвела.
Он был поэтом,
Песен был творцом,
И музыкантом был он,
И певцом.
И нам он, вместе с именем своим,
Как памятник себе, что нерушим,
Оставил песню,
Свой народ любя:
«О души, посвятившие себя...»

Век протянулся,
Выполз вслед другой —
Армянская мелодия жила,
Огнем сияла,
Сквозь века текла
Качающейся медленно рекой,
В сердца вонзилась,
Трепеща,
Стрелой...

А сколькие
Блеснули с алтарей
Армянских малых и больших церквей,
Рассеянных по свету?!..

Но никто —
Ни в дар не получал,

¹ Согомон Согомонян принял имя Комитаса, Католикоса всех армян (616—628), автора духовных песен, теологического сборника «Книга веры», строителя известной церкви Рапсимэ близ Эчмиадзина. Его перу принадлежит известная песня-гимн «О души, посвятившие себя...».

Ни похищал
С тех пор
Католикоса имя то.

И вот теперь
Такой момент настал —
Пришел второй армянский Комитас,
Кто патриарха имени придаст
И новое звучание, и свет,
Хранить святую память дав обет.

И кто бы мог подумать в этот миг,
Который был возвышен и велик,
Что должен новый Комитас забыть,
Не выполнить обет безмолвный свой,
Недобрый чем-то отблагодарить
За доброе, ограбив рай пустой,
Что должен имя он затмить того,
Кто дедом был духовным для него,
Что он, забыв безмолвный уговор,
Предаст его забвению с этих пор,
Что языки он алые взметнет
Своей горящей жизни в небосвод,
И этим ослепительным огнем
Творящей жизни,
Как карандашом,
Предшественника смерть он подчеркнет.

TPE BOH
zapas

Летний Звон

Где слышится песня —
Там всюду теперь Комитас.

Вчера лишь —
Псаломщик, чей голос из хора звенел,
Вчера лишь —
Причетчик, что скромно над книгой корпел,
А ныне — он сам учит музыке стихнувший класс
И хор, где он пел, уже сам возглавляет сейчас.

Но стоило только закончить уроки ему,
От службы избавиться —
Он монастырь покидал,
Из кельи спешил он и днем, и в полночную тьму.
Туда уходил,
Где, маня, голос песни звучал.

А песня звучала повсюду
Средь гор и долин,
Звучала везде и всегда,
Где дышал армянин.

...Как девочка стройной невестой становится вдруг,
Так летом становится вдруг незаметно весна,
Холодные ветры уже не лютуют вокруг,
Сменил вардавар их — распахнута голубизна.
А травы так сочны,
Цветами простор напоен —
И точатся косы, и тупятся снова они,
Всесильный закон прорастания, вечный закон,
Себя победить ненадолго дает в эти дни.
Пора сенокоса!
Как в битве бойцы — косари,
Но кончился бой,
Каждый — как милосердия брат,

И жертвы,
Что сок источают,
Они до зари
Выносят,
Как будто спасти их от смерти хотят —
Несут на носилках,
Везут на арбе, на осле,
На собственном ташат горбу, изогнувшись дугой,
Но павшим цветам
И убитой траве не в земле
Лежать предстоит
И не в братской могиле сырой —
Их нежно и бережно на сеновалы кладут,
Пускай до весны аромат удивительный льют.

Но вскоре жара, что желанною гостьей была,
Всесильной хозяйкой нахально себя повела,
И... ссорит она даже мужа с женой, а поля
Сжигает без пламени, золотом их опаля,
И стал серебром отливать скороспелый ячмень,
А рожь и пшеница
Колосья колышут весь день
И тянутся кверху
Иссохшим своим языком.
И тянутся кверху,
Чтоб в озере том голубом
Прохлады испить,
Но безжалостен солнечный лик, —
Они лишь лизнут синеву
И отдернут язык,
Растительным мозгом поняв, что мечта не сбылась,
Что небо само
Посинело от жажды сейчас.

Жар летний палит,
Он такой,
 что хоть жарь без огня
На солнце форель,
Неподвижны в сиянии дня
Пруды и озера,
Лежат они синим стеклом.
Зато воздух маревом заколыхался кругом,

И с воздухом вместе колышутся песни слова:
— О ГОРЫ, ПОШЛИТЕ ПРОХЛАДУ... —

А горы едва
Стада и кочевников могут в прохладу одеть
На пастбищах горных...
Земля затвердела,
Как медь.
И вот уже песня молитвой летит в небеса,
Зовут облака, пристают к облакам голоса:
— О ГОРЫ, ПОШЛИТЕ ПРОХЛАДУ... —
Но где ее взять?!
И как они могут прохладу земле ниспослать,
Когда даже облачка маленького не найти,
Чтоб небо само,
Как лекарством, от зноя спасти!

И овладевает тогда всеми душами труд!
Крестьяне, крестьянки
Теперь с петухами встают,
Встают они в полночь глухую,
А не на заре,
И с курами вместе,
Стемнеет едва на дворе,
Спать быстро ложатся,
Но нет, предстоит им не спать —
Уставшим, измученным,
Им предстоит умирать
На жестких постелях
Распятymi,
Словно Христос,
Чтоб в полночь глухую
Воскреснуть им снова пришлось
И в хвост раскаленный работы
Вцепиться опять,
Чтоб глаз своих пламя
С пожаром рассвета смешать,
И спину свою будут гнуть они и разгибать,
И пота струя
Будет снова метаться по ней,
Как мечется
Дом потерявший в пути муравей...
Ведь в пору трескучей жары
Если день потерять,

То пригоршни золота
Можно тогда недобрать,
И будь на то воля их, —
Чтобы спасти этот хлеб,
Они мертвцам дали в руки бы
Вилы и серп...

С рассвета — в поту,
От надежд и мечтаний глаза,
А может, от солнца — порой увлажняет слеза,
— ХОТЯ БЫ НЕМНОЖКО ПРОХЛАДЫ!.. —

Поют заодно,
Поют о прохладе,
Которой познать не дано,
Но легче усталость осилить им так все равно...

А зной,
А жара!..

Задыхаясь от этой жары,
Собаки с рассвета
Забились в свои конуры,
Свисает язык,
Словно пламени алого клок,
Как будто огня
Проглотили случайно кусок
И силятся выплюнуть...

Тыквам зато благодать!
В жару им и в зной
Хорошо, толстопузым, лежать,
Они, как наседки,
Листву распушив среди гряд,
Выводят на солнышко тыковки,
Словно цыплят —
Пускай на плетне и перилах балкона висят...

Хоть для постороннего взгляда немножко смешной,
Ведет себя так же подсолнух, как шар наш земной,
Когда вокруг солнца
Степенно вращается он,
Все время
Головкою желтой
К нему обращен...

Воистину, зной не убийство ль решил совершить:
На жизнь покушаясь людей,
Хочет их удушить,
Свидетели-тени дадут объясненье одно —
Что было крестьянину в этот момент все равно,
Он должен работать,
Хоть чувствует смертный свой час:
Что сделаешь — лето,
Что сделаешь — лето
сейчас!..

Как с кровли худой бурно капает
В доме вдовы,
Так капают бурно плоды
Из дырявой листвы —
Их надо собрать, надо высушить,
Чтоб золотой
Похож абрикос стал
На солнца осколок литой,
А персик без косточки — на золотой лепесток,
Который на стол обронил небывалый цветок,
И черные сливы
Глядят на крестьян не таясь,
С доверчивым взглядом
Воловых задумчивых глаз...

Арба перегружена,
Тяжесть снопов велика,
И с жалобным скрипом
То выйдет,
То спрячется ось,
От пыли дорожной она износилась слегка
И деготь роняет — свой пот —
Из ступицы колес.

Чачары¹ клыками железными клацают всласть,
Оскалили хищные камы² кремнистую пасть,
Жуй вдоволь! —
И выстланный хлеб не спеша
Жуют они, неаппетитной соломой шурша,

¹ Чачар — молотильная доска с железными клинообразными зубьями.

² Кам — молотильная доска с кремневыми зубьями.

О солнечных зернах заботу в душе затаив
И втайне о ветре мечтая:
— О ГОРЫ МОИ,
ПОШЛИТЕ НЕМНОГО ПРОХЛАДЫ!..

Да только она,
Подобно невесте, что замуж была отдана,
Который уж месяц
Отцовский не видела дом.
А если придет,
Уходить не захочет потом:
— СКОРЕЙ УТОПЛЮСЬ,
ЧЕМ К СВЕКРОВИ НЕЛАСКОВОЙ В ДОМ!..

Труха где попало садится — весь мир замела,
На полу раскрытую библию даже легла,
Которая дремлет в соборе, устав призывать:
— ПОМИЛУЙ НАС, ГОСПОДИ,
И СОТВОРИ БЛАГОДАТЬ!..

А та благодать и действительно сотворена,
Повсюду является в виде литого зерна,
Шурша, поудобней улечься спешит в закромах,
И только карасы¹
Зевают в пустых погребах.
Но это — пока! —
И к лозе материнство пришло:
Как грудь,
Набухает от сока
Янтарная гроздь,
Забыв о стыдливости
(Зной выносить тяжело!)
Листву, словно пуговицы,
Расстегнуть ей пришлось:
— ЧТО ДЕЛАТЬ МНЕ, МАТУШКА,
СОЛНЦЕ МЕНЯ ПРИПЕКЛО!..

¹ Карас — большой глиняный кувшин для вина.

Звон осени

И высокомерная
Все-таки спала жара,
И скромности, знающей цену,
Настала пора.
И дождь, как связной, на себя взял посредника

роль,

Чтоб небо опять
Обнималось с землей до утра,
Оставив бессмысленной ссоры обиду и боль.

Как табор цыган
Или как коробейников стан,
Так осень кочует бессонно
По разным местам
И краски всему придает,
Как красильщик холстам.

Но если кричит коробейник, товары хваля,
Наборы из тысячи бус по земле расстеля,
Купить ароматную смолку и веретено
Старух престарелых и девушек юных моля,
Но если цыган всем на все обменяться готов:
Корзину плетеную на виноград и вино,
А мелкое сито на сотню других пустяков —
То осень...

Пришла не выменивать —
Только менять:
Погоду и воздух,
Цвета и оттенки цветов,
Пришла не затем, чтоб кому-нибудь что-то продать —
Она изобилие дарит
Зерна и плодов,
Напитков и ягод.
А главное —
Что без затрат,

Совсем безвозмездно, бесплатно
Все красит подряд!..

И все это не торопясь, незаметно для глаз:
Вчера авелук¹ был с веселой зеленою косой —
И вот уже неузнаваемый, сплошь золотой,
Свисает с фасадов домов и с балконов сейчас!..

Потрескались дыни,
Что сладостью слишком полны,
Сады, огороды их запахом освящены,
Арбузные корки,
Подобные фазам луны,
От пыли земной затуманены, затемнены.

Листва на деревьях ореховых вспыхнула вдруг.
Как будто раскуренный кем-то
Огромный чубук,
И клубами дыма
Туман обернулся вокруг
Давно непричесанных, пыльных, лохматых голов
Задумчивых гор,
Чем-то схожих с толпой стариков,
Что, встретившись вместе, уселись на корточках
в круг.

Пока абрикос и застенчивый персик листвой
Прикрыться пытаются, с ветром бесстыдным борясь,
Сняла уже ива-толстушка убор головной,
А стройная яблонька платья узорную вязь,
Подобно разгульной вдове
И неверной жене...
На самом же деле —
То осень в родной стороне!

Пшеницу толкуют,
В ступах каменных
Крупы дробят,
Из жарких давилен

¹ А в е л у к — трава типа щавеля, заплетаемая в косы для сушки.

Выходит вином виноград,
Лапшу нарезают в домах
И на прутья кладут,
Пока она сохнет —
 молчит,
А просохнет —
 шуршит,
И вниз ручейки
На постеленный войлок текут.

У ветра осенний грустный, потерянный вид —
В листве копошится,
Зачем-то ее ворошит.

Ручьи и арыки
Под слоем листвы не шумят,
А будто от пламени
Листьев горящих
Шипят.

А самой последней — сады покидает айва,
В просторных она сундуках
Поместилась едва,
Чтоб с яблоками толстокожими
Вместе лежать
И щеки румяные нежно, любовно прижать
К оборкам,красившим праздничный женский наряд,
И дышащий страстью, неистовый свой аромат
С волнующим запахом женского тела смешать.

И все это — осень!..

Теперь свет Вечерней звезды
Стал даже стучаться в дверь Дня
Негасимым лучом,
И кажется, будто, склоняясь сейчас с высоты,
Глядит не звезда в ореоле своем голубом,
А веер раскрытый, отделанный сплошь серебром!..
И стало настолько прохладно,
Что сырость в домах
Заставила даже расплакаться соль на столах,
А клочья соломы,
Которые ветер понес,
Похожи на кудри нечесаных русых волос.

Под веками тех, кто был прошлой зимой обручен,
Огонь нетерпения и ожиданья зажжен,
О свадьбе мечта обжигает сильней, чем тоска, —
Она предстоит, но пока еще так далека!
Волков ненасытных ночами разносится вой,
Что вслед за стадами
Спускаются медленно с гор.
У мельничных жерновов тоже характер такой —
Они ненасытны, их зов заполняет простор,
Телеги ползут — в них до края помол золотой...
И вот —

АРБЫ, ТИШЕ КАТИТЕСЬ!

И вот —

НЕБО ЗАВОЛОКЛОСЬ!

И вот —

С ГОР К НАМ ОСЕНЬ СПУСТИЛАСЬ!.. —

И вот —

В ЭТУ ЛУННУЮ НОЧЬ!.. —

И вот —

так всегда и везде,
и тепло, и светло,

Она —

что готова крестьянину
вечно помочь,

Она —

что всегда неразлучная,
рядом, близка,

Она —

для которой не страшны
ни дождик, ни тьма,

Она —

и раба,
и подруга,
и... третья рука,

Она —

это... песня сама!

Звон разглаголящийся

А песня...

Песня как скиталица была,
Что, дом покинув,
Мир огромный обошла,
Но снова к Родине прильнуть мечта звала,
Поскольку Родина... душой ее была.

А песня...

Птицею была, ей был знаком
Инстинкт, что звал ее в далекий перелет,
Она летела дни и ночи напролет,
И было ухо чуткое... ее гнездом.

А это ухо...

Клич веселый косарей,
Журчанье сонное литых колоколов,
Ручья смешное лепетание без слов,
Мерцанье смутное лампад среди ночей,
Звон ветра,
Жаркое дыхание печей,
И стон отвергнутого сердца, стон глухой,
Мечтаний шепот, и цветений голоса,
И вопли плакальщицы скорбной,
И слеза,
Что не наружу вырывается порой,
А как в пещере темной — в сердца глубине
По капле падает, горька и солона,
Но даже камень точит медленно она;
Надежд горящих треск в безмолвной тишине —
Они дровам подобны мокрым и гнилым,
Согреть сердца большим теплом им не дано,
Но как бы ни было там — двери все равно
Под силу им закрыть перед морозом злым;
И трепет листьев,
Что в беспламенном огне,

Зажженном осенью, горят под ветра шум,
Грудей касанье материнских к малышу,
Чай аромат подобен саду по весне,
Неистовые поцелуи матерей
И сыновей перед чужбиной тяжкий всхлип,
Во мгле давильни — теплой, липкой двери скрип,
Наседки ужас — коршун кружится над ней,
Новорожденного всевластный звонкий крик, —

Все, все на свете
Поднималось, как волна,
Росло
И морем становилось в ухе том,
На тысячи ладов оно звучало в нем,
Терзало, мучило — потребовав: сполнна
Из сердца в сердце
Эти чувства перелить
И душу каждую
Омыть
И окропить...

И все рассеянное в горестных сердцах
Единства жаждало, прося в одно собрать,
Оно мелодией мечтало стройной стать,
И все, что шумом было до сих пор в ушах,
Что звуком было на земле и в небесах,
Мечтало музыкой, песней зазвучать,
Искalo выхода,
Чтоб половодьем стать.

А на бумаге —
Всех мелодий и не счасть,
Что стали нотами.
А на бумаге их —
Тех песен тысячи, и сложных, и простых,
Есть и армянские,
Да и чужие есть.

А за пределами бумаги —
Океан,
Что воплощенья ждет,
Умелых добрых рук,
А за пределами бумаги —

Столько ран,
Которые в охрипших голосах крестьян
Везде, в любой момент
Стать песней могут вдруг.
А за пределами бумаги —
Сколько их,
Посеянных за жизнь крестьянскою рукой
Пока несжатых урожаев золотых!..

Собрать бы вместе их
И урожай двойной
Вернуть с любовью тем,
Кто, не жалея сил,
На поте и слезах
Те песни замесил.

И вместе с ним тогда
Крестьянин запоет:

— УПАЛО В МОРЕ ГОРЕ ГОРЬКОЕ МОЕ!..

Огни Звон

Но если горя груз
В пучину упадет,
Крестьянину и тут
Не очень повезет —
Покроет масло вмиг соленую волну,
Чтоб горе не смогло отправиться ко дну.
Заботы налетят, чтоб горе подхватить.
От илистого dna надежно защитить.
Нужда его начнет на гребнях волн швырять,
И вот оно уже на берегу опять.
И... прилипает вновь к крестьянину оно,
Как рубище к спине, что пот изъел давно.
Горячий пот бежит по той спине всегда —
А что такое пот?.. Соленая вода!

Молитвы тщетно шлет крестьянин в небеса
Лучом надежд из глаз
И верой в чудеса.
Бог — наверху, и он на ухо туговат,
Внизу — молитвы зов, слова не долетят.
Поля на склонах гор как рваные куски —
Сползают сверху вниз сплошные лоскутки.
На стенах копоть, грязь, и черен потолок,
Холстина на плечах, до стужи босоног.
И тысяча одной нуждой обременен,
И тысяча одну дыру латает он, —
Для сына должен он невестку попросить
И платье, и кольцо обязан ей купить.
И должен до дождей он кровлю обновить,
И старый долг вернуть, и подать уплатить.
Хозяину воды он должен взятку дать
И должен... И должны... И снова... И опять...
И должен он пахать,
И должен петь он в срок:
— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ,
ВСПОМЯНУТ БУДЕТ БОГ!

Хлев разбудив, орет петух из уголка,
И солнышко встает под шелест ветерка:

— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ, ЧЬЯ СЛАВА
ВЕЛИКА! —

Мальчонка-волопас пусть сладко спит пока,
А пахарю пора — дорога далека.

— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ, ЧЬЯ СЛАВА
ВЕЛИКА! —

И плуг сюда идет, и плуг туда идет,
И колесо, скрипя, то плачет, то поет.

— Хoo! Ступай, Шеко!

Шоо! Иди, Личин!

Вон посреди камней не вспахан целый клин!

— Ну, погоняй, Нико!

Паршивица подстегни!

— Пошел, а ну... пошел!

— Тяни, а ну... тяни!

Да не жалей его!

— Пошире делай шаг!

Гляди-ка, ведь пошел,

Пошел, да еще как!

— Ну, парень, погоняй! —

Осталось мало дел.

— Ах, проклятый Циран,

Да чтоб ты околел!

Ну кто так тянет плуг,

Не видеть бы глазам!

Уж лучше бы залез

В твою я шкуру сам!

— Эй, парень, эй, Тиран,

Помощник ты иль нет?

Открой глаза — поспишь,

Когда придет обед.

А поле — сплошь кремень,

А борозда — длинна,

Но остры лемеха,

И вдаль бежит она.

— Невестушка, куда пропала ты с утра?

Пора перекусить,

Да и попить пора.

А палки ты пока, погонщик, не жалей —

И Серого огрей, и Черного огрей!
Пока мы отдохнем хоть несколько минут,
Надеюсь, старый вол,
Ты не подохнешь тут?!

— А ты, бездельник, что не раскрываешь рта?
Как поле ты вспахал — не зябь, а срамота!
— Как месячный мацун¹, клянусь, Ваче, ты скис —
Вола ты отпустил, не сняв ярма, пастись!
Тебе я говорю,
Паршивец, сучий зять!
А тещу я твою не прочь поцеловать!
— С последней бороздой
У поля на краю
Развеем мы печаль извечную свою,
И почернеет вся земля тогда вокруг,
Тебе я говорю,
Сраб-джан, ты слышишь, друг?!

Вот и еда. Скорей развязем узелки —
Уж очень коротки весенние деньки.

— Что тычешься, Араб,
И дышишь горячо?
Да у тебя совсем холодное плечо!

Нам — плов,
А вам — траву,
Всем будет хорошо,
Такая уж пора —
Оро-овел! Шоо!

...Вставайте и волов давайте запрягать
И в землю лемеха поглубже опускать.
— Хоо! Оро-овел!

Начнем свой труд опять,
За новой бороздой
Через поля шагать.

— По-честному паши.
Удачен этот год.
Тебе он за труды
Сторицею вернет.

¹ Ма ц у н — вид простоквашин.

— Ах ты, негодник-вол,
Клянусь, за лень твою
Не сеном я тебя,
А палкой накормлю!
Да, знаю, ноги ты
Перетрудил, устал.
А я? Поверь, Циран,
Я сердце надорвал.
Я вижу — ты вспотел,
Родной мой пастушок,
А я?.. Я, джан Тиран,
В работе сердце сжег.

— Не слушайте его,
И ты свой стон кончай,
Рассей свою печаль —
Не мешкай! Погоняй!
От горя человек
Стал камнем —
Оровел! —
Все, что ни сделал бог,
Все человек стерпел.

А скрипа колеса пусть время не прервет,
О голос плуга, ты нам сладок, словно мед,
И жертвою не жаль стать голосу тому.
А если плуга нет, то что такое свет?
Всех в мире благ земных в нем зиждется секрет.
Стать жертвой бы ему!
Стать жертвой бы ему!

Хоо! Мой верный вол!
Ты жаждой опален.
Я тоже пить хочу. Я тоже утомлен.
Еще сильней, чем ты, устал я.
— Оровел!
Под солнцем, как и ты, я целый день горел.
Коль отвернулся бог и нам он не помог,
Мы громче позовем, чтоб вниз он посмотрел:
— БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ.

Хоо! Оро-овел!
— ПОМЯНУТ БУДЕТ БОГ,
Оро-оо-овел!

Звон бомб и професія

Наш разум от нас отвернулся —
Забыв оровел¹,
Калерг² позабыв, что над желтою нивой летел,—
Теперь стали многие душу свою изливать
Внейнимах³ и бейтах⁴.
Чистейшее бросив вино,
Себя обманув
И уже не пьянея давно,
Повсюду чужой научились
Шербет попивать.

Мы существовали,
Мы были — Давидом уже.
Однако себя мы не знали на том рубеже.
Поев мало репы,
Мы топнуть старались сильней⁵.
А было пока это — лишь топотанье детей.
И должен был кто-то прийти,
Дать нам молнию-меч⁶,
И должен был кто-то коня Джалали оседлать,
Дать щит и копье,
Чтоб нытье Мсра Мелика⁷ пресечь,
Заставив призывам Огана-Горлана⁸ внимать...

¹ Оровел — песня пахаря.

² Калерг — песня молотьбы.

³ Нейним — восточная (мусульманская) мелодия.

⁴ Бейт — род восточного стихосложения.

⁵ Имеется в виду эпизод из народного эпоса «Давид Сасунский».

⁶ Молниямеч, конь Джалали — меч и конь Давида Сасунского.

⁷ Мср Мелик — противник Давида Сасунского.

⁸ Оган-Горлан — дядя Давида Сасунского, обладавший зычным голосом.

Сначала он сам колебался —
Творил и не знал,
Какое названье труду своему отыскать.
Но имя достойное
Все-таки труд обретал:
Армяне оглохшие, время настало понять —
Есть песня у вас, вы о ней не должны забывать!..

...И если к армянским мелодиям, к песням родным
Из нас большинство оставалось беспечно глухим,
И если нашлись и такие, кто словно ослеп,
Оставил нетронутым сыр наш и праведный хлеб,
С чужой пахлавы¹ не сводили восторженных глаз,
То рад был чужой:

он мечтал об исходе таком,
То рад был чужой —
письменами,
словами,

тайком,

А если удастся, порочил в открытую нас —
И с легкостью целый народ оставлял без всего,
Без песни его неотъемлемой, пляски его,
Открыто он целый народ подминал и тайком,
Чтоб сделать его на подворье своем примаком,
Мужчину, имевшего крепкий, добротный свой дом,
В том доме столбы,
И надежную кровлю на них,
Под кровлей — большую семью
И гостей дорогих,
Которых привык принимать с уважением в нем,
Которых умел, если надо, и в путь проводить,
А если надумает кровля протечь под дождем,
Способного кровлю родную опять починить...

А уши чужие,
не вedaющие порой,
Порой пораженные
злобной, тупой глухотой,
Всегда были склонны армянскую песню задеть —
В ней шелест персидский пытались они углядеть,

¹ Пахлава — восточная сладость в виде пирога, начиненного медом и орехами.

А в тахах¹ армянских
напев византийский найти,
В армянских частушках
турецкий размер баяти².
Так после мечей,
После сабель —
Наветов стрела
Своим языком ядовитым армян обожгла,
И вот тебе! —
цель среди нас она все же нашла!..

И чтобы того, кто тебя поразил, поразить,
Спасти достояние, жизнь от врага сохранить,
Ты должен удар атакующий предупредить,
И если тебя паутиною ложь оплела
И хочешь рассечь ты подлог, чтобы правда жила,—
Лжеца ты обязан коварный язык изучить.

Но чувствовал сам он — победа пока далека,
Он чувствовал сам, что на этом нелегком пути
Могучей деснице его не хватало пока
Размаха, способного встречный удар нанести,
Язык справедливый защитника — чувствовал он —
Ворочается еле-еле, с огромным трудом,
Бессильный, как будто заикою был он рожден,
Тогда как хотел
И мечтал он всегда об одном:
Что будет ему прокурорская должность дана,
И, с места поднявшись, отчетливо скажет тогда
Он миру:

— Сэр, мистер, ага,
Дамы и господа,
Напрасны слова, и красивая речь не нужна,
Что может быть в мире надежнее гирь и весов?
Вот гири и вот вам весы.
Начинается суд.
Кладу я на чашу — и песни, и тахи без слов,
И пусть на другую всей тяжестью гири падут,
Моя перетянет —

¹ Т а х — жанр армянской духовной песни, отличающийся драматизмом.

² Б а я т и — жанр популярной восточной песенки.

Пусть самый невиданный груз
На чаше другой,
Пересилить стараясь, лежит,
Пусть вы сомневаетесь,
Не доверяете пусты,—
Ложь все же умолкнет,
А истина заговорит!

Так часто мечтал он,
Но чувствовал, что далека
Победная радость на этом нелегком пути,—
Могучей деснице его не хватало пока
Размаха, способного встречный удар нанести.
Он жил этим днем,
Он мечтал бесконечно о нем,
Но чувствовал, как прокурорский правдивый язык
Ворочается еле-еле, с огромным трудом,
Как будто был худшим заикою он из заик.

А если подлог ты мечтаешь раскрыть — изучай
Лжеца хитроумный язык
И всегда избегай
Пустых излияний.
А главное — прежде всего —
Ты должен учиться...
А где?
У кого? У кого?

Звон чубини

И ясно становится учителям —
Питомец уже перерос их сейчас.
И вот уезжает в Берлин Комитас.
И в городе хмуром прохожий не раз
Встречает монаха —
Он смугл, черноглаз,
И странная черная риза на нем.
Он, взглядов холодных не видя, идет,
На умном лице затаилась печаль,
Беседу ни с кем его взор не ведет —
Он весь устремлен
В неизвестную даль.

Три года ему поневоле уста
Немецкий язык грубоватый ломал,
Как будто армянский не существовал,
Как будто язык он живой отложил
И вновь в академии иноком стал —
На мертвом грабаре читал и творил.

Ну что ж! Ничего, что немецкий язык
Стеснял армянина,—
В общенье возник
Всемирный язык,
на котором сердца
Беседу могли продолжать без конца.

Словесный сломав тонкий лед языка,
Не скрытным, холодным входил к нему Бах,
Входил к армянину он как патриарх,
Совсем по-домашнему —
без парика!—
И шел через комнату, и тяжело
К органу садился, улыбкой светясь,
И месса величественная лилась,

Куда-то неслась, колыхаясь светло.
И в ней безгранична святость была,
К великому звал причаститься хорал.
И Бах на грабаре вопрос задавал:
— Смысл понят сего?...—
А потом назревал
Прибой оратории.
Медленно рос,
Чтоб с криком молитвы обрушиться вниз.
И он волновал армянина до слез,
В ушах его звуки чужие слились.
А Бах будто спрашивал тихо:
— Ну как?!—
Но, звуки чужие уже заглуши,
Ловила фанатика жадно душа
Звучанье свое —

новый свой ПАТАРАГ¹.

А Моцарт к нему не входил, а вбегал,
Ликующий, полный веселья и сил,
И в зале холодном смех жаркий звучал.
Но Моцарт воспитанным юношей был,—
В глаза собеседника глядя, внимал
Словам армянина, затем горячо
Он руку ему опускал на плечо
И песню-экспромт на ходу сочинял.
А то — о девицах, над ризой смеясь,
Рассказывал, о поцелуях как мед,
Совсем откровенным порой становясь,
Давал о любовных романах отчет.
Но, видя, что строг собеседник его,
Серьезным тогда становился и сам,
Его убежденно, от сердца всего,
Пытался учить музыкальным азам —
Что надо не так, а вот эдак. И вот
На свадьбе веселой поет Фигаро...
А мысленный взор Комитаса — Саро²
И плоские крыши села создает.
На них он парней и девчат пригласил,

¹ Патараг — армянская литургия.

² Речь идет о поэме О. Туманяна «Ануш», по мотивам которой Комитас написал оперу. К сожалению, партитура утеряна и до нас дошли только отрывки.

И, взгляд восхищенный Ануш уловив,
Саро о друзьях и адате забыл,
На обе лопатки Моси уложив...
— Я вижу, меня вы не слышите, герр!..
Вот правильный путь,
Если пишете, герр!.. —
Нет, слушал внимательно герр Комитас,
Нет, жаждою знаний он был одержим,
Но и повторяя:

— Чужое — чужим!

Хочу своего я,
пусть наше — для нас!

Хочу я свое, вы пойми... —

Но входил

Тут новый гигант, оборвав его речь,
Чтоб душу опять вардапета увлечь,
Ташить за собою, лишив его сил.
Он выход из плена искал, как во сне,
О музыку душу свою опаля,
И «Сжался!» шептали уста в тишине,
Молитвою-арий Баха моля...

О родина, ты далека-далека,
И видишь ли ты, как твой сын одинок,
И слышишь ли ты, как глухая тоска
Приходит к нему каждый день на порог.
Неужто не чувствуешь, как он устал
В своем покаянье безмолвно кричать.
К тебе обращает он Баха хорал:
«Ушел от тебя, чтоб вернуться опять!»
Ах, родина, ты далека от него.
И как ты печатью надумала быть?
За что ты избрала его одного
Из всех, чтобы отиск святой наложить?
Поставив, сказала:

— Ты — мой!

Ты — один!

И где бы ты ни был — ты раб мой, слуга,
Единственный мой,
Мой единственный сын!..

Ах, родина, как ты сейчас далека!..

Часами один-одинешенек, он
Великим терпеньем себя осенял.
Смиряя души протестующий стон,
Он холоду клавиш тепло отдавал.
И на фисгармонию
Ночь напролет
Тень падала ризы,
Склоняясь над ней.
И лак фисгармонии черной — и тот,
Казалось, еще становился черней.
И библиотеки готический зал
Видал, как порою над книгой одной
Сидел он часами, согнувшись дугой,
И все окружающее забывал.
Но стоило ночи,
Что ризы черней
И тягостней ризы,
Спуститься опять —
Незваная гостья входила за ней,
Скорее вбегала, боясь опоздать,
Как будто вот-вот от разлуки умрет,
Брыкалась без спроса —
Какой уж тут спрос! —
И вот уже рук ее — пламя и лед —
Вокруг его шеи кольцо обвилось.

И, верность призванью монаха храня,
Он клятву нарушить не мог и теперь —
Кольцо разрывал он, усердно гоня
Любовницу эту незваную в дверь.
Но выгонит в дверь —

та уже у окна.

Тогда он, как окна, глаза закрывал.
Но в дверь его мыслей стучалась она:
— Прими меня!
— Кто ты? Тебя я не звал!
— Ах, лживый,
Меня ты не можешь не знать!
— Да кто ты?
— Меня ностальгиею звать!..

И взору тоскующему предстает,
Печальным глазам вардапета видна

Вдруг стала тропинка средь горных высот.
И лемех сверкнул, — значит, дома весна.
Он видел, как в черном от дыма горшке
У края тоныра похлебка стоит,
Монистов серебряных он вдалеке
Хлопки различал — вот и сито блестит
В руках молодицы,
И речка лилась
Раздробленных зерен на пестрый палас.
Смеялись ущелий бездонные рты
В усы свои жидкые трав и кустов,
Тряслись от щекотки шальных голосов
Воркующих птиц, что неслись с высоты.
И вился душистый, как ладан, дымок
Из теплой давильни, над садом кружась,
На плоские крыши трава забралась,
Нахально земной преступая порог.
И шлепали женские ноги в пыли,
Босые и юные весело шли,
И жаркими были следы этих ног!..

Все было так явственно — будто сейчас
Все это он видел,
А не вспоминал!
И слезы невольно бежали из глаз,
Их — боли сердечной туман застилал,
Которой в немецком названия нет.
А та, что тоской-ностальгию звать,
Стучалась у двери
Брыгалась опять —
И ей разрешенья уже не нужны,
Чтоб незабываемое вспоминать:
— ЖУРАВЛЬ, НЕТ ВЕСТЕЙ ЛИ
С РОДНОЙ СТОРОНЫ?!!

Звон грозы

Но хмурое небо Берлина
Пустынно вдали,
И не было в нем журавлей,
Что на крыльях несли
С родной стороны занавешенной
Весточки свет!
В стране Гутенберга
Лишь черные буквы газет
Как черные стаи слетались на белую гладь...

И вдруг,
Вдруг однажды —
Страшнее минуты не знать! —
Те черные буквы наборщиков пальцы сожгли,
Похлебкой они чечевичной языка обожгли
Читателей сонных.
Узнавших, что где-то вдали —
В который уж раз повторяется все это вновь! —
В армянском kraю гасли печи — их залила кровь,
И не петухи танцевали, покинув свой хлев,
А пламя плясало, на плоские крыши взлетев.

Армянские матери сиплой молитвы слова
Напрасно шептали, от ужаса живы едва,
К немой богоматери льнули с напрасной мольбой,
Худые колени ее обнимая с тоской:
Ах, если б у бедной такая возможность была,
Она бы себя от позора и муки спасла —
А ей между тем предстоит очень скоро самой
Всю злость испытать
Ятагана насмешки кривой,
Всю ярость огня,
Что, как пес пожирает, рыча,
И мясо, и кости людские
Из рук палача.

А между несчастной землею
И небом, что бог
Покинул, —
Позора дымящийся занавес лег.
Паленого запах
Так воздух вокруг отравлял,
Что и журавлей
Раньше времени
В путь отправлял.
Летели они над землей,
Не садясь ни на миг,
Ватагой армянских детишек неслись напрямик,
Детей, у которых от страха отнялся язык, —
Кур-лы да кур-лы! —
Лишь одно повторяли опять
И миру несведущему тем давали понять,
Что в синих бездонных ущельях армянской земли,
В оврагах ее...
Ах, какие теперь ЖУРАВЛИ,
Когда бесконечным тоныром, дотла сожжена,
Армения стала сама — негасимых тоныров страна,
И синее небо армянское выглядит так,
Как в саже, тоныр закрывающий, черный колпак...

А где Комитас?
Он в Берлине!
Безжалостный рок,
Над ним издеваясь,
Его и на это обрек...¹

¹ Имеется в виду Берлинский конгресс 1878 года, который лишил армян, живущих в Турции, даже куцего самоуправления, установленного конгрессом в Сан-Стефано. Воспользовавшись его решением, пришедший через несколько лет к власти султан Гамид и учинил первую резню.

Эвол пробуждения к жизни

И в то время,
Когда и в дыму, и в огне
Так роскошно султан
Смерть поил допьяна, —
Кто подумать бы мог! —
Что по той же стране
В те же самые дни
Шла весна, шла весна!

И в ущелье опять серна над малышом
Наклонилась и лижет его чуть дыша,
Так по мордочке нежно ведет языком,
Что травинки не тронет в губах малыша;
С ноги на ногу аист на ветке опять
Тихо переступает, как будто ему
Алых яблонь огонь
Ноги стал обжигать;
А подсолнух устроил себе самому
Появление на свет —
Землепашцу в упрек
На невспаханной грядке он гордо стоит;
Лемех злится на ржавчину — так паучок
Паутиной, к лицу прилипающей, злит;
А лопата, как женщина, хочет прильнуть
К чернозему желанному
И замереть;
А притыка беспламенно хочет гореть,
К мощной шее быка прижимаясь чуть-чуть;
Стройный тополь, что годен вполне на ярмо,
С топорами ругается — юности жаль;
Колокольчики сини — как небо само,
Осыпает кораллы на землю миндаль,
А с акаций снежинок летит белизна...

На просторах весна, на просторах весна!

От внезапных пинков нежных ножек и рук —
Шевельнулся сынок ожидаемый мой! —
У невест, замуж вышедших прошлой зимой,
Материнства огонь пробуждается вдруг!..
Солнце к люльке склонилось — и ярче лучей
Пять младенческих пальчиков тонких зажглись,
Словно пламя пяти негасимых свечей!..
На пустом сеновале к дверям собирались
Толпы призрачных робких холодных теней
И, мечась, и толкаясь, друг друга тесня,
К солнцу тянутся с каждой минутой сильней —
И смертельно боятся сияния дня!..
Просят имя цветы безымянныe дать,
Ну а те, что имеют уже имена,
Их из уст молодых жаждут слышать опять!..

На просторах весна, на просторах весна!

И цыпленок неопытный — вот дуралей! —
Почек нераспустившихся тени клюет,
Показалось ему, видно, в пляске теней,
Что хозяйка горох с чечевицей дает.
А на мирных задворках, вблизи от гумна,
Где побегов зеленых застенчивый пух
Жизнь вернул прошлогодним остаткам зерна,
Там надменно и важно шагает петух.
На открытый гарем своих кур он глядит,
Он глазами косит, как вчерашний аскер,
Но уже величавость в движеньях сквозит —
Как-никак, он сегодня уже офицер!..
На пологих холмах и отрогах крутых
Хороводы ведут
Маки страстные всласть —
Как девчата, забывшие то,
Что на них
Похитители-варвары могут напасть!..
И прохладной повязкой умельца рука
Отшлифованный камень на раны кладет
Монастырской стены —
Скоро будет уж год,
Как турецкая пушка пробила бока!..
И лataет смолою кору
Старый бук,

Что турецкою пулей
Оборвана вдруг!..

На просторах весна, на просторах весна,
Но убийце, увы, не помеха она!
И, к несчастью, не может она помешать
И армянским ручьям, и арыкам в полях
По весне половодьем от крови взбухать,
Как не может она помешать, чтоб опять
По бездонным армянским ущельям в горах
Не росли горы трупов, чтоб их уровнять!..

Если сердце из камня, зачем даже в нем
Жечь костры, накалая безумным огнем?!
Кто видал, чтоб иголка и ниток моток
Перерезанных жил зашивали клубок?!

Не лишиться рассудка попробуй-ка ты
От подобного горя, от этой беды!

Звон чтывания

Нет, в этот раз не сошел он с ума!
Разум его не окутала тьма
Даже тогда, когда в край свой родной
Он из Берлина вернулся домой.
С новой насмешкой здесь рок его ждал —
Взором растерянным он увидал
Если не смерть и не крови кумач,
То близнецов их — и стоны, и плач.
Те же царили здесь ужас и страх,
Та же печаль пламенела в сердцах,
И, растерявшись от тяжких годин,
Что ему делать — не знал армянин!

Царь Николай уже «милость» творил...
Шестьдесят первый он пункт¹ не забыл,
Но, на бумаге покончив со злом,
Ту же нужду воцарял он кругом.
Так и моталась туда и сюда
И не тонула, как рыба, нужда
В море насилия, рабства и зла...
Но, как прилив, революция шла,
Грозной волною вздымаясь, росла.

Око царя было мстительным, злым.
Всюду, везде,
За поступком любым
Даже во сне
Наблюдало оно.
В каждом — ему было видеть дано
Лишь «террориста» и «бунтовщика»,
«Социалиста» и «трона врага».
Да и страну видел царственный взгляд
Степью бескрайней, где змеи кишат...

¹ Имеется в виду 61-й пункт решений Берлинского конгресса, по которому армянам, проживающим в Турции и в России, предоставлялись на бумаге некоторые, крайне ограниченные, права.

И уводили армян из домов,
В царские тюрьмы вели бедняков,
Черным клеймом лбы клеймили, как встарь:
«Социалист», «заговорщик», «бунтарь».
Их, как телят,
На закланье вели,
Словно ягнят
В жертву их принесли
Вере Христовой, что славит любовь.
И проливалась невинная кровь
Бедных телят,
Обвиняемых в том,
Что иногда
В огороде пустом,
Где доцветали надежды одни,
С голоду стали брыкаться они.

Там, где излишек обетов дают,
Их не исполнив, бедой воздают —
Руки отрубят, не то что крыла...
Мстительной
Царская воля была.
И князь Голицын,
Наместник ее,
Коршуном черное дело свое,
Как наказанье Кавказа, творил.
Школы армянские все он закрыл.
Нет, не забудет вовек армянин
Этого князя.
— Осанна!.. Аминь!..

Княжеский конь взял с турецких пример,
Травку жует на восточный манер —
Слаще на грядках политых она!..
И под запретом уже письмена,
И монастырские земли казна
Конфисковала —
Ей клады подай,
В каждом амбаре
Сундук открывай —
Так все, что выжато, христианин
Вновь выжимает.
— Осанна!.. Аминь!..

Школу закрыть —
Это можно и вмиг!..
Как ты закроешь народа язык?
Как ты зажмешь миллионам уста?
Может от страха заикой он стать,
Может он окаменеть от всего,
Только закрыть невозможно его!

Книги — в огонь!
Запретить письмена!..
Но если скорбного сердца струна
Боль свою хочет и стоны излить,
Кто может песню души запретить?!..

Так это.
Меры когда в чем-то нет —
Прямо обратное будет в ответ.

Вот и Голицын, наместник царя,
Над всем армянским насилие творя,
Даже армян обрусевших сплотил
В ярых фанатиков.
Он повторил
То, что в истории было не раз:
Там, где язык наш зачах и угас,
Снова звучал он
И даже рычал,
Тот, кто с презреньем глаза закрывал,
Видя армянскую книгу,
Тайком
Ночи сидел над родным языком,
Тот, кто романом гортань полоскал,
В песнях чужих утешенье искал —
С гордостью бодрой противился злу,
С песней армянской друзей вел к столу,
С песней армянской в застолье сидел,
С нею плясал он и с нею скорбел...
Песни армянской напев волновал,
Речи армянской поток не стихал —
Дух противления в них говорил.
В каждом народе извечно он жил,
В самых глубинах народа храним,
Непобеждаем

И непостижим.
Но, видно, в сердце армянском нашлось
Столько его,
Что у нас повелось
Всюду, не глядя, его раздавать,
Так растранижиивать,
Что не понять —
То ли достоинством это считать,
То ли считать недостатком опять...
Уничтожая, он нас сохранял,
Нас убивая,
Он снова рождал.
Может быть, в нем объясненье чудес,
Что наш народ
Как народ не исчез...

Так же как в жизни мгновенной людей,
На протяженье истории всей,
Видимо, было в потоке времен
С телом гигантским
Немало племен.
Кровь в них горячая тоже текла,
Только свернуться она не могла,
Рана... царапина... —
И как вино
Из бурдюка, где хранилось оно, —
Кровь, не свернувшись,
Течет сквозь года,
И исчезает
Народ без следа...
А наша кровь...
В пепел каплей упав,
Даже в навозную жижу попав,
Тут же свернуться спешит,
Чтоб опять
Раны открытую пасть закрывать.
Эту закваску
И смерть не берет —
Сыну отец ее передает.
И полумертвые,
Кровью сочась,
Мы из могил возвращались не раз...

Звон героической

Народ мой,
Еще я не существовал,
Чтоб муки, как ты, и с тобой разделять,
Готовый согнуться,
Но плечи обнять
Родного народа,
Чтоб он устоял.

Но ты —
Так история наша гласит,
Что перечень
Жертв
И гигантов
Хранит, —
Нужды не испытывал ты никогда
В отважных десницах,
Готовых всегда
Доспехом, броней
На груди твоей стать
И ясною жизнью своей защищать
Честь нации
И за тебя умирать,
В бою не согнувшись, титанам под стать.

Народ мой,
Еще я не существовал,
Но разве ты мало сынов воспитал,
Которые меч и винтовку могли
Достать в час опасности из-под земли
И мстили — о том повествуют века —
За кровь свою
Черною кровью врага.

Сасун непреклонный!..
В который уж раз

Ребенка Давида родил ты для нас,
Но имя Давида не дал ты ему,
Назвав... Андроником его — почему?!..
И стали в погромах, под крик воронья,
Сасунским безумцем — сасунец любой,
Сасунской семьёю — любая семья,
Сасунским бойцом — старец и молодой.
Чтоб — хватит! —
Крутить жернова сорок дев
Не будут османцу!..

Сменился напев:
Уже не хвала в честь прекрасной Хандут, —
Подобно гремящим сасунским ручьям,
На тропах извилистых и по горам
Повсюду могучим разливом встают
Геройские песни —
Чтоб слышал наш край
Не только печальное «ВАЙ-ЗУЛУМ-ВАЙ»...

О крепость Зейтун,
Киликийский наш дом —
Один-одинешенек перед врагом,
Но с волей единою —
Ты сорок раз
Сражался, победами радуя нас,
Теперь —
В сорок первый,—
Дым рыжих кадил
Смешав с черной копотью пороховой,
Не крест, а знамена подняв над собой,
Ты записи рабства пути преградил.
«МЕЧ, САБЛЯ И ПУЛЯ, РУЖЕЙНЫЙ ПРИЦЕЛ —
ВОТ НАШИ ИГРУШКИ», — врагу ты пропел.

Все то, что рассеяно было — слилось,
Цель, сердце и воля —
В одно собралось.

И жирные пули отважных стрелков
Смердели в сердцах вековечных врагов.

Им Родина вся, от зари до зари,
Внимала:
«БОЙЦЫ МЫ, А НЕ ДИКАРИ»,
Испуганный враг их не слышать не мог:
«У ВАС ЕСТЬ СУЛТАН,
НО ЗАТО — С НАМИ БОГ».

Как голос наш собственный, слышался глас:
«ЛЮДЕЙ УБИВАТЬ
МЫ УЧИЛИСЬ У ВАС»...

И замерли церкви,
Застыли во мгле —
В них четырехмесячный траур царил,
Поскольку шагала Борьба по земле,
Как Масленица, буйных полная сил,
Престолов святых занавешен порог
Был всюду на четырехмесячный срок,
Поскольку шагало с открытым лицом
Геройство
И жарким своим каблуком
Рождало Свободы
Грохочущий гром.
Невеста,
Молодка,
Ребенок
И мать
Спешили одежды нарядные снять,
Взамен — власяницы надели они,
Как воин доспехи в тревожные дни.
В армянских сердцах,
Превратившихся в зал,
Где близким концом для уныния стал
Вопрос «или — или»,
Теперь танцевал
Дух гордой Свободы, как дикий скакун,
В чьем ржанье могучем нет горестных струн.

Там — войско в одиннадцать тысяч — врагов,
Здесь — только шесть тысяч бойцов-храбрецов,
Но с бесчеловечным османом в борьбе
Народ целый
Рок свой распял на себе.

И вражеский меч,
Что шесть долгих веков
Терзал изголовье наших детей
Над их колыбелью,
И сабля врагов —
Попали на острый наш лемех теперь,
На лезвия наших усталых серпов,
На острые иглы, что бабки хранят,
На детский наивный и пристальный взгляд,
На наших тоныров железный скелет,
На душу гайканскую — смерти ей нет!—
И не на наложницу дух возложил
Свои десять пальцев, дарующих свет,
А кровью защитника их окропил,
Чтоб богоявления день наступил
И каждый народ бы — свое получил...

В одежде своей вардапета, он в бой
Вмешаться бы мог,
Если б вдруг захотел,
И словом своим ободрил и согрел
Отчаявшихся,
И повел за собой
Отважных,
Как новый Гевонд-иерей,
Но нет, он на жертвенный стол возложил
Иное оружие:
Сына родил
Народ музыкантом —
И песней своей
Тот звал смельчаков на сраженье светло,—
Отряд,
Взвод
И полк
Шли на битву с «ЛО-ЛО».
Напев этот души бойцов укрепил:
Один — десятью стал,
А десять — как сто,
И хоть Комитаса не слышал никто,
С бойцами «ЛО-ЛО» за него говорил.

«ЛО-ЛО» над горою Сипан вознесло,
И хриплый Немрут повторял в унисон

Раскатистым эхом:

— СИПАНА... ЛО-ЛО...

И «Сурб Карапет», колокольный чей звон
С семью падежами,
Летел, как гонцы,
На бой призывая:

— ЛО-ЛО, ХРАБРЕЦЫ!..

И взгорье Вараг,
И канал Шамирам
Спягали глагол тот:

— НАСЫТИЛСЯ МЕЧ...

И к алым от крови Евфрата волнам
С улыбкой печальною Ван свою речь
В тоске обращал:

— В НОЖНЫ ВЛОЖЕНЫ...

Нет!

Мечи не насытились, хоть и пришлось
Их в ножны вложить...

Не сбылось, не сбылось

Мечтанье о правом и страшном суде:
Армянским страданьям — борьбе и беде —
Огромным томам красным, не довелось
Поставить в конце восклицательный знак...
Но снова свернулась армянская кровь
В минуты народной беды —
А раз так,

То, значит, и рана затянется вновь...

И снова пришла за зимою весна,

И встретила лето за нею страна,

И вот —

Поначалу от боли бледна,
Немного растерянна, удивлена,
Затем —

Лаской вешнею озарена,
Улыбка проснулась на лицах армян,
ЛО-ЛО, обессилев, сложила крыла,
Застряла в гортани сухой ВАЙ-АМАН,
Но звонким весельем НАЙ-НАЙ ожила...

А там, где был песенный звон,
Там и он...

Панчешиний
ТРЕЗВОН

Звон памяти

И снова осень красит все подряд,
Работая с рассвета допоздна,
Зато крестьянин передышке рад,
Когда уже волом привезена
Телега с золотым помолом в дом,
Когда полно солений в доме том,
Когда курси¹ расшатанный подбит
И крепостной стеной навоз лежит.

Земля,
Что летом облачка ждала
И душу бы за воду отдала,
Как промокашка, впитывает впрок
И дождь, и легкий иней, и снежок.
То ночью мерзнет,
То потеет днем
И, хрупкая, осенним холодком,
Как мумию, все муки претерпя,
Тихонько бальзамирует себя.

Ореховые рощи и сады
Среди полей в волнистые ряды
Листву кладут,—
Как свадебный наряд
Невесты юной,
Складки их лежат.
И только разрумянившийся пшат²
Навис, весь в алых гроздьях, над горой,
Как сбившийся в клубок пчелиный рой.

Гуляка-ветер потерял покой,
Как юноша — бездельник разбитной,

¹ Курси — низенький столик.

² Пшат — дерево с мелкими мучнистыми плодами.

Сюда несется и летит туда,
То за скалу заглянет иногда,
То вдруг бороться с деревом начнет,
И всюду он свой длинный нос сует —
В пустую вазу,
За сундук и стол,
Молодке под таинственный подол.

Вновь надевают среди скал ручьи
Стекло на юркие тела свои,
В домах же, где теплом согрет уют,
По стеклам слезы радости текут.
В тоныре каждом
Каурма¹ стоит —
Томится масло, соль в котлах кипит.
На хаш² зовут и старца, и юнца.
И арису³, стирая пот с лица,
Помешивая, варят без конца.
Рожденье чье-то — здесь,
Крестины — там,
И водка улыбается устам,
И каждая часовня — место встреч,
В монастырях — паломников не счасть,
И каждая дорога и тропа
Следами украшается —
Толпа
В лаптях, чувяках, просто босиком
К монастырям шагает прямиком
Из ближних сел и самых дальних сел...
Плетется за хозяином осел,
Ягненок впереди него бежит,
Но, за веревку дернутый, дрожит
И кашляет фальшиво, словно ждет,
Что блеяньем вдруг станет кашель тот.

Из черного гудящего котла,
Что на себе спина осла несла,

¹ Каурма — мясо, заготовленное впрок особым способом. Куски мяса варятся, слегка обжариваются, помещаются в со- суд и заливаются топленым маслом.

² Хаш — жидкое блюдо из говяжьей требухи и ножек.

³ Ариса — каша из пшеничной муки, заправленная куриным мясом. Варят долго на медленном огне, пока мясо полностью не разварится.

Как рыцарь из своих железных лат,
Надменностью и гордостью объят,
То вскинет
Золотистый петушок,
То уберет
Свой красный гребешок,
То огненными крыльями трясет,
Сноп искр рассыпав,
Пламя, что не жжет.

И тянется телег скрипучих тьма,
От копчика до самого ярма
Нагруженных шумливой детьвой,
Кувшинами, тарелками, едой,
Младенцами, чьи люльки тоже тут.
И девушками, чьи улыбки жгут.
А вот и свист кнут гибкий издает,
Но прежде чем он бок быка найдет,
Он в синем небе делает разрез,
Как молния, упавшая с небес.

Кто — радостен,
Кто — горя не таит,
Тот — сирота,— нахолившись, сидит
Птенцом печальным,
Этот — озарен
Улыбкой, потому что счастлив он,
А этот — бледен,
Тот — розовощек,
Но в каждом сердце — богомолья срок.
Топ-топ!
Скрип-скрип!
То вечер... то заря...
Но вот доходят до монастыря,
Паломничества места...
Треск лампад,
Плывет их благовонный аромат,
И свечи, словно яркие цветы,
Сверкают желтизной из темноты.
И на колени валится народ,
В едином хоре: «Господи!» — зовет.
Потом веревки развязать спешат
На стертых шеях жертвенных ягнят,

И, грея ледяной плитняк двора,
Кровь жертвы льется с ночи до утра...

Бьет барабан, звучит напев зурны —
Чтоб древние монастыри страны
Вдруг превратились в площадь, что полна
Веселья
И от радости пьяна.

Хорово́дный зво́н

И вскакивают с мест, легки,—
Стан узок, плечи широки,
Усы как острые ростки,—
Лихие парни — рост и стать.
Мужчина — каждый бородат,
Грудь в волосах,
Глаза горят,
И лица их опалены,
И жарок праздничный наряд.
На них чуха¹ иль архалук,
И пояс шерстяной вокруг,
Ремень серебряный упруг,
Надеты пестрые носки
Под хромовые сапоги
Иль под чувяк, чей черный нос
Похож на скорпиона хвост.

Вскочив, идут безмолвно в ряд,
Их лица смуглотой горят,
Как пирамида, как стена,
Мужчины-храбрецы стоят.

И начат танец круговой:
Тяжелой поступью идут,
Не хлопают и не поют,
Идут, размеренно идут,
Прошли два круга не спеша,
Чуть запинаясь, чуть дыша,
Но вот уже ускорен шаг,
И голосистый парень вдруг
Запел, и песня ввысь взвилась:

— О, БОГОМАТЕРЬ, ТЫ ПОЗВОЛЬ МНЕ

К ПЛАТЬЮ ТВОЕМУ ПРИПАСТЬ!.. —

Хор плясовую подхватил:

— О, БОГОМАТЕРЬ!.. —

¹ Чуха, архалук — мужская одежда.

Видно, власть
У богоматери сильна —
И девушек влечет она
Поближе к кругу, где ведет
Поющий парень хоровод:
— АХ, ДЖАН, ДОЙТИ БЫ ПОСКОРЕЙ
МНЕ ДО ЛЮБИМОЙ ДО СВОЕЙ!..—
Хор подхватил и тянет вновь:
— МНЕ ДО ЛЮБИМОЙ ДО СВОЕЙ!..

А хоровод растет, растет,
И барабан по сердцу бьет,
И узелки зурна плетет,
Она мелодию дробит,
И песне барабан грозит,
Но им ее не разорвать,
Вот быстренько она опять
Осколки вместе собрала,
И напряглась,
И поплыла,
Учтываясь на ветру:
— АХ, ЕСЛИ ЗАМУЖ ЗА НЕГО НЕ ВЫЙДУ —
Я ТОГДА УМРУ!.. —

От грубой дроби твердых рук
Сам барабан пришел в испуг,
И безволосое лицо
Он поневоле сморщил вдруг,
И слезы, кажется, видны
На темных дырочках зурны.
Как шмель, в кудрявых волосах
Осенний ветерок жужжит,
Но жала он не обнажит —
Он только хочет к ним прильнуть:
— КОГДА ПОВЕЕТ ВЕТЕРОК,
ТО ОН ТВОЮ ОТКРОЕТ ГРУДЬ...

Молодки и невесты ждут,
Капризничают, не идут
В широкий круг, где им поют:
— ПРИДИ, РОДНАЯ!..—
Но от ног
Уже к рукам стремится ток,

Звучит стыдливый их смешок,
Притворный слышится испуг,
Когда под аханье подруг
Одна вдруг вскакивает в круг:
— АЙ, ДОРОГАЯ!..—
И за ней
Следят подруги стайкой всей,
Как перепелки — в такт бока
Раскачиваются слегка.
Ах, что за девушки стоят!
Вкус солнца их уста таят,
И гибок — стан, и жарок — взгляд,
И кос — четыре ручейка,
Грудь материнская — туга,
И пламенны,
И аромат,
Как ладан, сладостно струят.
Пригожи —
То зажгут любовь,
То вдруг ее погасят вновь,
Для десяти — палач-судьба,
Для одного — навек раба.
На лбах — уборы из монет,
И пояс — в золото одет,
Вот, затмевая солнца свет,
Переливая легкий звон,
Вдруг в ряд сошлись со всех сторон,
Точь-в-точь как бусинки на нить,
Оттенков тысячью манить.

Круг расширяется, растет,
То он узлы,
То кольца вьет,
И заводила хоровод
Веселой песней тормошит:
— Что ты ломаешься, яр джан,
С тобой ведь сердце говорит! —
И тянет хор:
— ОЙ, МОЯ ДЖАН!

— С тобой болтать желанья нет,
Знай, болтунаам не верю я,—
Пропела девушка в ответ.

И хор за нею тянет вслед:

— АХ, МАМА МИЛАЯ МОЯ! —

Но балагура не унять,

Пожара в сердце не тая,

Он хочет девушку прервать,

Но вот беда — во рту язык.

Как ключ, сломался в этот миг.

А хор:

— Ха! Ха! Хе! Хе! Ха! Ха! —

Звенит,

Летит за облака.

Но юноша, хоть уязвлен,

Не сдался — жадно ищет он

Необходимые слова,

И очередь дошла едва:

— На богомолье я пришел с огнем в груди,
сожженный весь,

Заворожить твое хотел я ледяное сердце здесь...

— Я процелую стол насквозь,

Чтоб заклинанье не сбылось!

— Кто видел, гибкую, тебя,

Забудет даже хлеб, любя...

— Ну, хватит врать, собачий зять,

Хоть веточка и зелена,

Но не сломается она...

— Забуду хлеб, забуду дом,

В ваш дом войду я батраком...

— И все же ветку не сломать,

Твоя работа — складно врать... —

И снова в спор

Вмешался хор —

Дрожит от выкриков простор.

А барабанщик с зурначом

Триоци¹ играют горячо —

Мелодия стройна, нежна,

То сложится на миг она,

То изогнется, как волна,

Игривой пеной в молодых

Сердцах клокочет,

А седых,

Поживших женщин зависть жжет,

¹ Т р и о ц и — армянский народный танец.

Рот даже жвачку не жует —
Немного от зубов кривых
Пусть и она передохнет.

Монистов отблеск — с шеи той
И отблеск пояска — с другой
Играют, как лучом заря,
На плитах стен монастыря,
И, барабанщику упав на узкий лоб, они горят,
В глубь выпущенных глаз скользят
Откормленного зурнача.

А барабанщик бьет сплеча,
Ногой хромою в такт стуча,—
На палку хочет намотать
Мелодию свою опять.
Раздутых щек у зурнача
Мехи опали — смолк он вдруг,
Не видящие ничего
Глаза багровые его,
Что вылезали из орбит
От выпитого и натуг,
Глаза огромные вола,
Что за собою тянет плуг,
Приобрели нормальный вид...

А за оградою двора —
Вновь пляска, музыка, игра,
Любви весенние ростки,
Мечты зеленые листки,
Души,
Что груз тоски сняла,
Надежды взмах,
Как взмах крыла.

Здесь —
В схватке, словно два бычка,
Сошлись под смех
Два паренька,
Там —
Тайно
Трепетной рукой
Колечко дарят дорогой,

И, пламенем любовным яр,
Он пальчик жжет любимой яр.

Здесь —
Старики, как ребятня,
Играют, бабками звеня.
Там —
Сплетнями упиться всласть
Толпа старушек собралась.

А богомольцев рать растет —
Кто в храм, кто из него идет,
Трепещет телка — жертва ждет,
В последний раз бычок ревет,
Ку-ка-реку! — петух орет,
Хоть нож наточится вот-вот.

А здесь,
На этой стороне,
Канатоходец в вышине
Ползет,
А скоморох под ним
Дерется с ветром озорным,
Который тоже кувырком
Несется, пыль подняв столбом,
И вдруг с чухи воскресной грязь
Отряхивает, веселясь,
И греет холод рук своих
О бедра женщин молодых...

И двигается целый день
Монастыря живая тень,
То наползет, то отползет.
Огромный монастырский свод
С гигантской черепахой схож —
Неповоротлив, толстокож,
То тянет голову к теплу,
То прячет в панцирную мглу.
И постепенно
Тени гор
На цыпочках через простор
К нему в безмолвии скользят
И, выпучив глаза, глядят...

Пока костров темнеет взгляд
И гаснет пламя очага,
Краснеют в небе облака —
Кровь солнца павшего на них
Как жертвенная кровь быка.

Тьма молча гасит гул шагов,
Все тише шелест голосов,
Он замирает. И никто,
Лишь ангела, быть может, взгляд,
Что всепрощением объят,
Никто из тех, кто в круг входил,
Внимания не обратил
На незнакомца с бородой,
Что, с кровли свесившись крутой,
За ними целый день следит,
Что у него блаженный вид,
Что восхищения волна
В безбрежном сердце взметена,
Что он улыбкой озарен,
Что, упиваясь, ловит он
Мелодий, песен каждый звук
И на бумаге быстро вдруг
Рисует?
Или пишет он? —
Кривых узоров вязь темна,
И чернокнижников она
Напоминает письмена.

Мог ли представить, хоть на миг,
Крестьянин, что душой привык
В наивной простоте своей
Бояться бога с юных дней,
Что вардапет — отец святой,
С усами, с черной бородой,
Шел в монастырь — и не вошел,
Что здесь искал он и нашел
Не отпущение грехов,
А прибаутки сопляков,
Языческих напевов сласть,
Пустопорожних песен власть,
Разгул греховного огня:
— ПРОСТИ, О ГОСПОДИ, МЕНЯ!

Президент звон

Все глубже осень — отжила она свой век.
На Арагаце и Масисе выпал снег,
На кровле сушатся снопы сухой лозы,
Чтоб тут же отсыреть от утренней росы
Или от инея в вечерние часы.
А в то же время — по подвалам, кладовым
Висящих гроздьев виноградных сизый дым,
Они сжимаются упруго,
Гроздья те,
Они касаются друг друга
В темноте,
Им, полновесным, жарко в душной тесноте.

Такие сливки на мацуне, что порой
Втыкаешь ложку, как лопату, в толстый слой,
Но почему-то в это время всех вокруг
При виде жирного мацуна бьет испуг,
И даже масло золотое, что вчера
Огромной тыквой глядело из ведра,
Яичком маленьким сегодня в нем лежит,—
Как все вокруг, исчезнуть и оно спешит.

Готовятся, дождь мелкий сея,
Небеса
Украсить снегом горы, нивы и леса,
И стали тоньше, растянулись в волосок
Родник смеющийся и попрыгун-поток.

И с каждым днем — мир больше дружит с тишиной:
Звон бабок, нардов стук
Не слышен за стеной —
Довольно холодно уже, и гуще тьма.

Вслед за красильщицею-осенью сама
Самоуверенная властная зима

С небес задернутых идет степенно вниз,
По кручам, по камням, с карниза на карниз,
Садится медленно, садится тяжело,
Со всей серьезностью берясь за ремесло...
За рисование,
Хотя палитры нет,
Поскольку признает она лишь белый цвет.

Когда же солнце, проглянув сквозь облака,
Улыбкой слабой озаряется слегка
(Слабей, чем на лице больного бедняка),
То превращаются в капель и снег, и лед,
Но лишь начнут — их тут же оторопь берет,
И, осознав свою оплошность, тут же в ряд
Нанизываются на желоб, на фасад.
И — как тогда их не заметить! —
Здесь и там,
Особенно со стен, что окружают храм,
Сосульки свешиваются
Одна длинней другой —
Их аппетитный вид оценен детьвой,
А бабки сказкой их пугают нараспев:
Что это пальцы оттопырил Белый Дэв
И приготовился вцепиться в них клешней,
Пусть не собьют они сосульки ни одной,
А то, не дай-то бог, решат их пососать —
Тут «кашля синего»¹ никак не избежать...

Из дымоходов, лишь рассвет едва взойдет,
Тоныры жарким дымом дышат в небосвод,
Как будто в самом деле Черный Дэв уснул
И до небес свое дыханье протянул.

Когда же к зимней белизне, что так остра,
Примешивают люди, словно мошкара,
И черноту свою, и нрав безумный свой,
Когда, покинув теплый дом, они гурьбой
Идут куда-то, чтоб вернуться в тот же дом,
И от дыханья иней красит серебром
Усы густые,
Что как крылья у скворца,

¹ Синий кашель — коклюш.

Стоят торчком по обе стороны лица, —
То именно тогда,
В тот самый миг, мороз
На караул встает, его нести всерьез,
А строгим сторожем бесплатным всех земель
И сущего всего
Становится метель...

Все камни стен
В пустом хлеву у бедняка
Так густо выбелила инея рука,
Что любящие соль
Телята и бычки,
Приняв за соль тот иней,
Тянут язычки,
Чтобы, увы, лизнув,
Отдернуть свой язык.
И чувство странное сжимает в этот миг
Сердца наивные, что, к счастью, не поймут —
То чувство разочарованием зовут...

И в пору позднюю,
Когда уже давно
Крупу просеяли, провеяли зерно
И засолили
Все, что надо засолить,
Когда успели в яму лишнее зарыть,
И все вокруг
В порядок полный привели,
И залатать кувшин
Известкою смогли,
И все заплаты
На одежды нанесли,
Когда, на кровле видя кривошней стог,
Невольно кажется, что ты и сам продрог,
Но в том кривом стогу, хоть сверху снег и лед,
Внутри тепло цыпленком маленьkim живет —
Как будто летом полонили на лугу,
И привели сюда,
И спрятали в стогу
Ломоть горячий солнца и весны убор,
С ее травой, что не поблекла до сих пор,
С морями пахнущих цветов, что тихо спят

Сном летаргическим, но аромат струят,
В такую пору позднюю,
Когда лежат
В углу
Сплошной горой
Без дела
Целый склад
Незаменимых вил и дорогих лопат,
И дышла длинные, и ярма, и кнуты
Лежат без дела и взирают с высоты
На деревянную лопату, что одна
Снег чистить с плоских крыш и со двора должна,
В такую пору,
Если дела не иметь,
Крестьянину что остается, как не петь,
Как не плясать, как душу водкою не греть?
И самая пора настала для венца,
И свадьбы правятся повсюду без конца...

Свадебный звон

Едва протрет глаза заря —
На кровле у отца царя¹
Уже зурна напев ведет,
И к дому тянется народ,
Соседи за родней идут,
Односельчане тут как тут,
Идут смирить весельем грусть —
Здесь светлый праздник как-никак! —
По воле божьей
Каждый пусть
Им удостоится очаг!

Теперь зурна — весь день крутись:
Налево, вправо,
Вверх и вниз.
А люди с водкою вино
Мешают — лишь ему дано
И в радость горе обратить,
И боль любую утолить.
Кто в меру, кто без меры пьет,
За чаркой чарка льется в рот,—
Пусть сердце против головы,
Любя свободу, восстает!
И барабан, чей грозен вид,
В знак одобрения гремит,
И колебанья позади —
Скорей на танец выходи!
Но бабка или старый дед
Уже кричат танцорам вслед:
— Родители невесты нас который час,
волнуясь, ждут...

И с шумом, с песнями идут
Из дома через полный двор,

¹ То есть жениха — в народных свадебных песнях жениха зовут царем, а невесту царицей.

Через калитку и гумно —
От водки затуманен взор,
В сердцах горящее вино,
Кто шутит грубо, но не зло,
Кто нежной страсти не таит —
Толпа течет через село
Туда, где свата дом стоит.

А музыка сошла с ума — бьет барабан, ревет зурна.
И, музыкантов обогнав, подтянут, тонок как струна,
Парнишка смуглый впереди —
Друг закадычный жениха,
Ногами он, ты погляди,
Земли касается слегка,
А руки в воздухе гребут.
Вот он присел — усталый вид,—
Но через миг летит, вспорхнув,
И, ногу в воздухе согнув,
Как цапля, на другой стоит,
Затем — шажками семенит,
На вид — стремительно бежит,
На деле — топоча, стоит,
Потом опять меняет шаг,
Вышагивает робко так,
Как будто в лужу или в грязь
Боится он ногой попасть.

И солнце зимнее на миг,
Зурны услышав дикий крик,
Из тучи вышло — и светло
Сверкнуло битое стекло
Солонки той, что на беду
Разбили и швырнули в грязь,
И вот, похожа на звезду,
Она вдруг вспыхнула, лучась.

Теперь танцует, как плывет,
Старуха, матери сестра,
И будто кто-то масло льет
В огонь веселого костра:
От щуток — жаром бьет в лицо
И горячее — смех летит,

Но даже острое словцо
Боль оскорбленья не таит...

Ах, Вардапет,
Вот так они
Всегда гуляют в эти дни,
Так с песней,
С пляской, со смешком
Они войдут к невесте в дом,
Потом, согрев сердца вином,
Попросят у нее поднос
(Подарки каждый ведь принес!),
И будут целовать старух,
И за вино благодарить,
И, водкой утоляя дух,
Без утоленья будут пить.
Ах, Вардапет,
Как им велит
Обычай —
Дальше предстоит
Затеять перепалку, спор,
И под шутливый разговор
Сташить курчонка из котла,
Тарелку свистнуть со стола.
И вора за уши схватить,
Бороться, весело шутить,
И песней опалять сердца,
И в ней излиться до конца.
Ах, Вардапет,
Тебе ль не знать,
Как вывалиятся все опять
Во двор, порядком под хмельком,
И в церковь двинутся гуськом.
Иные — пряча жадный взгляд —
На спины женские глядят,
Иные — кренделя плетут,
Потом в часовню все войдут,
Где стертые, в пыли, их ждут
Грабара ветхие слова,
Который им знаком едва,
Все понимают, как один,
Лишь фразу:
— ГОСПОДИ, Я СЫН...

Обряд, что видел сотни раз,
Хоть и святой,
Но, Вардапет,
Приелся так, что спасу нет:
Чадит, в свечах, иконостас,
Дымит кадило — нос опять
Невольно хочется чесать,
Евангелие жертвы ждет, чтобы клятв слова запечатлеть,
Пергаментом иссохших губ оно спешит прошелестеть:
Удел счастливый — одному,
Другому — вечную тюрьму...

И снова тянется толпа, церковный покидая кров,
И родственники всех мастей столы выносят из домов,
Как их вниманье не почтить —
Не выпить и не закусить.

И палка отбивает дробь,
Бьет с маxу барабану в лоб,
Из дырочек зурны летят
Колечки, выстроившись в ряд,
Потом застежкой из рулад
Она скрепляет их опять,
Чтоб цепь мелодии создать...

Усталый ветер добрым стал,
И снег на грудь его упал,
Не снег — калека из калек.

Пришли.
Стреляют из ружья —
Стреляют прямо в небеса,
Которые на полчаса
Раскрыли черных туч края.
Пускай стреляют —
Небосвод
На суд людей не призовет,
Великодущен он ко всем,
И незлопамятен совсем,
И чувства мести он лишен,
Его улыбка — голуба,
Смеется величаво он —
Щекотку вызвала стрельба.

При входе в дом
С царицей царь
(Так повелось в народе встарь)
Под ливень попадают вдруг —
На головы их с высоты
Пшат сыплется, изюм, урюк,
Листки бумажные, цветы.
А ливень переходит в град,
В нем — груши, яблоки, гранат,
Прекрасней крашеных яиц
Живые краски их горят.

И разбивают о порог
Тарелочку у царских ног —
Дробится камнем так луна
В спокойном озере,—
Она
Все горе взять с собой должна...

Ну, Вардапет, теперь пора
Под стук стаканов до утра
Здесь песням свадебным звучать,
Букетом ярким расцветать.
Ты ценишь их, ты любишь их:
Тебе знаком — напев одних,
В других — ты открываешь клад,
И все — внимания хотят.

И вправду, вьется в доме том
Под закопченным потолком
Неповторимых песен рой —
Хвала сменяется хвалой:
Чухе царя, что из сукна,
Рубашке — соткана она
Из пряжи шерстяной была,
Носкам в горошинку — хвала,
И поясу, что дал отец,
Хвала коню — за масть и стать,
И седоку,
А под конец:
— ДА БУДЕТ
БОЖЬЯ БЛАГОДАТЬ
ЦАРЮ, НАДЕВШЕМУ ВЕНЕЦ!

А ветер зимний, озверев,
Грозит бураном ледяным —
За стенкой свадебный напев,
Но дверь закрыли перед ним.
Он в дверь стучит, в окно рычит,
По плоской крыше снег метет
И засыпает дымоход,
Который целый год открыт,
Кидает снег за горстью горсть —
Как будто соль незваный гость
Швыряет в кушанье, чтоб тем
Пересолить его совсем.

Пусть пьют пока за жениха,
Пусть ЖЕНИХУ ХВАЛА пока
Витает возле потолка,
Уже звучание слилось
С благоуханьем белых роз
И хризантем —
Как вешний сад
ТВОЕЙ НЕВЕСТЫ АРОМАТ.

Притихла палка и зурна
Столь нежной песней смущена.
Они освободили круг —
Журчите, бубен и дудук:
— ОРЕШЕК ОТ ПЛОДОВ СКЛОНЕН,
И ВЫ ПЛОДИТЕСЬ, КАК И ОН.

А прославляющий напев
Течет, плывет,
Сердца согрев,
Как солнцем озаренный сад,
Где созревает виноград:
— ГРОЗДЬ ЗАВЯЗАЛСЬ СРЕДЬ ЛИСТВЫ,
ПЛОДОНОСИТЕСЬ ТАК И ВЫ.

Журчащий ласково певец
Взял песню за ее конец,
Свернул и в узел завязал.
И каждый пьющий увидал
Себя в стакане, где винцо
Качает пьяное лицо,
И, чтобы замерло оно,

До дна он с маху пьет вино
И отдает закуске честь —
Спешит шорвы¹ тарелку съесть,
Фунт мяса жирного потом
Съедает с аппетитом он,
Как будто в рвении святом
На долгий пост был обречен.

Теперь и бубен и дудук
Играют нежный ТАНЕЦ РУК,
И девушка, что, осмелев от просьб и от тычков
подруг,
Под восхищенный крик и стон «вай-вай!», «ах-ах!»
выходит в круг.

Прекрасна зрелая краса,
Пушиста темная коса,
Стыдливый слышится смешок,
Поднять ресницы нелегко,
Но первый делает шажок
И за прозрачное ушко
Прядь непокорную кладет.
А музыка — то к ней плывет,
То замирает, отступив,
Но вот, мгновенье уловив,
С ней сливаться девушка спешит,
Смущенье, стыд уже забыт,
Стан гнется, гнется, как тростник,
Она скользит,
Да так скользит
В своей чарующей красе,
Что даже дудукист, как все,
Дыханье задержал на миг...

Тут возбудимый бубен вновь, такт отбивая, стал
булить,
Мелодия напряжена, она натянута, как нить,
И руки вспугнутые ввысь
Метнулись, а потом сошлись
На сердце плавно, не спеша.
Уже волненьем не дыша.

¹ Ш о р в а — жидкий суп из фасоли, пшеницкой крупы и приправ.

Кокетливо
Одна из ног
То встанет вдруг на каблучок,
То вдруг на всю ступню встает,
К ней льнет ковер, как дурачок,
И жадно поцелуя ждет,
Другая между тем скользит,
И в ней волнение сквозит,
Как будто нравится самой
Ей гладить ворс ковра густой.
Она танцует,
И слезой глаза у всех увлажнены,
Она танцует,
И цветы на платье пестром взметены,
Вот в складки платье собралось, и по-предательски
видны
Все формы скрытые ее, что так волнующе нежны.
И стрелы взглядов к ней летят,
Но, встретив похотливый взгляд,
Она встает,
И поворот
Вращенье телу придает,
И платье в повороте том
Ее становится щитом.

Как жарок
Танец огневой —
И забывают возраст свой
Мальчишка и старик седой,
Здесь возраст просто ни при чем,
Хлопки взлетают горячо,
От них вздымается фата
И опускается фата
Невесты —
А сама она,
Как статуя, сидеть должна,
И у сестры невесты в такт
Платок трепещет, словно флаг, —
Откроет родинку на миг
И тут же прячет в свой тайник.
И сам жених в ладоши бьет,
Забыв, чья свадьба здесь идет,

Что он не дружка, наконец,
И не посаженый отец.

Ну, а она... не видит, что ль,
Не слышит, что ль, восторга боль?!
Ее движения точны,
Но так застенчиво нежны,
Что ножка ворса не помнет,
Каблук ласкает, а не бьет,
И платье, как от ветерка,
То раздувается слегка,
Подвластно быстрым каблучкам,
То, застеснявшись, льнет к ногам.

Юнцы с ума сойдут вот-вот,
Сердца мужчин любовь гнетет —
И жадный, предающий взгляд
Они в ресницах скрыть спешат
И рот спешат покрепче сжать,
Чтоб дрожь безвольных губ унять.

Ах, Вардапет, ты не забыл
Тот день,
Весенних полный сил!
И девушек ты помнишь тех,
Что вышли в поле рвать сибех,
И бегство в келью, в душный мрак...
Хоть это было
Так давно,
Ах, Вардапет,
Тебе никак
Забыть то бегство не дано.
И как забыть,
Когда всю ночь
Ты сон мучительный гнал прочь,
А он все жалил, и была
Боль сладкой, хоть она и жгла,—
Такой же, как и в этот миг...

И в этот миг
Под дружный крик
Храбрец в тугой чухе возник —
Огонь в глазах у храбреца,

Как пламя горна кузнеца,
А брови — угольно-черны,
Тугого пояса кольцо,
Взгляд строг, упрямое лицо,
Движения напряжены.
Он, как медведь, выходит в круг
И кружится
Под гром и стук,
Но... палочки удачный взмах,
И пойман ритм,
И на глазах
Медведь стал тигром,
Вот прыжок —
И он летит под потолок,
И как — никто не объяснит —
Он прямо в воздухе висит.

И у танцующей —
На мост ее двухарочных бровей,
Приходит дума,
Чтоб решить: как поступить, что делать ей?
Вот мост бровей весами стал, и разрешается глазам
Одну из чаш бровей поднять, придав движение весам,
Потом другую опустить,
Чтоб взвешенный найти ответ
И той немой игрой решить
Его судьбу —
«Да» или «нет»...

Ступая тихо, чуть дыша, по кругу девушка идет,
Так осторожно, будто впрямь под нею не ковер,
А лед,—
Вдруг поскользнется, упадет,
Боль — ничего, переживет!
А ножка будет вдруг видна —
Тут опозорится она!
А парень —
 тот наоборот:
О пол ногами быстро бьет.
Как будто у него не лед
Под ними,
А огонь сплошной,
Костер огромный разведен,

И, чтобы не обжечься, он
Соприкасается с землей
Как можно реже,—
Ввысь летит
И, замирая там, висит...

А девушка скользит, стройна,
Еще жеманится она,
Ее улыбка —
Как росток
Весеннего цветка того,
Чей сладок нежный стебелек,
Но и колючки у него.
Боль парня — зла и горяча,
И, как подкошенный, тогда
Летит он на пол, грохоча.
Согнулись ноги, семенят,
Но тело — словно монолит,
А руки... Ярость в них кипит! —
То вверх, то вниз они летят,
Кого-то ищут и зовут,
Колеблются, чего-то ждут,
Кого-то, разъярясь опять,
Хотят догнать, хотят поймать.
И кажется — в ночной тиши
Идет незримая борьба.
Опять — подскок:
— ТАШИ — ТУШИ! —
Затем — тихонько:
— ОПТТА — ТМБА! —
А в танце снова — пыл и жар,
И стали пениться, легки,
На парне крылья шаровар,
Как в кузнице из кож мехи.

Поближе дети подошли, столпились
взрослые вокруг.
С танцующих не сводят глаз.
еще тесней сжимая круг.
И жар сердечный отдают,
Когда в ладоши громко бьют,
Чтоб ритм звенящий не исчез,

Подогревают танец:

— СЭ-С-С-С!..

И женщины в душе клянут
Мужей-болванов и кладут
На грудь ладонь, чтоб боль унять
И то, что стало... набухать.

Пока танцующий — тук! тук! —
Топочет так, как будто гвоздь
В промерзший пол вбивать пришлось,
И служит молотком каблук.
Пока быстрее ног лихих
И независимо от них
Танцуют плечи танец свой,
Гляди — у девушки дугой
Густых бровей мосты сошлись,
Отдельный танец — пляшет кисть,
Отдельно — пляшут и глаза,
В которых прячется гроза,
Танцует все отдельно в джан:
Согнувшись — ножка,
Стройно — стан,
А шея — наклоняясь чуть-чуть,
Головка — прямо,
Как и грудь.
А две голубки — две руки
Летают, гибки и легки,
То чуть касаются земли,
Как будто зерна там нашли,
То снова в вышине парят,
Но вот они к гнезду летят —
И кружатся над головой,
Кончая танец круговой,
И, облетев со всех сторон,
Степенный отдают поклон,
Как будто просят извинить,
Что танец надо прекратить,
И опускаются на грудь,
Чтобы вздохнуть
И отдохнуть,
А парень — тот в последний раз,
На согнутой ноге кружась,
Отчаянно взлетает ввысь.

Шесть-семь секунд висит, прямой,
Подобно статуе немой,
И на колено с маху вниз,
Как камень рухнувший, летит...

И новый тост уже звучит:
В нем жениха отцу — хвала
И матери его — хвала,
Потом сказать пора пришла
За юных тост и за седых,
За всех усопших и живых.

Ах, Вардапет, теперь черед
Прославить в песне настает
И деда с бабкой, и сестер,
И братьев — каждому даря
Один куплет,
Их просит хор:

— ЧТОБ СЕЛИ ЗА СТОЛОМ СВЯТЫМ,
СОПРИКОСНУВ КОЛЕНО С НИМ,
ГОРЯ ЖЕЛАНИЕМ ОДНИМ —
ДОБРА ДЛЯ НАШЕГО ЦАРЯ...

Затем шутник надумал петь,
Не петь, вернее, а хрипеть
И требовать, а не просить
Его за хрип вознаградить:
СТОЛ ПОЛНЫЙ СНЕДИ —
От отца,
От брата —
НА ШАШЛЫК ТЕЛЬЦА,
А от сестры —
СЕМЬ ПАР НОСКОВ,
Хоть знает, что в конце концов,
В душе хозяев не виня,
Получит только
ДВУХ ПТЕНЦОВ
ДА КАРАВАЙ ИЗ ЯЧМЕНЯ...

И новых тостов череда
Тянуться будет, как всегда,
Знакомых с детства наизусть,
Традиционных,

Вкусных пусть,
Но надоевших с детских лет,
Как одинаковый обед.
И должно их запить потом
Бодрящей водкой и вином
И должно новые пути
Кусочком хашламы¹ найти.

Еще, о Вардапет, твой взор
Увидит, как несет ШОРОР²
Колышущихся волн хребты,
Затем НАЗПАР увидишь ты,
И девушка,
Ах, Вардапет,
Сама не ведая того,
Всей страстью танца своего
Монаха, давшего обет,
Тебя заставит вспомнить... нет,
Не пресный рай,
А тот дженнат,
Где тихо гурии скользят,
Где козни черные сплело
Несуществующее зло.

Затем... еще...
Есть и ДАРЦПАР,
Есть и ТРНОЦИ и КОЧАРИ,—
Уже под руки, посмотри,
Друг друга взяли млад и стар...

У барабанщика давно
От возбужденья и вина
Физиономия красна,
Махая палкой,
Заодно
Он встряхивает, словно гроздь,
Копну нечесаных волос
И в такт заправским петухом
Он кукарекает притом:

¹ Хашлама —вареное мясо со специями.

² Шорор, назпар, дарцпар, кочари — названия армянских народных танцев.

— Ай, ша-абаш, вот это да! —
«Десятки» — результат труда —
Слюнявит тщательно и... хлоп —
То лепит их себе на лоб,
То под шапчонку их сует,
Они торчат из-под нее,
Замкнув в бумажное кольцо
Затылок, уши и лицо.

Ах, эта детская гульба
Моих наивных дедов —
Ей
Семь длиться дней и семь ночей,
Что в песнях, в танцах промелькнут
И пьяных драк не избегут...
Ах, эта детская гульба
Моих наивных дедов —
Ей
Гулять судьбою повод дан:
В честь — неродившихся детей,
В честь — непосеянных семян.

Ах, клады песенной казны,
Не знали деды им цены —
Мелодиям и танцам тем —
И не заботились совсем,
Кто автор их,—
Бери сполна,
Нет у сокровищницы дна,
И, песен груды вороша,
Крестьянин — щедрая душа,—
Как это было каждый раз,
Как и по случаю сейчас,
На свадьбе —
Песнею своей
Желает счастья и детей,
Любви, единства, всяких благ
И забывает в миг святой —
Не все сбывается порой,
А может ведь случиться так...

Городской

Звон

А ведь могло случиться так, —
Не дай-то бог, как говорят! —
В постели у невесты, что благоухает, словно сад,
Сопя ягненком,
Ночи все сном беспробудным крепко спал
Жених, который лишь всего тринадцать весен повидал,
Спиной — к невесте, а лицом — к стене, что холоднее
льда.

Что было делать ей тогда,
Что было делать ей тогда?..

Ах, словно оселок она, что встретился с косой
тупой,
И даже камнем будь, и то истерлась бы от встречи
той,
Забившись в уголок глухой,
С опущеною головой,
Кусая кисти полных рук,
Кляня судьбу и все вокруг,
Мечтой о ласке сожжена,
В слезах запела бы она:
— АХ, ЧТО МНЕ ДЕЛАТЬ, КАК МНЕ БЫТЬ,
МАЛ ЯР МОЙ, КАК МНЕ ПОСТУПИТЬ...

А ведь могло случиться так —
Не дай-то бог, как говорят! —
Что смуглую,
С косой до пят,
Толстушку девушку женой
Взял в дом к себе ходжа седой,
Беззубый, едкий, как чеснок,
Нога — как пень, нос — как мешок,
Гной — на глазах, а голова —
От дрожи держится едва...

А ведь могло случиться так,
Что старец дом богатый свой
Навеки в клетку превратил
И в этой клетке золотой
Он куропатку б заточил,
Влюбленную,
Чей скорбный вид
О ране сердца говорит, —

Скажите, как ей засыпать
В объятьях, ледяных, как тень,
Как в песне мать не проклинать,
Не повторять ей каждый день,
Что загубила до конца
Дитя любимое свое:
Ну почему за молодца
Она не выдала ее,
А за хрыча, что рядом тут?
— ПУСТЬ В МЕД ЕМУ — ВСЯ ГРЯЗЬ МОЯ,
ПУСТЬ КУРЫ ЗОЛОТО СКЛЮЮТ.
ЭХ, ОБЕЗДОЛЕННАЯ Я!..

А если б замуж отдана
Была не за ходжу она,
А шел бы с нею под венец
Любимый юноша-храбрец,
И если б дали молодым
Не камень в ложе, а карпет¹,
Или циновку б дали им
Взамен земли,
Эх, Вардапет,
Что ж, весело смеясь, они весь век свой прожили
бы так?
Нет, Вардапет,
Не попадет пустъ в когти бедности и враг...

¹ К ар п е т — ковер ручной работы.

Еще грохочет барабан и голосит еще зурна,
Не спрятан праздничный наряд в сундук, стоящий
у окна,

А вихрь скитальчества настиг
В объятьях милой жениха
И вдаль уносит в тот же миг,
А путь-дорога далека,
Уходит он,
И... год, и два,
И даже три... он не придет.

И, от тоски едва жива,
Она тоскою и живет,
И тело раною сплошной
Горит, болит порой ночной,
Любовь дымится — едкий дым глаза усталые слезит,
Как сучья мокрые костра, когда в пещере он горит.
Постель огнем невесту жжет.
Стемнело. Милый не идет.

— ПРОКЛЯТАЯ ПОДУШКА, ПРОЧЬ,
БЕЗ МИЛОГО МНЕ СПАТЬ НЕВМОЧЬ...

Так песня — раною горит,
А рана — песнею болит.

На сердце камня тяжкий гнет,
Когда в солдаты друг идет:
— ТОТ ГОД ИСЧЕЗ БЫ И ПРОПАЛ,
КОГДА СОЛДАТОМ МИЛЫЙ СТАЛ... —

Когда не сложится любовь:
— ВЗДОХНУТЬ МНЕ СТОИТ —
КАПНЕТ КРОВЬ... —

Когда изменит клятве друг:
— КРОВЬ ЖАРКАЯ СВЕРНУЛАСЬ ВДРУГ...
Когда...

Кем был ты, Вардапет,
Ведь матерью своей на свет
Ты не землею был рожден,
Чтоб впитывать без слов сквозь сон
Дожди,
И росы,
И снега?

Но даже если бы ты был землей, лишенной языка,
Куда, скажи, твоя душа все это бы в obrать могла?
Ведь все равно должна была
Она однажды, в снег иль в зной,
Артезианскую водой
Взорваться —
Чтоб из глубины
На все четыре стороны
Рассеять вдруг в родном краю
Фонтанов радужных струю!..

ТРЕЗВОН
на звонок приходит

Звон чародействия

Раньше — где песня была,
Там и он,
Ныне — где он,
Там и песенный звон.

В залах просторных, с концертных вершин
Слушал впервые себя армянин.
Новыми стали — как радуга струй
«ВАЙ-ЛЕ-ЛЕ-ВАЙ»
И его же «ТУЙ-ТУЙ».
То же — и поле, и та же — вода,
Семя — такое же, как и всегда,
А урожай небывалый расцвел —
Очень глубокой была борозда.

Песен армянских стихийный порыв
И половодье мелодий родных,
Ливнем звучащий напев плясовых —
Больше уже не терялись в веках
Вихрями — на каменистых полях,
Бурным потоком — в ущельях глухих
И потому —
Бесполезных таких.

Песни, что были стихийно дики,
По мановению волшебной руки,
Там, где их ждут, — становились дождем,
Чтобы поля зеленели кругом,
Мельницею становилась не раз,
Ветром, что к ней прилетал
В нужный час.

Песен армянских стремнина реки
По мановению волшебной руки
В русло глубокое стройно влилась,

Чтобы скрепить неразрывную связь
С сердцем любым —
Будь то близкий сосед:
Русский, грузин,
Будь то дальний сосед:
Чужеголосый
Француз
Или швед.

Колос пшеницы, что собран с трудом,
Так становился отборным зерном,
Камень скалы — монолитным столом
В ризнице
Или на плитах стены
Ланью, склонившейся над родником.

Так молодое цветенье в лугах
Вдруг становилось венками в руках
Юных невест
И на их головах.

Так — иней, стекла покрывший вокруг, —
В рамке окна
Превращается вдруг
В дивный пейзаж.

И неведомо как
Верой — надежда становится так...

К меланхоличной мелодии он
Щедро добавил веселье армян,
И словно солнце зажгло небосклон,
Чтоб отступили и мрак, и туман.

Он как хирург, что искусствой рукой
Вырезал лишний отросток слепой,
Выбросив что-то и что-то зашив,
Тело для жизни опять возродив.

Он... что он делал?
А то, что песок
Делал с посудой:
Снял ржавчины клок,

То, что с мальчишкой чумазым вода —
С лица грязь отмывает всегда,
То, что лишь мать совершает в судьбе —
Плод девять месяцев носит в себе,
Мучиться болью ей страшной дано,
Чтоб звезд число — возросло на одно.
Обыкновенное... но все равно
Необычайное чудо оно.

Эвон победы

И песня пахаря с тех пор

Не в поле оглашала дол,

А пел в концертном зале хор:

— НУ, НАПРЯГИСЬ, ТЯНИ, МОЙ ВОЛ!.. —

И не под ясным небом дня

Скитальца губы,

А со сцен

Стенали горький свой рефрен:

— АХ, В ПЛАМЯ БРОСИЛИ МЕНЯ!.. —

Уже не в сельской тишине —

Средь городских звучало стен:

— РАСКРЫТА СКАТЕРТЬ НА ГУМНЕ... —

Не в хижинах, чей тесен плен,

А в залах пахло, как вино:

— АХ, ЯБЛОКО ЕСТЬ У МЕНЯ, ДА ЖАЛЬ,
ОТКУШЕНО ОНО!..

...А наше яблоко и впрямь,

Кровоточащее от ран,

Надкусенное тут и там,

Добыча тысяч разных стран

Плод наших бесконечных мук,

Избавилось от этих рук.

Впивались тысячи когтей,

Вонзались тысячи ногтей

За те века в его бока,

Но полноводные века

Ил приносили, чтоб опять

Земля могла его питать.

А сколько варваров-врагов

Навек исчезло в тьме веков

И сгинуло с лица земли,

Оставив в пепле и пыли

На темных плитах у дорог
Обрывки клинописных строк.

Но след клыков, что рвали нас,
Не зарубцовав и сейчас —
Кровавой памяти печать.
Смешалось с песнею родной
Дыханье музыки чужой —
Чтоб соль на рану посыпать,
Засыпать урожай песком,
Мешая воду с молоком.

Каким же уху надо быть,
Чтоб все чужое отличить,
И как же быть должна крепка
И очистительна рука,
Чтоб снять всю накипь не спеша,
Какими горло и душа
Должны быть,
Чтобы в песне всласть
Душа народа излилась,
В концертах взяв над миром власть.

Когда боль причиняют нам —
За болью вслед слеза идет,
И боль как будто отстает,
Для ран находится бальзам,
Уж так устроен мир — всегда
Есть выход, как ни зла беда.

И ты пришел к нам, великан,
И зеркало души армян
Хозяина приобрело,
Стекло, что грязью обросло,
За слоем слой, до чистоты
Протер рукою доброй ты.

И, глядя в зеркало его,
Мы отраженья своего
Не узнавали — были в нем
Мы в украшенье дорогом,
У всех благообразный вид,
Который сердце нам пьянит.

Как наши сказки говорят —
Менялся так внезапно сад,
Который, без воды сгорев,
Готов уже был смерть принять, —
Безмолвно оживал опять
И вновь листвою шелестел,
Когда чарующий напев
Жар-птицы Азаран звенел.

Учениками были мы
В своих глазах,
А ты для нас —
Чарующего пенья класс,
Мы были все как лепесток,
Который иссущил и сжег
В саду безводном ураган,
А ты — жар-птица Азаран.

И с той минуты, Вардапет,
Ты начал шествие побед
От древних монастырских стен
До самых отдаленных сцен.
И все, что твой народ собрал
На протяжении веков,
Ты полной горстью рассыпал
Народам всех материков,
Как необычный ростовщик,
Что под проценты брать привык
В обмен за свой бесценный клад —
Восторженный, как солнце, взгляд.

То, что на борозде в Лори иль в Апаране
над живьем
Тянул крестьянин-армянин с натугой в
голосе своем,
Из уст твоих,
О Вардапет,
В... Лозанне разливало свет.

Стенанье юноши в селе, чьи ожиданья
не сбылись,
О Вардапет, из уст твоих
Летело над... Женевой ввысь.

Бароны, графы, господа,
Чьи титулы как изо льда,
От пальцев пламенных твоих
НАЗПАР услышав и ШУШИК,
Надменный оставляли вид и забывали лоск и шик,
Все маски, парики вокруг,
Как дети, с восхищеньем вдруг
Платили удивленью дань
И видели сквозь дивный звук
Они... танцовщицу лань.

И горькие слова тоски,
Что сердцу нашему близки,
Их жар, таящийся в словах, —
Пылали на твоих устах,
Однако слышались они не в винограднике густом,
Не с плоских крыш и не с полей они влетали
в сельский дом,
В... Берлине жгли они огнем.
Свирилью лишь, что сотворил из ветки абрикоса ты,
Движеньем пальцев лишь одних, творящих чудо
красоты,
Ты в Цюрих, хмурый и чужой, вошел властительным
царем

И нашей песней напоил,
Что вечно смешана с вином,
И будто хмурый Цюрих тот
Попал в армянское село,
Где на пирушки озорной
Веселье буйно расцвело.

И сам изысканный Париж
Был потрясен, как ты творишь:
На сцене закачалась вдруг
Стена танцовщиц мужчин —
А был на сцене... ты один,
Игрой твоих волшебных рук
Была та группа создана.
Свела с ума Париж она,
С хлопками восхищенных рук
Ресницы хлопали вокруг,
Ведь ты своей игрой исторг
И удивленье и восторг...

Каноны веры преступя, гнет суеверия забыв,
Религиозные свои пустые споры отложив,
Католик, православный, «хлыст»
И протестант-евангелист
Почувствовали в эти дни,
Что в жизни — братья все они,
Когда, то бурей становясь,
То еле-еле шевелясь,
Духовной песни океан
Поведал о судьбе армян
Из уст твоих, о Вардапет.
И волнами
Струился свет,
И простирался далеко,
И высоко,
И глубоко.

Европа, знаявшая, что есть Восток какой-то вдалеке,
Что однослоен, одноуст он в вековой своей тоске
И расположен этот край,
Как близкий ад
И дальний рай, —
Теперь Европа поняла,
Что для себя приобрела
Народ, в чьих жилах ток кипит,
Что он и прошлым знаменит,
И миру новое несет.
Земле, чьей музыке внимать
Она теперь не устает,
Решила должное воздать —
Италией Востока звать...

Звон последственности

Вновь осень настала.
С ущелий и гор
Пахнул аромат материнства чуть-чуть,
И вкусом плодов
Пропитался простор,
И гроздья заплакали,
Чтобы их грудь
Сдавили — пусть сладкой струею вино
Иль водка прольются,
Все ждут их давно.

А ветер веселый подует едва —
Как в ярком осеннем наряде листва
Летит кувырком, осыпаясь вокруг,
И непосвященному кажется вдруг,
Что стая фазанов сорвалась с ветвей
И вдаль понеслась по дороге своей.

Клинки камышей
Пожелтели слегка —
Им ржавчина будто покрыла бока.

Подсохли колючки, нахальства полны,
На всех и на все они обозлены.
Прохожим почувствовать сразу дают,
Что именно им подчиняться должны,
Поскольку они лишь — хозяева тут.

Открытое небо — храм без алтаря,
И пчелы концерты в том храме дают
И с осами в хоре бесплатно поют,
Шмели же — ораторским чувством горя,
Высокому небу стремясь удрожить, —
Молебен весь день продолжают служить.

На скалах рябых
Старый мох как кора,
И ящерицы на камнях под горой
У солнца тепло вымогают с утра,
Как божья насмешка, их облик смешной —
Они крокодилам хотят подражать,
Но вечно на суще им жизнь коротать.

А тучи идут — за грядою гряда,
Не ведая чести, не зная стыда,
На солнце набег их — упрям и жесток,
А солнечный лик — он совсем одинок,
Он словно герой, чей народ очень мал,
Весь день с тьмою карликов он воевал,
А вечером — жизнью пожертвует он,
Как... великомученик будет сражен...

Такою приятной
И светлой была
Та осень, когда, все закончив дела,
Оставив Европу, домой он спешил,
Европу, которую он покорил.
Но даже не смыл он дорожную грязь,
Со лба даже пот не успел отереть,
Как топь под ногами его затряслась
И стала гнильем нестерпимо смердеть.

Тот, кто всю Европу сумел покорить,
Тот, кто возвратился домой как герой —
С руками могучими, с яркой душой
И сердцем, где солнцу победы светить,
Вдруг в доме родном
Лед сплошной застает
И чувствует, что не растопит он лед,
Что стал побежденным, что стал не у дел
Он раньше, чем даже вернуться успел!..

Его — клеветы черный ветер настиг,
Пыль сыплет в глаза, засыпает всего,
Шипы бесконечных колючек-интриг
Терзают и тело, и душу его,

Поскольку
Гнилой — вечно свежему враг,
К высокому — низменный тянет кулак,
Поскольку
Ведется их спор искони,
И спор продолжать будут вечно они!

С линейкой и циркулем —
Истина вот! —
Всегда с необычным сраженье ведет
Ее Высочайшая Светлость — сама...
Посредственность
Сердца, души и ума!

Посредственность!..

Да, пара глаз ей дана,
Но лишь... на затылке;
И видит она
Не пламя лампады,
А тени края,
Не голову видит,
А хвост бытия!

И уши есть тоже,
Но им не дано
Зов новый услышать;
Доступно одно
Лишь эхо
Того, что умолкло давно!

И сладость ей ведома — сладость плода,
Что болен и раньше других, как всегда,
И зреет, и падает с ветки легко,
Хоть лето еще далеко-далеко!

Цвета и оттенки она признает,
Но в сердце ее восхищенье живет
К одной только краске — способной всегда
Другие замазать цвета без следа!

Посредственность!

Если и птица она,
То быть попугаем судьба ей дана:
Чему научили,
О том и твердит!
А если животным ей стать предстоит,
То лишь обезьяной,
Чье дело всегда,
Увы, повторенье чужого труда!
А если сильна,
То как тягловый мул —
Всю мощь
У родителей он почерпнул,
Увы, одного
Не могли они дать —
Такого простого —
Родителем стать!..

И вот — от волненья и страха бела
Посредственность эта сегодня была!
Ничтожества, с кровью, в которой вода,
Горячность его и его теплоту,
Что лишь раскалялись в присутствии льда
И пульса усиливали частоту, —
Считали болезнью, опасной для них.
Людишки, чья только одежда нова,
А ветхие души в заплатах сплошных,
Живящего ветра коснувшись едва,
Врага в нем увидели:
Вдруг он дохнет,
Одежды нарядные с тел их сорвет
И миру покажет святая святых —
Их ветхие души в заплатах сплошных...

И люди, с наборами новеньких слов
И стершейся мыслью — как после торгов
Монета, видавшая тысячи рук, —
Очаг его мысли, взметнувшийся вдруг,
За страшный пожар поспешили принять
И дрожи испуга не в силах унять.

От ужаса в колокол начали бить:
— Скорее!.. Огонь помогите тушить!..

Посредственность,
Суть неизменна твоя!
На алгебру вечную злобу тая,
Ты — лишь арифметика мысли живой!
Не свод поднебесья, всегда голубой,
А синька всего лишь —
Обычный товар,
Для купли-продажи неси на базар!
И всюду в веках — ты удачник большой
Дешевого счастья и славы пустой.
И ты всемогуща... лишь тайной своей,
Не скрыта она от великих людей,
Но именно тем и велики они,
Что тайны подобные им не сродни,
Хоть знают они,
В чем удачи секрет,
Да следовать тайне желания нет!..

Посредственность,
О, как блаженна всегда
Незрелость твоя,
Что несет сквозь года
Младенчество мысли и старость души!..
Но как исказился в келейной тиши
Твой самодовольный откормленный лик:
Маштоца открытие — письмен язык
До буквки был в услужение дан
Устам несмолкающим лжехристиан.
И тотчас в глазу увидала чужом
Соломинку мнимую — толстым бревном
Толпа лжесвятых.
В их нечистых руках,
На их, перемазанных ложью, устах
Копились
И злоба, и зависть, и месть,
И кучи наветов, которых не счесть.
Поставила парус посредственность та,
И ветром подула в него клевета —
Все было замечено:

В песнях его
И в мыслях — порока нашли торжество,
И что богохульник поэтому он,
Что он нарушает священный канон,
Что видит он тень в лучезарном раю,
И — господи, душу помилуй мою! —
Не верит — а душу его покарай! —
Что есть в небесах сам божественный рай!..

И даже сам воздух был так заражен,
Что в нем задыхался беспомощно он,
Густою и острой зараза была —
Не воздух вдыхал,
А осколки стекла!..

И сердце его боль зажала в кулак,
Сжимается сердце крестьянина так,
Когда среди лета обрушится град
На поле ячменное и виноград!..

Твой хлеб горьким стал, как полынь, Вардапет,
Лоб потом покрылся, ты так побелел,
Как слой штукатурки, которой одет
Собор, где впервые ты песню запел.

Взор тех,
Кого братьями должен ты звать,
Согласно законам седой старины,
Тех, руку кому должен ты целовать,
Иль тех, кто к твоей приложиться должны,
Взор их
Стал крапивой тебя обжигать...

В том Братстве¹ небратском,
В тех стенах чужих,
Среди малодушных, никчемных и злых,
Средь зависти их
И поступков дурных,

¹ Речь идет об Эчмиадзине, центре армянской церкви, где и служил монахом Комитас.

Как чувствовал сердцем себя ты тогда?
Как древний,
Непризнанный всеми святой?
Нет!
Время не то, и эпоха не та, —
Себя ты мог чувствовать лишь...
Сиротой!

Звон вонголчения

Рожден сиротой, сиротой он и рос,
Как начались дни, так они и идут:
Ему навсегда сиротой стать пришлось
В обители, давшей сиротам приют.

Бездомным он был и остался таким —
Лишь келья... бумаги... лампады дымок...

Один-одинешенек, всеми гоним,
Душа без поддержки — он так одинок.

А прежде всего, он родился отцом...
Но так он ребенка и не зaimел,
Чтоб в доме поставить в углу колыбель,
Повесить на ней талисманы кругом,
И чтобы он сам колыбельную спел,
Когда же ребенок чуть-чуть подрастет,
По дому топ-топ осторожно пойдет,
Чтоб перемешал он бумаги отца
И чтоб лепетал, лепетал без конца —
Зеленый росток,
Вырастающий в ствол,
С которым бы дом и семью он нашел.

Он пальцы имел —
И какие притом! —
Просящие, тонкие, с добрым теплом,
Рожденные — ласкою боль утолять,
В объятьях держать и к груди прижимать.
Но где он и как
Мальчугана найдет,
Что за руку с ним
И с сестричкой
Пойдет?..

Он губы имел —
Как они горячи! —
Дрожащие жгучей тоскою в ночи,
Они для лобзаний родились на свет,
Они поцелуя искали в ответ,
А жизнь, наделив его жаждой такой,
Толкала и к ручке, и к щечке чужой...

А сердце его — для любви рождено,
Для власти и плены родилось оно,
В том сердце
Безмерное море любви,
А сам он — иссущен пожаром в крови,
А сам — по любви голодающий, он,
Отшельник, монах,
Как свеча он зажжен,
Свеча, что себя истончает, горя
В покинутой ризнице монастыря,
Глазам и душе отдавая лишь дым,
А свет — никому...

Жизнь, скажи, почему
Людей подвергаешь ты играм таким,
Что кровь даже плачет над сердцем живым?!

Стерпеть еще можно
И можно понять,
Что сам предпочел, сам решился избрать
Посредником между людьми и собой
Ты бога,
Которого, в сущности, нет,
Как нет Моисея, что создал Завет,
И можно простить, что язык твой порой
С грехом пополам, заикаясь, служил
Тому и за то — что он вовсе не жил,
Но... Мильтонов — зренья навеки лишить,
Бетховенов — тьмой глухоты окружить,
Сердцам Комитасов — любить запретить?..

Жизнь, злую игру почему ты ведешь,
Такую, что даже бросает нас в дрожь?

Зачем? Отчего? И опять — почему?
Иль этим ты выход даешь своему
Могуществу?
Право, тебя не поймешь...

Раз так — то должны мы отныне тогда
Могущество жизни принять навсегда,
Пусть сделает только одно лишь для нас,
Чтоб новый, явившийся в мир Комитас
Любовь свою в сердце не замуровал,
Невинную —
Скрытно в тюрьме не держал,
Суда не боясь осуждающих глаз...

...Кто был этой тайной — счастливая та
И все же несчастная, как сирота, —
Кто грешной любовью твоей был согрет?
Свободно открайся!
Скажи, Вардапет!
И не исповедуйся в том, а гордись —
Нужней человек, а не новый святой.

Ведь ты, Вардапет, — словно смерч огневой,
Неужто твою заморозила жизнь
Тяжелая риза своей чернотой?
О, было бы это тягчайшей виной,
Виной перед жизнью
И перед весной.

Или победил ты,
И трепетный жар
Твоих, по любви изнывающих, рук
Горячим объятьем обжег СОНА-ЯР,
ХУМАР иль ШОХЕР заключил в этот круг —
И в жарком объятии было без слов
За всю твою жизнь отпущене грехов?

Так кто же
Любовью твою была?
Владычицей скрытной
Кто в сердце вошла?

Не быть не могла она в жизни твоей,
Должна она быть.
Кто скрывается в ней?
Как тут докопаться — попробуй узнай!
Скажи, Вардапет, ничего не скрываи! —
И не исповедуйся нам, а гордись:
Не новым святым — человеком родись!

Как звали ее? Кто была эта яр? —
СОНА, иль ШОХЕР, или все же ХУМАР?
Носила ль сережки-сердечки она?
И родинкой щечка какая цвела?
На личике смуглом очей глубина
Под стать богоматери, верно, была?
Она на нее
Походила во всем:
И рост, и колени,
И косы венцом,
Рубашка была голубой у нее,
По платью лилось золотое шитье, —
Как миниатюра далеких времен,
Чей лик нереален, как призрачный сон,
Хоть в красках немеркнувших
Запечатлен...
А может, имела она из всего
Лишь мир необъятный — тебя самого,
Моля, чтобы ты ее не покидал,
Моля, чтобы хлебом насущным ты стал,
Не глядя молила, чтоб спрятать свой страх,
В твоих замирая горячих руках...

А яркость ее — лучезарной была,
Как с нею, скажи, сочетаться могла
Твоих одеяний полночная мгла?
Не требовала неужели она,
А требовала,
То тогда почему
Желанью дала отступить своему,
Она тебя плачем была бы должна
Измучить, всю душу твою измотать,
Чтоб эти одежды полночные снять,
Чтоб светлый душой, светлым внешне ты стал

И в жизнь воротился из монастыря
Уже — человек, человечность даря...

Кого же любил ты,
Отец наш святой?
Кто стойкая та
С затаенной судьбой,
Владевшая в горестном счастье тобой?
Кто эта ШОХЕР — лучезарный родник,
Твоя Шокахат, или нежно — Шохик,
Что сердцем своим, молчаливым всегда,
Когда на тебя низвергалась беда,
Ее принимала, себя опаля,
Как молнии
Добрая наша земля.

Кем в жизни была и откуда пришла,
И как обмануть даже близких смогла,
И как всех родных убедить удалось,
И с бьющимся сердцем, что страхом зашлось,
В которое дятлом сомненья стучат,
А ужас с тоской,
Словно щепки, летят,
Куда приходила — любовь и судьба —
Гнать тучи ладонями с бледного лба,
Из мира, где злоба царила всегда,
Куда-то тащить за собой? Но куда?..

И что оставалось несчастной в судьбе? —
Лишь голову пеплом посыпать себе,
Да разве могли руки слабые стать
Опорой тебе — помогать, защищать?
Когда тьма невежества слала послов
И стаей клубились жрецы темноты,
Со злобой со всех налетая концов,
Найдя сотни поводов для клеветы,
Когда тебя жалили, били и жгли
И старой враждою взрывались вокруг,
Когда озлобленье
И зависть росли,
Когда золотое зерно твоих рук

Они называли сгоревшим пшеною,
Могла ли ШОХЕР, что любила тайком,
Покорная женской несчастной судьбе,
Могла ли помочь, став опорой тебе?!..

Звон искусства

Если он, мыслям отдавшись, шагал,
Кто-нибудь ножку ему подставлял,
Если он белкой кружил в колесе,
В спицы шесты ему тыкали все.
Но он — Апостол,
Апостольский путь
Не позволяет
С дороги свернуть,
Но он — Учитель,
Пусть жизнь его бьет,
Мертвые хазы
Он первым прочтет,
Должен забытое он раскопать,
То, что рассеяно, — вместе собрать,
Чтоб стало близким, волнуя живых,
Прошлое песен и тахов родных...

Он,
Что рожден был товарищем стать,
Радость с народом своим разделять,
А коль придется, с народом грустить, —
Вынужден был в одиночестве жить,
Ах, одинокого дерева шум,
Сколько в тебе неразгаданных дум,
Плодоносящее,
Ширь,
Высота,
И одинокое, как сирота.

Повод не повод, но, крону губя,
Палки и камни швыряют в тебя
И не дают завязаться плодам
Год... и одиннадцать...
Скольким годам
Длиться еще?..

Неужели весь век?..
И как глаза под защитою век
Прячутся, если опасность грозит
(Добрый инстинкт поступать так велит!),
И Вардапет — от ухабов пути
Ноги и душу пытаясь спасти —
Резко свернул, чтоб окольным путем,
Эчмиадзину промолвив — прости,
Вдруг оказаться в Полисе¹ чужом...

¹ Полис — от греческого Пóлис — так в прошлые века армяне называли Константинополь (ныне Стамбул).

Константино- польский Звон

Полис, Полис!..

В себя вглядись —
Сначала женский облик твой
Гетерой греческой расцвел,
Потом в сердца людей вошел
Он византийской госпожой,
Теперь — турецкая ханум,
Владычица сердец и дум.
Ах, как манила ты армян —
Мой предок, словно ветеран,
Тоской сгоравший и во сне
По женской ласке на войне,
Чья жажда словно кряжи скал,
А ревность как морской оскал,
К тебе кидался, распалясь,
Любил, горел,
Но, истощась
Той связью многовековой,
Насытиться не мог тобой...

Полис, Полис!..

Царица дум,
Гетера-госпожа-ханум,
Ты — в ярком платье чаровниц
И с кипарисами ресниц,
На тонкий твой платок пошел
Весь моря Мраморного шелк,
Босфор — как пояс голубой,
Как солнце — ясные глаза.
Ты — куртизанка, чья краса
Чарует добротой лица,
А в сердце — злоба без конца,
Что от семьи уводит нас,

И только пальцем поведет,
Как танцевать любой идет,
Хоть скован цепью он сейчас
Твоей улыбки,
А она
Другому будет отдана.
И все понять она могла,
Но чувством маленьkim жила:
Ей выгода — важней, чем страсть,
Давно в свою поверив власть,
К себе не очень-то звала,
Но и особо не гнала.
И лучший среди нас — кто мог,
Переступив ее порог,
Стать кесарем —
Дай бог, чтоб в дом
Вошел к ней... жалким примаком...

Полис, Полис!..

А скольких здесь
Армянских дедов — их не счасть —
Ты страстью ложной завлекла,
Кокоткой опытной зажгла
В сердцах огонь, что их сожжет,
Потом из них
И кровь, и пот
Ты лоном выжала своим,
Но стоит заикнуться им,
Чтоб ты потомка родила
(Как кошка, ты рожать могла!),
Вдруг сразу обрывала связь,
Как мул, бесплодной становясь...

Полис, Полис!..

А сколько здесь
Плодовых косточек — не счасть! —
Мы врыли в землю под сады,
А кто, скажи, сорвал плоды?
Здесь поколения армян
Рыхлили землю для семян,

А урожай пошел куда —
Другим — зерно, а нам — нужда?!..

Полис, Полис!..

Как твой наряд
Блестящ, роскошен и богат,
Серебряный и кружевной,
Ты стянут золотой каймой.
Веками этот блеск тебе
Мы придавали — он в резьбе
Твоих камней и куполов,
В сиянии твоих дворцов,
Ведь то — сиянье наших глаз
И одаренных рук рассказ,
То — гений наш
И дар святой:
Неповторимой красотой
Украсив,
Снова украшать,
Чтобы сиять тебе опять
Своим нарядом дорогим...
И все оставили другим...

Полис, Полис!..

Ты сердцем — дэв,
Личину ангела надев.
Эдем — снаружи, но смотри:
Ведь ты геенна — изнутри,
А человечий облик твой
Самим изваян сатаной...

...Пока армянская резня в Адане
кончила посев
И тридцать тысяч человек еще лежали,
не истлев,
Пока в Салониках рука
Хозяина Елдыз-кешка¹

¹ Имеется в виду дворец кровавого султана Абдула-Гамида II (1842—1918) «Елдыз-кешк» — «Звездный дворец», на берегу Босфора в Константинополе.

Смывала кровь, оставив трон своим
достойным сыновьям,
И в платье европейском те уподоблялись господам,
Чтобы до времени под ним припрятать когти и клыки,
А каждый книжный магазин пьянили, сладостно легки,
Языческие песни и Голгофы горькие цветы —
Рукой волшебной Варужан¹ творил то чудо красоты, —
Пока рука Сиаманто ловила молнии во мгле,
Чтоб, молниями написав, «Весть Красную» нести земле,
И Текеян² еще сидел над «Воскресеньем» в поздний
час, —

Когда явился Комитас:
Гнездо хотел найти здесь он
Или... без сна войти в свой сон?..

Ах, эта ночь в родном kraю, не уходила б лучше прочь,
Пусть, удлиняясь без конца, окаменела б эта ночь,
Чтоб над тобою роковой жестокий день бы не навис,
На путь окольный не позвал
И не привел тебя в Полис...

¹ В а р у ж а н , С и а м а н т о — выдающиеся западноармянские поэты. Пали жертвой геноцида 1915 года.

² В. Т е к е я н — выдающийся западноармянский поэт.

Звон забвения

Обычным деревьям засохнуть легко
От знойных ветров и ветров ледяных,
От сломанных веток,
Царапин простых!
А кедр-великан лишь вздохнет глубоко
И вновь распрямляется, снова растет,
Пусть ветви безжалостно срубят — найдет
Он средство от этих губительных ран,
Зальет их целебной смолой великан —
Не этой ли силою... гений живет!

И вот — свежих ран
Затянулись края,
Открылась душа, что закрыта была,
Да так распахнулась,
Щедрот не тая,
Что в каждый армянский квартал донесла
Дыханье родной воскрешенной земли,
Чтоб пить ее зной и прохладу могли.
Открылась душа, что была под замком,
Над Мраморным морем, в краю голубом,
И слыша оваций восторженный гром,
Моря горделивые, вдруг онемев,
Вставали на цыпочки и, замерев,
С него не спускали восторженных глаз —
Так море, крутою волною взлетев,
С... картин Айвазовского смотрит на нас!

Армянский священник —
без пушек и пуль,
И даже без золота, и без креста! —
Пришел, чтобы взять неприступный Стамбул,
Но только не так, как когда-то орда
Султана Фати,
Что кровавой уздой
И север и юг затянула враждой.

А он неприступный Стамбул захватил
Лишь... песней —
Народ эту песню сложил
Из боли, веками терзавшей армян, —
Лишь песней и хором,
Чье имя — ГУСАН —
В честь предков он дал, что из Гохтна пришли.
Свои голоса в этом хоре сплели
Взволнованно
Триста сердец молодых,
И хор, что составлен из юных одних,
Звучал многошепотно, словно тростник.
Что нежно к ногам Араката приник,
И переливался, как озеро Ван,
Разливом Евфрата летел в океан,
Извилистым был, как Аракса поток,
Стройней Арагаца, подтянут и строг, —
Хор в триста послушных ему сыновей,
Отзычивчивых, верных ему до конца, —
А жизнь беспощадной насмешкой своей
Убила в нем с юности ранней отца!¹
И вдруг — сразу триста любимых детей,
Родных дочерей и родных сыновей,
Которые дышат дыханьем отца,
И звуки колышут звучаньем отца,
Единое сердце,
Едина любовь,
Все триста —
Едина воля
И кровь!..

Но триста, скажи наш отец, почему?
Скорее шестьсот полагалась ему —
Хор нужен в шестьсот голосов, Вардапет,
Ведь столько в сиротстве чудовищных лет,
С щемящую болью, с тоской наш народ
Провел — бесконечные эти шестьсот²
Воистину тяжких и горьких годин,
За каждый из этих годов чтоб один

¹ Комитас, как монах, не имел права жениться, а стало быть, и иметь детей.

² Имеются в виду шесть веков османского ига, под которым находился армянский народ.

Из горла невинного голос кричал
В том городе,
Что посыпал янычар
Сжигать наши села,
Крушить города,
В пустыню сады превращать навсегда,
И все шесть веков этих
Ночью и днем
Пьянять
Нашей кровью
И нашим вином...

Так триста армянок и юных армян,
А вместе — один сладкозвучный гусан,
Сеть заговоров не сплетая вокруг
И кровь не пролив,
Только властью двух рук,
Что правили ими,
Свирелью одной,
Роялем одним, набегавшим волной,
И звуком трехсот зачарованных уст:
Заставили плакать —
Но только от чувств,
Заставили вопли и крики издать —
Но лишь от восторга,
А если дрожать —
То лишь от волненья,
Так хор покорил
Тот город,
Который, наверное, был
Не городом даже —
А слил на века
В себе два расколотых материка!¹..

И тот, кто Европу вчера покорил,
Сегодня и Азию стал покорять,
И пашни он потом своим оросил,
И плугом он стал, чтобы их распахать,
Стал сеятелем он, и стал бороной,
Шагая все время сплошной целиной, —

¹ Имеется в виду, что Стамбул расположен на границе Европы и Азии.

Он консерваторию в городе том
Надумал создать,
И хоть был он во всем
Простым человеком —
Монах как монах,
Их столько в селениях и городах! —
Но в том человеке, обычном на вид,
Труды многотомные память хранит,
Сам консерваторией был он живой:
Певец, музыкант,
Дирижер огневой,
Хормейстер, ученый,
Фольклора знаток,
Историк всезнающий
И педагог,
Он был археологом —
Страстно стремясь
Раскрыть тайных хазов туманную вязь,
Он был композитором, —
Всю его жизнь
Шли песни за ним и напевы неслись,
Божественной — он — литургии творец,
И он — оперетты веселой отец!..

И вот его руки, что чудо творят,
Свершают над хазами тайный обряд,
И дряхлые старцы от магии рук
В младенцев уже превращаются вдруг,
Хотя не понять их еще языка,
Лепечут пока, заикаясь слегка,
Но годик-другой незаметно пройдут —
И эти младенцы слова обретут!..

И скоро АНУШ обретет свою плоть,
Чтоб острой насмешкой не мог уколоть
Его — ироничный всегда Фигаро:
Скажи-ка, а где же Моси и Саро?!

Да, опера плотью скелет облекла —
Так двое¹, которых судьба родила
И в том же году, и в народе одном,

¹ Опять имеются в виду Комитас и О. Туманян. По поэме Туманяна «Ануш» Комитас написал одноименную оперу.

Так двое, что боль и тревогу о нем
В бессмертные песни свои облекли,
Два сеятеля, два жнеца той земли,
Смогли урожай к урожаю сложить,
Одну гениальность — другой завершить.

И в доме своем в Панкалты¹,
И когда,
Гуляя, по Принцевым шел островам,
Он весь отдавался маниям мечтам,
Что вдаль уносили его... но куда?
Покинув Стамбул, путь у них был один —
Опять уносился он... в Эчмиадзин!

Там он и друзья расходились не раз
По кельям своим лишь в предутренний час,
А ночью...
Всю ночь из Шатаха старик...
Да разве он может забыть хоть на миг
Те ночи, в какой бы дали он ни жил?!
Старик в академии сторожем был —
Бездомный Нахо, что в Шатахе рожден,
Морщинами лоб его изборожден
Был так,
Словно балки и бревна на нем
Мороз искривил, иссушило тепло,
А своды бровей утопали в густом
Кустарнике, спутанном словно назло...

Когда же от горестных дум иногда
Он своды бровей своих спутанных тряс,
То балки ходили туда и сюда,
Как будто сорвутся
И рухнут сейчас.

Все дядя Нахо, что имел и любил,
В Сасуне оставленном похоронил,
И вот — монастырь, вдалеке от могил,
Один-одинешенек он сторожил.
И каждую ночь,

¹ Панкалты — квартал в Стамбуле. Принцевы острова — недалеко от Стамбула в Мраморном море.

Уступая мольбам

Питомцев прилипчивых, севших к ногам,
Он вновь возвращался душой сквозь года
В Сасун и Шатах,
Начиная всегда
Словами:

— Господь с вами, дети мои! —
И стоном глубоким рассказ нарастал
О славных безумцах сасунской земли,
И молния-меч
В том рассказе сверкал,
И конь Джалали
На Вороний утес
И горы Марута
Всех вместе их нес.

Так медленно сказывал дядя Нахо
И верил в рассказанное глубоко,
С героями вместе он переживал,
Словами и мыслями их рассуждал,
Их чувствами он ненавидел, любил
И речитативом в конце говорил:

— С ПОКЛОНОМ ПОМЯНУТ
ДА БУДЕТ МОЙ РОД,
С ПОКЛОНОМ ПОМЯНУТЫМ
БУДЬ, МОЙ НАРОД!..

И снова он пел, как певали отцы,
И голос хрипел, но напевы текли:

— А ГРУДИ ЕЕ —
КАК ЛУНЫ БЛИЗНЕЦЫ,
А ЛОБ — КАК РИСТАЛИЩЕ
ДЛЯ ДЖАЛАЛИ...

И в голову разве могло бы прийти
Нахо простодушному, мог ли он знать,
Что чаще и чаще
Его вспоминать
Питомец на жизненном будет пути —
Хоть черную ризу потом он надел,
Но к песням мирским он душой прикипел.
И мог ли подумать Нахо и понять,
Что в мыслях питомца — прекрасный удел —
Всегда будет с... Вагнером рядом стоять.

Нет, видно, недаром, вздохнув глубоко,
Неграмотный, жизнью забитый Нахо
На гордого Вагнера взглядом косил,
И то ли он требовал,
То ли просил:
БЕЗУМЦЕВ САСУНСКИХ яви ты на свет,
Чтоб оперой этою ты, Варданет,
Его **НИБЕЛУНГОВ** чуть-чуть проучил!..

Народ твой — в крови, а ее — океан,
В неслыханной боли гноящихся ран,
Но к нам сквозь истории плотный туман
Доносятся крики его сыновей,
Что требуют вспомнить о славных делах, —
Они шли сквозь смерть, забывая про страх,
К победе в борьбе справедливой своей!..

В такие минуты к тебе приходил
И рядом с Давидом Сасунским вставал
Вардан¹ — его Красным народ окрестил, —
И он из Стамбула тебя уводил
В Тхмут и в Аварайр²,
И, исполненный сил,
В ушах героический хор нарастал —
ВАРДАН, так ты оперу эту назвал...

¹ Вардан Мамиконян (по прозвищу Красный) — армянский полководец V века, возглавивший всенародное восстание против Сасанидской Персии.

² Аварайр — место, где произошла битва между персидскими и армянскими войсками на берегу реки Тхмут.

Эвон
**Бонни
сознания**

Уже однажды совершив
Победный марш игрой своей
И пол-Европы покорив,
А следом — Азию за ней,
И новый приступ заглушив целебной силой вещих рук —
НЕЙНИМСКОЙ, САЗОВОЙ тоски тяжелый песенный
недуг, —
Исполнен радостных надежд, в Европу снова едет он:
Сначала посетить Берлин, потом — в Париж он
приглашен.

Почти со всех концов земли спешили музыканты в
путь,
Со вкусом тонким, а порой и привередливым
чуть-чуть,
Конгресс международный их по просьбе Общества¹
созвал.

Сверкал огнями каждый зал,
Доклад любой,
Любой рассказ —
Наглядный завершал показ
Напевов, танцев той страны,
Откуда все приглашены.
А от Востока, что велик и так разноплемен, —
Лишь он...

Другие —
Чтобы хорошо
Доклад их маленький прошел —
Приводят в зал со всех концов
Ансамбли танцев и певцов,
А этот — сам и говорит,
И комментарий сам творит,

¹ Имеется в виду Международное музыкальное общество.

При всех
За пазуху рукой
Зачем-то тянетесь,
И вот
Он не оркестр выводит свой —
Простую дудку достает,
И не солист —
Ее к губам
Он медленно подносит сам.
И в дудке, простенькой на вид,
Вся мощь оркестра вдруг звучит —
То извивается, журчит,
То кольца, петли вьет у ног,
То извергается, звенит,
Но пальцем — дикий он поток
Уводит в сторону
И там
Его узлом надежным сам
Завязывает наконец.
И покорителю сердец
Овацией зал воздает,
А он за пазуху кладет
Тихонько дудочку — устал, —
Но бурей — песню просит зал,
И снова он солистом стал
И в наступившей вновь тиши
Поет он голосом души...

Ах, Вардапет, в тот день опять
Ты смог немного разогнать
Из мыслей — мрак, из глаз — туман,
В тот день прославил ты армян,
Подарок сделав
И себе —
Став победителем в борьбе.
Вот под оваций гром сплошной
Со сцены боя,
Как герой,
Спускаешься ты молча в зал
При жизни
Встать... на пьедестал...

ТРЕЗВО
зимой

Преображеній звон

Опять вернулся из Европы он домой
К молчавшим хазам и ГУСАНУ своему,
Опять АНУШ его звала порой ночной
И горделиво басом пел ВАРДАН ему.

Он должен памятник из звуков изваять,
Чтоб тот возвышенностью чувств и красотой
Горе Сасунской величавой был под стать,
Он должен в песне и сердечной, и простой
О Багдасаре, Санасаре спеть тепло,
Из Мсра идущее, проклясть он должен зло,
Чтоб с песней пахаря Давид — совсем юнец —
Один, без упряжи
И даже без волов,
Мог плуг тащить по полю из конца в конец,
Чтоб на виду у всех друзей и всех врагов
Владельца Мсра сразил мечом своим храбрец...

Он должен был...

Под черной ризою ночной
Вставало утро,
Озарив голубизной,
И становилось все теплее и ясней,
Все чище, ярче становилось и нежней.
И сердца — гул в груди.
Он об одном твердит —
Твори мелодию!
Пускай нас зной палит,
Пусть истощает нас —
Ты музыку твори!
Перед лицом врага,
Что нас берет в кольцо,
Напевам чудным вопреки,
Ему в лицо

Свою музыкой в ответ ты говори,
До часа смертного
Ты музыку твори!

И он творил, за инструментом день встречал,
Родник обильный, он обязан был творить,
Печалясь песнею — он разгонял печаль,
Пел о надежде, чтобы веру возродить,
Но... в ночь ужасную, что налетела вдруг,
Оделись в кровь поля зеленые вокруг,
Надежды, вера, грезы, жизнь и прочный дом —
Средь бела дня вдруг оказались скверным сном.

На мир беспомощный надвинулась, грозна,
Мир пожирающая, черная война...

Эвон
Любовь

Война мир пожирала.
А была весна...

Снег на вершинах
Обожгла голубизна,
Слезился он прозрачно,
Порванный в клочки,
И, с гор сбегая,
Превращался в ручейки,
С высот, таких любимых,
Он срывался вниз,
И с ревом вдаль его рыдания неслись,
С тоски он, как змея вишап, кататься стал,
Себя в ущелья и на скалы он бросал
И, став рекою новой, вдаль валы катил,
Но для прощения он слов не находил,
Как женщина, когда покинута она...

Смерть, кровь
Царили в мире,
А была весна...

Цветов глазами перемигивался луг,
И каждый куст, и стебелек любой вокруг,
Струною, клавишею став, рассыпал звук,
Когда касался ветер их прохладой рук.
Шел день за днем. Стал воздух мягким от тепла.
И теплой, пахнущей такой земля была,
Как будто мать любвеобильная прошла
По миру целому и жар весь собрала,
Чтоб землю, как дитя, согреть и приласкать
Дыханьем жарких уст — на то она и мать...

Бои,
Резня,

Пожаров красная стена,
В крови сердца людские,
А была весна...

Сквозь молоко тумана зорь лучи горят,
Они росой прозрачной ноги холодят,
И украшают ветви дерева листвой,
Не только пастбища
Цветами и травой
Они одели
И не только склоны гор —
На тропках вытоптанных зелени узор...

Сестра и мать
Оплакиваю смерть родных,
А птичка маленькая села возле них
И, глупая, в саду все утро напролет,
Свой голос пробуя, восторженно поет...

Со всех деревьев — песни новые летят,
И даже камни — потихонечку звенят,
А на полях — роса сверкает, как алмаз,
Переливаются цветы — сияньем глаз,
А чуть поодаль скромный маленький цветок —
Зовут коленопреклоненным его —
Расправить согнутый свой хочет стебелек,
Но... из попытки не выходит ничего...

Звон пограна

И мы, как тот маленький скромный цветок,
Не только не выпрямили стебелек,
Что шесть злых столетий изогнутым рос,
Под корень срубили его в этот раз
Те руки, что варварски мучили нас, —
Османская Турция, взявшись всерьез,
Решила прикончить армянский вопрос
Неслыханным средством — ему не найдет
Подобного весь человеческий род,
И даже в истории турок самих
Позорных страниц не найдется таких:
В Армении — в целой стране — ни один
В живых не останется пусть армянин!..

Мечом сразу целый народ истребить,
Лес целый под корень, под корень срубить!..

И девушки,
Лани пугливей самой,
К которым за пазуху не проникал
Тайком даже месяца свет озорной,
Бесплотные,
Словно с них автор писал
Роман идиллический,
Рдевшие вмиг
Не только от шуток —
От ласковых слов,
Стыдливые, чистые, словно родник,
Пьяневшие лишь от Вийона стихов,
Когда на французском читали его,
А песню безумной Офелии петь
Могли на английском, —
Теперь от всего,
Что выпало им испытать, претерпеть,
Сошли, как Офелия, сами с ума,

Их разум окутала черная мгла,
И в черном аду,
Исступленно крича,
Забыть не могли все же в черных ночах,
Тех злобных, насилиующих янычар,
Тех, в чьей голове, если что и найдешь,
То не человеческий разум,
А... воишь!

И те, что меняли белье раз в семь лет,
А мыло увидев, смеялись в ответ,
В покой новобрачных врывались чуть свет,
Его оскверняли всей грязью своей,
Бесчестя армянских святых матерей...
Те люди, в которых наивно искать
Людские черты —
Обезьянам под стать,
Тяжелые камни подняв не спеша,
Камнями теперь разбивали, круша
Прекрасные головы тех,
Кто векам
Дарил чудеса, уподобясь богам,
А если и разнились с богом,
То тем,
Что, в сущности, не было бога совсем,
А эти, живя,
Все создали вокруг,
И вот под ударами варварских рук
Они, как и боги, исчезнуть должны —
Так камнем армянским
Армянской страны
Армянские головы размозжены
Талантов, которым нет в мире цены!..

— Явись справедливость, явись ко мне, чтоб
Плевком я украсил холеный твой лоб!¹ —

¹ Цитируемые строки принадлежат знаменитому армянскому поэту Сиаманто, которого вместе с другими писателями убили камнями в 1915 году. Их этапный путь разделял и Комитас, которого, однако, турецкое правительство вернуло с полдороги — у него уже в то время появились признаки психического заболевания.

Так выкрикнул тот, кто упал, как и все,
С расколотым черепом, в красной росе.
Так выкрикнул он не теперь,
А тогда,
Когда кровью пьяная
Эта орда
С инстинктом, понятным одним дикарям,
Пожары и пепел несла городам,
Сжигала посевы и рушила храм!
Теперь же, теперь,
Когда был не погром,
И не избиение,
И не резня,
А смерть,
Целой нации страшный содом,
Вихрь смерти сплошной
Среди белого дня, —
Забитые,
Дети,
Мужи,
Старики,
Теперь взять откуда, скажите, плевки,
Чтоб в лоб справедливости плонуть опять?! —
Кто будет плевать
И чем будет плевать? —
Рот высох и горло в армянской стране,
Живых не осталось в родной стороне,
Коль целую нацию жадно глотал
Кривой, ледяной ятагана оскал,
По рыжей пустыне
Вихрь смерти гоня,
Не тайно —
Открыто,
Средь белого дня!..

Да был ли у той справедливости лоб?
Нет, не был!
Имела она только зад,
Чувствительный зад,
Не увидела чтоб,
Как головы нации целой крушат,
Лишенней всех средств жизнь свою защищать,
А если за лоб что-нибудь и считать,

То русско-турецкому фронту¹ дано
Им стать,
Приближался он медленно,
Но...

Но боже безбожный,
Ну в чем их вина,
За что их
Судом этим страшным судить?!...

...Железной дороги тянулась струна,
Берлин и Багдад
Чтобы соединить.
Но как протянуться ей, как ей пройти —
Вокруг аравийской пустыни пески,
Где чахлая зелень не может расти,
Чтоб станции спрятать лицо от тоски,
Где нет ни домов, ни поселков, ни сел, —
Могло ли виной армянину служить,
Что он добровольно в пустыню не шел
В том рыжем аду и работать, и жить,
И смерть свою встретить средь выжженных дюн,
Покинув места вековые армян:
Твердыню Карин²,
Неприступный Сасун,
Свой Муш плодородный
И щедрый свой Ван...

...Столетие — если не больше — одним
Флот русский желанием страстным томим:
На севере снежном, где выюги мели,
Мечтали, снедаясь тоской, корабли
О знайном востоке, о южных краях
И страсть поверяли в безумных словах
Они Дарданеллам,
Кокотке в шелках,
Той, что без любовников жить не могла,
Но к русскому флоту
Холодной была.
Кривляка кривляется?! —

¹ Игра слов: армянское «чакат» означает и лоб, и фронт.

² Ка ри н — Эрзерум.

Не проведешь!
И вот уже русским совсем невтерпеж!
И в этом — армяне виновны опять:
В турецких глазах, злобных как у совы,
Мы — ветер, что парус спешит надувать,
И парус, надетый на мачты Москвы...

...В век двигателей и моторов стальных
И в Англии в топках горит не вода,
А нефть и бензин.
На просторах морских
Хозяйка она всех морей навсегда,
Но нефть — под Мосулом. Сплошной океан.
— Чья в этом вина?
Ну конечно армян!..

...Из глины колосс оттоманский не смог
Лучей жгучих разума выдержать жар,
Он трещины дал,
Он уже изнемог,
Его иссушал окружавший пожар,
И оторвались от боков его так
Болгарин, и серб,
И румын, и словак.
А тут еще к мысли приходит такой,
Болезнью опасной такой заражен
Уже армянин —
На земле своей он
Участок мечтает иметь небольшой,
И просит гроши он из денег своих,
Что вырваны силой из рук трудовых,
А если притом он пытался кричать,
Пинком ему рот затыкали опять.
Ах, вздумал о чем-то просить армянин
Иль даже мечтать о свободе посмел?
— Так, значит, во всем виноват он один!

...А он, как всегда, над работой корпел
И ногти до мяса опять обдирал,
И кровь из ладоней потертых текла,
Скалу он долбил и ее превращал
В невиданный храм, где на стенах была
Резьба — лань из камня, прекрасный гранат,

И своды бровей над глазами ворот,
Лепил изваянья в том храме,
И вот...
— За все и во всем он один виноват!..

Не курят гашиш,
Но вино пьют в обед;
Не грабят,
Но трудятся в поте лица;
У них нет гаремов
И евнухов нет,
Не славят аллаха они без конца
И даже чалмой
Не прикрыты притом,
Священник их — в ризе!..

— Виновны кругом!..

Следы рук отцов их
Печатью легли
На всем протяжении этой земли —
То клинописью,
То могильной плитой,
То известью с камнем,
То фреской живой,
То в скалах туннелем,
Где плещет вода...
— И кто же виновен?
Они, как всегда!..

Так как же в то горло им нож не втыкать,
Которое смеет от боли кричать
Или о спасенье — других умолять?!..

...Избавиться надо от пристальных глаз,
В которых мечтаний огонь не погас,
Способных без слов боль свою передать, —
Ведь могут ненужной причиной стать
Те слезы, что горестной льются волной:
Вдруг плачущего... пожалеет чужой!..

...Колено преступное как не сломать
И локоть, привыкший ему помогать?! —

На них опираясь,
Кровавый от ран —
Что там человек! —
Даже волк и кабан
Ползут, чтоб из тяжкого плена уйти...
— Преступнее дело возможно ль найти?!

Ну как тут, от злобы и бешенства яр,
Не выйдет опять из себя янычар?!

...А люди умели красиво любить,
И мыслить умели, и радостно жить,
Умели чураться
Греховных сетей,
С улыбкою
Солнечных жаждать лучей,
И пусть — безграничны в страданьях своих,
Зато — безграничны в мечтаньях своих.
— Вот в чем преступление тяжкое их!..

И все же одна —
Всех страшнее вина.
И знаете, в чем она заключена?! —
Когда человек — как его не избить! —
Не может дурацкое имя забыть,
Которым когда-то его нарекли.
— Как наглость такую позволить могли:
Свое имя собственное не забыть?!
Нет, надо за это их строго судить,
А раз не желают понять ничего,
То, значит, от имени надо того
Иначе избавиться — просто убить!

В Европе — о цивилизаций оплот! —
Профессором тот становился за год,
Кому был армянский знаком алфавит,
А доктором даже — тот, кто делал вид,
Что с нашей историей древней знаком,
В Европе, где стало уже ремеслом —
В минуты, когда человечности вдруг
Ее сотрясали восторг и испуг —
Хвалить нас, порой до небес возвышать,

Творцами науки армян величать,
Во мгле азиатской, царящей кругом,
Единственным
Нас называть маяком,
А варваром — турка,
Поскольку он дик —
Так с детства считать европеец привык, —
И, занятый только своею судьбой,
Он земли османские между собой
Готов был делить
Или с торга продать —
Не может же вечно земля... пустовать!..

И та же Европа — культуры оплот! —
Уже не краснея,
уроки дает
Султана Кровавого внукам сама —
Как сделать, чтоб разум окутала тьма,
Как лучше убить, как усилить разбой,
А сводницы роль бережет за собой!

В чем разница между Европой тогда
И турком-аскером была в те года,
Который, от карт утомившись, кладет
Армянке беременной меч на живот
И держит пари
на вино и обед:
Мальчишку иль девочку
явит на свет?
И вместо ланцета спешит его меч
Живот кесаревым сеченьем рассечь...

Армения —
Женщиной тоже была,
Что в чреве пречистом дитя зачала,
В живот уже солнечный мальчик стучит,
Баагнообразный, душою — Давид,
Спасения нашего светом зачат,
Надеждою нашей он вскормлен в ночных
На нашем тяжелом
Пути вековом,
Где был под ногами — бугор за бугром.

Но и у Европы был тоже свой путь,
И, чтобы преграды
С дороги спихнуть,
Собакам кость бросила нам на беду:
Пока, мол, дерутся — я дальше пойду,
И было ли так
Или не было так —
Но в этой игре
Ей хватало собак!

И в этой собачьей возне и грызне
Вот-вот и погиб бы по чьей-то вине
Под лапами
Целый народ коренной!
И путь был — всего в волосок нитяной,
Чтоб нация стала бумажным листком,
Свидетельским актом о чем-то бывшем, —
В нем идолов много она обрела,
Но тотемом в нем не собака была,
А пашущий бык,
А журчащий родник,
А громом весенним рожденный тростник...

В краю, что, родившись, еще на заре
Армении имя носил — Айастан —
С времен фараона до Пуанкаре,
Рукой своих внуков кровавый осман
И кайзер Вильгельм своей царской рукой
Со слова «Армения»
Буквы,
С живой,
Соскабливали, как ненужную тень,
И день настоящий,
И завтрашний день,
Чтоб с ними и прошлое тоже смести...

И выскребли,
Выскребли все же почти!
А Вильсон,
 а с ним
 и Ллойд Джордж
 и Гладстон
Считали, что в этом мешать — не резон!..

Звон геноцида

Мешать? Зачем? Пусть так идет!..

Была весна. До летних дней
На землю рухнул небосвод,
Снег пал на головы людей,
Снег, обжигающий огнем...

— ВЕСНА! А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!

За речкой речка вдаль неслась,
Подобием набухших жил...

— ВОДОЮ НАША КРОВЬ ЛИЛАСЬ!.. —
Овраги стали — мглой могил,
Погостами — ущелий мгла...

— БЕДА! ВОДА НАШ ДОМ СНЕСЛА!..

Могильным — камень стал любой,
Что ни очаг — пожара след...

— МЫ — ПТИЦЫ, А ГНЕЗДА УЖ НЕТ!..
И что ни слово — стон сплошной,
И что ни песня — горький плач...

— ЭХ, ПАРЕНЬ, ГОРЮШКА НЕ ПРЯЧЬ!..

Там — сабля, меч, огонь, а тут —
Лопата, серп, коса да кнут...

— СКИТАНЬЯ ГОРЕМЫКУ ЖДУТ!.. —
Опустошен наш край опять,
Отчизны милой не узнать...

— ТЫ В ЧЕРНОЕ ОДЕНЬСЯ, МАТЬ!..

Так нация, древнейший род,
Вот-вот умрет, вот-вот умрет!..

— ВЕСНА! ВЕСНА! А СНЕГ ИДЕТ!..

Шло лето. Вывела птенцов
Мать-куropатка средь хлебов,

А армянин — лишен детей,
Тоныров, пыщущих огнем,
Отцов, любимых матерей,
Гнезда и всей земли своей...
— ВЕСНА, А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!..

Ну как забыть тот черный рок? —
Незабываема беда!

— КТО ПОЗАБЫТЬ ТАКОЕ МОГ,
ПУСКАЙ ОСЛЕПНЕТ НАВСЕГДА!..

Ни чабаны, ни пастухи
В долины не вернулись с гор,
Не запоет их дружный хор:
— ПРОХЛАДУ ГОРЫ МНЕ НЕ ШЛЮТ,
РАЗВЕЯТЬ ГОРЕ НЕ ДАЮТ!..

Зарезан жнец в живьё густом
Своим же собственным серпом...

И как невестке молодой
Петь сквозь горючую слезу:
— ОБЕД С ОТКРЫТОЮ ДУШОЙ
В ОТКРЫТОЙ МИСКЕ Я НЕСУ!..

И в Ванском озере конец
Находит свой — рыбак-пловец...
Невеста, верная ему,
Напрасно криком изойдет:
— Я ОЖЕРЕЛЬЕ ДАМ ТОМУ,
КТО К МИЛОМУ ПЕРЕВЕЗЕТ..

И не было людей в стране...
Хоть одного — чтоб в тишине
Спел для армян:
— ЭХ, ДЛЭ ЯМАН!¹...

Ну как забыть тот черный рок?
Незабываема беда! —
— КТО ПОЗАБЫТЬ ТАКОЕ МОГ,
ПУСКАЙ ОСЛЕПНЕТ НАВСЕГДА!..

¹ Длэ яман — горе, несчастье, что-то очень плохое.

Огонь обедни не погас
И колокол еще звучит,
А сам звонарь уже висит
На той веревке, что он тряс...

Крестьянин с мельницы помол
Вез, перепачканный мукой,
В своей арбе — он гроб обрел,
В муке — обрел он саван свой...

Погибла бабушка, в насест
Вцепившись под куриный крик, —
Она надеялась в тот миг,
Что внук больной цыпленка съест...

Дед на гумне погиб, когда
Цепом ячмень он молотил, —
Хоть нищий сам, но, как всегда,
Дань турку выплатить спешил...

Та, кто в тоныре хлеб пекла,
Сама в нем испеклась дотла...

Та, кто паломницей пришла,
И свечку желтую зажгла,
И на коленях перед ней
Просила бога дать детей,
«Подай, господь», — не допросив,
Упала, свечку погасив
Намокшим аloy кровью лбом...
— ВЕСНА, А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!..

И ясным днем, и по ночам,
По-крупному, по мелочам
Кромсали, резали и жгли,
Уничтожали, как могли,
И кровь лилась, и слез река,
И кровенели облака,
И рушилась голубизна,
И хлебородная страна
С народом целым шла под нож.

Народ исчезнет? — Ну и что ж!
В живых оставим одного
Мы для музея своего,
Пусть экспонатом будет в нем!..

— ВЕЧНА, А ВЫПАЛ СНЕГ КРУГОМ!..

Звон изгнания

Мольбы напрасны — бог не спас!..

Разбой-грабеж,
И ятаган,
И обезглавливали нас,
И рвали на клочки армян,
Рубили сабли, резал нож,
Бросали прямо под обрыв,
Тела утопленников сплошь
Покрыли реки, их закрыв,
Не разбирая, всех подряд —
От стариков и до ребят.

Кому бить в грудь,
Судьбу кляня:
— АХ, ДО КАКОГО ДОВЕЛОСЬ ДОЖИТЬ НАМ
ГОРЕСТНОГО ДНЯ?!

Мольбы напрасны — бог не спас!..

Одних — распяли в черный час,
Других — и женщин, и мужчин,
Гоня, как стадо, из долин,
Как камни скатывая с гор,—
Погнали вдаль... куда?
В Дер-Зор.

Нагие, жалкие, без сил, босые — дети, старики,
Мужчины, женщины — плелись через арабские пески
Путем могил, где каждый шаг отмечен новым трупом
был,
Своей жестокостью тот путь
Голгофу удесятерил!..

И крики о спасенье вдаль напрасно над землей
неслись,
Напрасно на весь мир набат звучал, оплакивая жизнь,

Увы, он стал в конце концов глубоким вздохом,
чуть звения:
— АХ, ДО КАКОГО ДОВЕЛОСЬ ДОЖИТЬ НАМ
ГОРЕСТНОГО ДНЯ?!

...10 апреля, год 15-й...

Цветы пьянят,
Плывет апрельский аромат
Медвяным запахом отав
И шествием цветов и трав —
И в той ночи, в апреле том
Подкрался — подло — зло — тайком —
Тот суховей,
Что унести был должен миллион армян,
Армянские кварталы он вот-вот сметет, как ураган,
В Константинополе сейчас...
И огненная ночь зажглась,
И смерть пришла со всех сторон,
И вздох последней из надежд в развалинах был
погребен...

Чудовищная ночь!
Она
К утру была обагрена
Не солнцем — кровью наших ран,
Все ризницы святынь армян
Ограбила, сожгла дотла,
Разрушила и разнесла
Армянской письменности храм,
Что был всего дороже нам,
И обрубила ветви все
У дерева во всей красе
Армянских гениев,
Потом
Из книги музыки она
Страницу вырвала — притом
Ярчайшую...

Те имена,
Что лишь вчера слетали с уст
Друзей и близких, как заря,
Чьи книги знали наизусть,

Восторга трепетом горя,—
В ту ночь одну — существовать
Вдруг перестали.
Волей злой —
Убитым варварской рукой —
Им суждено отныне стать
Лишь статуей, что создает
В воображении народ...

Ах, Панкалты средь синевы!..
В Галате церковь в три главы!..
Под вечным куполом твоим,
Горя мгновением святым,
Вел литургию Комитас —
Вчера лишь, не сводили глаз
С него, восторга не тая,
Зохраб... Севак¹ — его друзья...
И тысячи других умов —
И молодых и стариков
Он воедино собирал.
И каждый что-то создавал —
Мелодий новых высоту,
Полотен новых красоту,
Словами, нотами, пером,
Резцом, тончайшим молотком,—
И были краски так светлы!..
Потом спешили в Панкалты,
А вот и дом,
Что так знаком,
И Варданета снова в нем
ЧИНАРА, ТЫ — просили спеть
И сердце ЖУРАВЛЕМ согреть...

— ЧИНАРА, ТЫ НЕ ГНИСЬ, НЕ ГНИСЬ!..

А ты попробуй распрямись,
Когда топор под корень бьет,
Пила за ветвью ветвь грызет,
Вот и иди тут, и
...НЕ ГНИСЬ...

¹ Рубен Севак — выдающийся западноармянский поэт. Пал жертвой геноцида 1915 года.

Что?

— НЕ БРОСАЙ РОДНОЙ ПОРОГ!..

Да тут и пес уйти б не мог,—

А если волки и зверье

Всех режут и сожгли жилье,

А если всех изгнанье ждет

И ужасом объят народ?! —

Иди и

— НЕ БРОСАЙ ПОРОГ...

Но как?

— С ТОБОЙ ЛЮБИМЫЙ БОГ...—

Но где же бог? Но где же бог?

А если он ослеп, оглох

И тщетно «Смилуйся!» просить,—

Как бога этого любить?..

Что?

— ТЫ ВДАЛИ НЕ ЗАБЫВАЙ...

Забыть? Попробуй-ка давай

Забудь, как в предрассветный час

Та огненная ночь зажглась —

Руками варваров, она

К утру была обагрена

Не солнцем — кровью наших ран,

Все ризницы святынь армян

Ограбила, сожгла дотла,

Разрушила и разнесла

Армянской письменности храм,

Что был всего дороже нам,

И обрубила ветви все

У дерева во всей красе

Армянских гениев,

Потом

Из книги музыки она

Страницы вырвала, притом

Те, что сияли ярче звезд,—

Все фанатичный вихрь унес,

Все в ночь одну разбито вмиг,—

Смерть, боль, изгнание, тупик.

Вихрь злодеянья роковой
В Константинополе весной
Не пожалел ни одного,
Талант ли,
Гений —
Никого!

И люди — им бы жить и жить,
Свое бессмертье заслужить
Иль славный подвиг совершить —
В изгнанье шли
Дорогой той,
Где смерть их подведет чертой...

Жрецы,
Что музыку творят
И вечных слов святую нить,
Теперь должны и желчь и яд
Геенны огненной вкусить...

Попробуй-ка найди уста, чтоб не хотели плонуть
всласть,
И сердце каменное, чтоб в нем трещина не завелась!..

...Изгнанья путь тянулся вдаль...

Тянулся он вдоль пирамид из трупов, черных, как
печаль,
Шел вдоль холмов из детворы, что надвое рассечены,
Молящих только об одном — погребены мы быть
должны...
Святые бедра матерей пытались стыд прикрыть песком,
Песком, желтеющим кругом,
А не подолом.
Нет его,
Как больше нету ничего —
Святынь
И бога самого!..

Подростки-девушки, что смерть от мук насилия нашли,
Невесты светлые —
Прикрыть пытались грудь клоцком земли,
А не платочком.

Нет его,
Как больше нету ничего —
Святынь
И бога самого!..

Найди попробуй губы, чтобы
не проклинали все вокруг,
Найди кулак, тугой кулак,
Который бы не жаждал вдруг
Вонзиться в небо,
Чтобы так ему проклятье передать!..
Нет, надо не проклятье слать —
Отборной руганью мужской
Покрыть бы в небесах творца!..

Изгнанья путь тянулся вдаль, и не было
ему конца...

Из обезлюдовших домов
Летел, как жалкий жизни зов,
ТоскливыЙ вой бездомных псов,
Они по глупости своей
Понять, конечно, не могли,
Что предпочтительней людей
Собаки стали той земли,
Где бесконечно долгий срок
Был человек — и царь, и бог...

Лежат столбы,
Дома в золе,
Собаки, рысная во мгле,
Хозяина холодный труп
Обнюхивают,
День-другой
Тоскливо в тишине ночной
(Как будто болью жжет их струп)
Скулят и воют,
А потом,
Не выдержав голодных мук,
Впиваются слюнявым ртом
Хозяину в одну из рук,
Что их кормила лишь вчера.
И труп, урча, жрут до утра...

Мог длиться этот адов путь
До бесконечности —
Но вот
День ужаса права сдает,
И караван людских колонн.
Что умереть приговорен,
В тюрьму Чанкырскую ползет,
Построен этот мрачный свод
Руками турок... для армян —
Здесь ждет бесчестье караван,
Такой насилия кошмар,
Что смерть пред ним — желанный дар,
А рок, что злобен и жесток,—
Уже не бестелесный рок:
В обличии аскера он,
Что до зубов вооружен,
Чтоб охранять тюрьмы порог...

И в этот миг:
— СПАСИ НАС, БОГ...

Как никогда
И как нигде
Был к месту вопль скорбящий тот,
Ах, Варданет, в большой беде
Устами скорбными народ,
Чью душу черный траур сжег,
Молил, рыдал:
— СПАСИ НАС, БОГ...

И в тесных камерах вскипал
Мужских рыданий грозный вал,
Горячий, горький всхлип мужской,
И сердце воодушевлял
Он, в песне вылившись такой,
Что всех волнует, как весна,
И светлых слез струю родит —
Не болью, не тоской она,
А восхищением кипит...

— О БРАТЬЯ, ВОПРОСИМ ТОГО,
ПЛЕНЕННЫМ УВЕЛИ КОГО,
ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ, ЕГО...

Но больше нет уже отцов,
Нет братьев — саблями сплеча
В горах убили молодцов,
И по ущельям, горяча,
Кровь льется вместо родников...

— В ГОРНИЛЕ ЖАР ОГНЯ ПОГАС,
СПАСИ, ВСЕМИЛОСТИВЫЙ, НАС...

Но пользы нет в моленье том,
Когда чудовищным огнем
Горнило,
Словно хворост, жрет
Страну армян и весь народ.

— К ТЕБЕ В СЛЕЗАХ ВЗЫВАЮ Я,
СЛОВАМИ УМОЛЯЮ Я —
ПОМИЛУЙ И СПАСИ НАС, БОГ...

Что завтра им готовит рок?
Какой к ним завтра смерть придет? —
Увы, мужей великих ждет
Не смерть геройская в бою,
А жертвы смерть в чужом kraю...

— ПРИМИ МОЛЬБЫ, ЧТО ВОЗНОШУ,
ТЫ — ДОБРЫЙ, СМИЛУЙСЯ, ПРОШУ...

А если бы он добрым был,
То разве бы вооружил
Толпу зверей и к нам пustил
На нивы и сады армян
В Акин, Арчеш, Карин и Ван?..

— СВОЮ НАМ МИЛОСТЬ ПРОЯВИ —
МИР МИРУ ЭТОМУ ЯВИ...

Мир...
Если бы еще чуть-чуть все это бы
продлилось вдруг,
Глядишь — и вправду навсегда мир
воцарился бы вокруг,
Одев цветущую страну
В кладбищенскую тишину,

Где нет живых, чтоб в горе там
Завидовали мертвцам...

— ПОМИЛУЙ, ГОСПОДИ...

О нет,
Не сжалился он, Вардапет.
А наказал тебя опять —
Не стал твою он душу брать,
Как через день
Он души взял
Тех, кто от жажды так страдал,
Как желтый выжженный песок,
Кто — гениальный — голодал,
Надеждой даже не кормясь,
Святая кровь их пролилась,
Но не от пуль и сабель злых...
Камнями всех побили их...

И в чем
Причина та была,
Которая оторвала
Тебя от горестной судьбы друзей,
с кем счастье ты делил,
От рая дорогоего, путь в который
камень им открыл,
И бросила в широкий ад,
Где смерти нет, а только мрак,
Где краски жизни не горят?!

Ах, почему оторвала?
Освободила поздно так?

Но то... свобода ли была...

Звон полдатения

Ах, если то было спасенье...
О Спас,
Избавь от такого спасения нас!..

...Искусные пальцы забыли рояль,
Безмолвна заброшенных клавиш печаль!..

Он вновь в Панкалты в своем доме живет,
Чанкырской тюрьмы удручающий свод
Уже далеко от него,
Но в мозгу...
В мозгу к оболочке клок тьмы прилипал,
Как пар кипятка, что летит к потолку,
Клубился под черепом,
Вился, витал,
И, словно слизняк, копошился, скрипел
Тот мрак
И никак отлипать не хотел.

По улице шел он, накинув пальто, —
В ушах его оклик внезапно гремел:
Казалось, зовет его Сиаманто,
Казалось, окликнул его Даниел...¹
Когда же смеркалось,
Казалось ему —
В гостиную, прямо к нему, через тьму
Шагает кабаноподобный аскер
И, сняв ятаган, отстегнув револьвер,
Горячие камни вздымает в руках.
И... криком взрывался
В душе его страх,
И он зажигал все лампады вокруг,
Садился, вздыхал облегченно.

¹ Даниел Варужан.

И вдруг
Глазами вращал — в них метался испуг, —
Казалось, лампад языки — это кровь,
И он задувал их затравленно вновь.

А чаще он вскакивал так... без причин,
А чаще... был там он —
В отчизне армян, —
Бродил он по Мушу, входил он в Карин,
С любовью глядел на престольный наш Ван...

Хоть сам он —
в Стамбуле,
А мысль его —
там!..

В Армении там, говорят,
Без армян
Цветут анемоны по тихим садам,
Чей цвет восковых лепестков источал
Вина аромат и сердца опьянял,
Теперь —
не навек ли? —
багровым он стал,
И запах тяжел их —
так пахнет лишь кровь,
Дразня раздражающе ноздри бычков
Кочевников-курдов...

А юный вьюнок —
Эстет, что не терпит уродства ни в чем,
Карабкался молча на горный отрог,
Чтоб собственным нежно-зеленым крылом
Прикрыть капли крови
На серых камнях,
Спешил занавесить утесов бока,
На выступах чьих,
Как на острых клыках,
Дрожал
От победных рывков ветерка
Нарядной одежды армянки клочок,
Поблекший теперь уже до белизны
От солнца ли

Или от горя, что рок
Дал полною чашей испить без вины,
Дрожал он от ветра,
Белесый клочок...
Почетного самоубийства флажок...

А те из утесов,
Куда и выюнок,
И даже лишайник забраться не мог,
Чьи красные стены
В отвесной дали.
Расщелины белые пересекли
Подобно колоннам различной длины, —
Огромным органом они взметены
Над амфитеатром армянской страны, —
Так эти утесы
Стонали с тоской,
Когда ветер-варвар холодной рукой
В них бил, музыкального слуха лишен,
Гудели утесы,
И жалобный стон
Органным аккордом над миром несло:
— Что здесь приключилось?
Что произошло??!

А глупой кукушке никак не понять —
Бескрылый мозг птичий
Не может объять
Случившееся, —
И наивно она,
Как только вокруг расцветает весна,
В эфир
через паузы
весточку шлет,
Домой
языком телеграфным зовет:
— Ку-ку! Отзовитесь!
Что с вами? Ку-ку!.. —
Напрасно кукушке кричать на суку!
Умершим услышать тебя не дано,
А те, кто по свету рассеян давно
Как горсть ячменя —
среди птиц у гумна,

Как пригоршня крови —
в воде, что мутна,
Те, хоть позывные твои и поймут,
Уловят их сердцем, душой обоймут,
Но только — увы! — на призыв дальний твой
Ответят они лишь горючей слезой,
Миганием век и биением жил,
Набухших от гнева, что их опалил,
И сердцеиеньем ответят на зов,
Но только не радостным гулом шагов
Счастливых скитальцев, идущих вдали
К родимому дому дорогой побед:
— Топ-топ! (Мы идем!)
— Топ-топ-топ! (Мы пришли!..)

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Там —
В горном Сасуне, где за облака
Деревья ореховые забрались
И спорят с оленями, кто на карниз
Быстрее поднимется,
И, как рога,
На лбу волосатом утеса растут,
Там —
В горном Сасуне, где реки ревут,
Где в темных оврагах колючки, как лес,
На них, на листву — и вкусна, и бела —
Действительно сыпалась манна¹ с небес,
Что бедным крестьянам подспорьем была.
Но... манна небесная заменена
Небесною карой — повсюду она!..
Теперь
На камнях Цовасара² следы —
С колодцами схожие чем-то слегка, —
Следы от железных лаптей пастушки³
Заполнены струйками талой воды,
И в них полумесяц, холодный как лед,

¹ Сасунские горы изобилуют манноносными ясенями, чей клейкий затвердевший сок и зовут манной.

² Цовасар — гора в Сасуне.

³ Имеется в виду юный Давид Сасунский.

С намеками речь о прощенье ведет...
А в храме Марута, что эпосом свят,
Паломников нет —
Только совы грустят
И стонут, что мир — суетою объяты...
Орех на орехе лежит,
Им опять
Гнить осеню:
— Некому их собирать!.. —
Овец одичавших и диких стада
С гор тянутся:
— Некому больше стрелять!.. —
До Мушской долины дойти иногда
Решаются:
— Некому их воровать!.. —
И кошка в кадушке для теста рожать
Котят подготовилась:
— Некому гнать!.. —
Коровы
О яслях уже вспоминать
Давно перестали, но все же пока
Страдают, —
Как полный кувшин молока,
Набухшее вымя им трудно носить,
Не выплеснув:
— Некому их подоить!.. —
Его о ладони камней они трут
И хрюплю мычат:
— Нестерпим этот зуд!.. —
И манну в Сасуне средь ласковых гор
Медведи сосут, наживая запор,
И, в храмах святых алтари оскверня,
Катаются с ревом, закончив обед,
Тем ревом Огана-Горлана дразня, —
Почтенья к сасунским безумцам уж нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

...Венера с вершины Немрута блестит
Так ярко,
Как будто горит не звезда,
А миски пастушьей сверкает луда,

И кажется облаком белым тогда
Путь Млечный
Когда чужеземец глядит...
И сын армянина,
Того, кто сумел
Лишь чудом судьбы всех родных избежать,
Когда он, приехав в родимый предел
По визе туриста, начнет целовать
Ногою Сипана священного склон,
Не примет ли тоже за облако он
След саманокрада¹ — ваагновский след...

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Царит там теперь
Паутина одна,
Лениво зевая, мечтает она:
Хоть волки бы сытые стали рыгать,
Чтоб голос живой — пусть любой — услыхать!
Но волк редко сытым бывает,
И вот
Вновь дремлет она,
Оживая раз в год,
Когда в обезлюдевший вымерший край
Зачем-то заедет
Заптий-полицай,
И взвоет ШАРКИ²,
Навевая тоску, —
Ни ПЕСНИ ГУМНА;
Ни ХВАЛЫ ЖЕНИХУ;
Ни ЛУННАЯ НОЧЬ;
ОРОВЕЛ не плывет;
В Армении
Кто без армян запоет,
Кто в танце характер покажет живой?
Ни песни обрядовой,

¹ Млечный Путь у армян называется также Путем саманокрада. По древней легенде бог молнии и неба Ваагн в тяжкий неурожайный год украл у других богов саман и, убегая по небу, рассыпал его, оставив след, который и выглядит Млечным Путем.

² Ш а р к и — вид восточных песен.

Ни трудовой —
Нет песни армянской в Армении.
Нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!

А ночь, тяжело придавив чернотой,
Заляжет, как буйвол, угрюмый и злой,
Рогами держа небосвод над собой.
Уродливым ртом
Будет молча, с трудом
Жевать злодеянья она и погром,
А их — если даже скотиною быть —
И то нелегко будет переварить.
Тьмы черной чернила, печально до слез,
О бойне элегию станут писать,
Но вместе с рассветом
Чернила опять
Сотрутся, как... кровь и армянский вопрос...

А утро!..
Глаза каждый раз открывать
Оно, как наивный ребенок, начнет,
Ему будет мниться опять и опять,
Что жизнь как текла,
Так и ныне течет:
Вот-вот мать шлепки маслобойки прервет
И соню-сынулю
Во двор позовет...
И снова над тихой деревней вот-вот
Мычащего стада волна потечет...
Услышав, как стонет в саду ветерок,
Сорвется и вдаль полетит лепесток...
Вода
 через рыхлые грядки, как крот,
Прорыв их, тихонько ужом поползет...
Плуг с пашни ближайшей
К дороге свернет,
И лемех, как зеркало, зайчик пошлет,
И яркие блики скользнут по лицу
Соседской невестки,
Ее испугав:

Какому надумалось вдруг удальцу
Заигрывать с нею!
Об этом узнав,
— Ой, господи! —
Муж не простит никогда.
— О боже! —
Кровь может пролиться тогда!..

А утро,
Глаза открывая опять,
Обманется, словно ребенок, на миг,
Но тотчас придется всю правду узнать —
Что стало армянской сиротке под стать:
Ему б закричать —
Но не вырвется крик,
Ему бы заплакать —
Где слезы найдет,
Ему б умереть —
Смерть к нему не придет,
Ведь происхожденье свое он ведет
От Младшего Мгера¹, — о проклятый род!..

Ну кто, Вардапет,
Тут с ума не сойдет!..

Скучающий ветер стрелой полетит
По Мушской долине,
Чтоб грусть излечить,
Но ни одного он не встретит в пути
Ердыка, чтоб дым из него подхватить,
Как дикую кошку, трепать, теребить,
Пока от него не исчезнет и след...

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Бюракном нагорье звалось, но пришли
Османы —
Бингёлом его нарекли.
А в нем — десять тысяч сверкает озер,

¹ М л а д ш и й М г е р — сын Давида Сасунского, проклятый отцом и обреченный на бессмертие.

А в нем — десять тысяч звенит родников,
Теперь —
 все они в ожиданье с тех пор:
Людских ждут шагов
И людских голосов,
Чтоб голову кто-то над ними склонил,
Как в зеркале, в них отразившись, возник
И, фыркая, жажду свою утолил,
Иначе, без этого — что за родник!
Иначе — родник ты,
Но станешь прудом,
Иначе —
 не озеро,
А водоем,
Не то предстоит старой девой им стать,
Меж тем как инстинкт материнства опять
Щекочет ее все сильней и сильней,
Хоть сделай прививку, как оспы, чтоб ей
В себе жажду женщины стать превозмочь, —
Но оспинки чешутся каждую ночь...

Евфратом звалась —
И... называли — Мурад!
Шайтан с ним, Мурадом зовись, как хотят,
Лишь только б река оставалась рекой —
Сплавляла бы лес,
А не... трупы весной,
На берег швыряла бы
Пни и снопы,
А не черепа и не кости стопы!..
Лишь только б река оставалась рекой —
За все воздавала
Крестьянам с лихвой:
За то, что сажали сады искони,
За то, что пахали и жали они!..
Лишь только б река оставалась рекой —
Вращала бы жернов живою водой,
В глубоких ущельях ревя, словно зверь...
Так было всегда.
А теперь!..

 А теперь
Какая там пахота или полив,
Какая там мельница — нет больше нив!..

Как девушке снится колечко во сне,
Так грезит река о мостах в тишине,
О бедный Евфрат,
Тех мостов уже нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

У скольких народов есть озеро Ван?
Такое — чужой только спросит язык,
Подобный вопрос — для туристов и книг,
А спрашивать Вана лишенных армян
Смешно — не вопросы они задают,
Они утверждают — и этим живут!
— Есть рай на том свете,
И это — наш Ван!..

Эх, сердцеобразное озеро Ван,
Ты морем считалось всегда у армян,
Звалось ты Бийан, и Тушпа, и Бэнуник¹...
Тебя окружили, чтоб видеть твой лик,
Священный Вараг,
И Сипан, и Немрут,
Как невод, они свои тени плетут,
Забросив в тебя — не селедку ловить,
А краски, которых ни с чем не сравнить,
Ни с чем не сравнить и нельзя уловить!

В Востане² спит ветер — глубок его сон,
Хмельными он запахами опьянен,
То хмель Айгестана его усыпил,
Его аромат Артамеда сморил,
На яблоне спит он, чей в косточках плод
Гремит, если кто-нибудь сильно встряхнет,
Как будто в нем спрятана горсть янтаря!
Где ванец спасенный,
Тоскою горя,
Услышит тот звук,
Что знаком с детских лет?!..

¹ Названия Ванского озера в разные периоды армянской истории.

² В о с т а н , А и г е с т а н — районы города Вана, А р т а м е д — пригород Вана.

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

И в том же Востоке,
Когда после сна
Встает пьяный ветер от стука плодов
Деревьев рожающих,
Долго спьяна
Петляет сначала он между стволов,
Потом устремляется к озеру он,
Чтоб там, у студеной водицы, согнать
Похмелья угар и прилипчивый сон,
Но ветер так жарок, что озера гладь
Трепещет, как женщина в страстной тоске,
И тут же стыдится — ведь невдалеке
Святой Ахтамар¹,
И покаянно ввысь
С мольбой уже волны как руки взвились.
Ах, волны,
Ах, ванские волны!

Пастух,
Что мыла не видел и месяц, и два,
Войдет в эти ясные волны едва —
И чист, словно стеклышко, легок, как пух,
А кожа так бархатна и так нежна,
Как теплая яловой телки спина.
И значит, без мыла мог ванец прожить
И так потихоньку богатство нажить!²
А может быть, Семирамиды канал³
Здесь золото
Тысячу лет рассыпал
По солнечным нивам и белым садам,
По красным оврагам и черным полям!..

¹ Ахтамар — знаменитый монастырь X века на острове посреди озера Ван.

² Ванцы, как правило, народ богатый и бережливый. У армян «ванец» в некотором смысле даже означает «сконсервированный».

³ Канал Семирамиды — канал урартских времен, действующий и поныне. Его постройка, по преданию, приписывается ассирийской царице Семирамиде.

Ах, Ванское море,
Когда темнота
Спускалась,
Воссев на Сипан и Немрут,
И клинописи, что века не сотрут,
Стирала на склонах,
Где Вана черта,
Когда восседала на озере тьма,
То небо бросалось в него, словно раб,
И резвая рябь превращалась не в рябь —
А будто вода закипала сама
От огненных звезд
В том озерном кotle.
И звезды ли там пламенели во мгле,
Иль плавали тысячи ванских котов¹
С глазами, что ярче печных угольков,
Пытаясь от черного мрака спастись,
Иль тысячи тысяч каменьев
Зажглись
И завистью жгут ювелиров они,
Которыми славился Ван искони?!..
И вот, напоследок,
С цедилкой-ковшом
Большая Медведица — неба краса, —
Покинув в предутренний час небеса,
Без звука, без плеска ныряла тайком
В глубь озера,
чтобы воды зачерпнуть
И яркой лазурью на небо плеснуть,
Пусть блеклые краски заменит оно.
Но... в дырки-цедилки
Лазурь все равно
Стекала обратно — и озера гладь
Лазурью сияла,
А небо опять
Тускнело, чтоб блеклым по-прежнему стать!

Ах, Ванское озеро,
Что тебе в том —
Тускла иль лазурна небес глубина,

¹Ванский кот — особая порода кошек с большими огненными глазами и величиной с небольшого пуделя.

Когда в твоем городе,
Да и кругом,
Фанатик, всю жизнь ненавидящий свет —
Тьма,
 встав на колени,
И рвенья полна —
Власть хочет продлить
До скончания лет!..
И это в то время,
Когда и близка
Родная сестра твоя
И далека —
Севанское озеро...

Мой Вардапет,
Несчастный
И все же счастливый ты мой,
Поскольку не знал,
Да и знать ты не мог,
Что озеро
Собственной крови ценой
Даст свет
Даже скалам, где нет и дорог,
Под хрюпы оленей и фырканье коз,
Когда, их пугая, сиянье зажглось.
Одно не смогла лишь сестра,
Что щедра, —
Дать городу Вану спасительный свет
И Ванскому морю, чей берег одет
В сплошную кромешную тьму до утра,
Севанское озеро
Вана сестра,
Навек превратившая кровь свою в свет!..

Счастливый ты мой
И несчастный ты мой,
Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

У многих ли стран в мире
Есть Аарат?!
А если найдутся сказавшие «да»,
То бросит на них иронический взгляд

С презрением Библия даже тогда
И спросит, пергаментный вытянув лик:
— Прочти-ка... Таких я не видела книг!
У многих ли есть Аарат?
Аарат!..
Для нас и у нас,
Эх, и есть он, и нет —
Одна только видимость, как говорят!

Несчастный,
Счастливый ты мой,
Вардапет! —
Поскольку не знал,
Да и знать ты не мог,
Что смелых армян —
Альпинистов толпа,
Хоть рядом стоит Аарата чертог,
Спешат к поездам,
И ведет их тропа
К Эльбрусу двуглавому и на Казбек,
Чтоб над покоренной вершиною встать,
Взойти на Памир сквозь морозы и снег,
Тогда как —
Всего лишь рукою подать
От дома им
До ааратских высот,
Вершины, чья девственno белая грудь
Армянские пальцы горячие ждет,
Зовет приласкать,
В поцелуе прильнуть,
Ведь ей не забыть поцелуй жениха,
Кто Раны Армении¹ в сердце пронес!..
Немало армян
Верит в бога пока,
Но пусть не наука решает вопрос —
Библейской горы
Однозначен ответ,
Жестокой судьбою,
всем тем, что стряслось,

¹ Речь идет о Хачатуре Абовяне. Имеется в виду то, что его роман называется «Раны Армении» и то, что он первый совершил восхождение на Аарат.

Им сам Аарат говорит:
— Бога нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Несчастный ты мой
И счастливый ты мой, —
Поскольку увидеть был жребий не дан,
Что будет Масис,
Аракат наш родной,
У новой, последней столицы армян
Стоять пред глазами,
Как будто дразня,
И будет безжалостно нас возбуждать,
Магнитом притягивая и маня,
И раны, что стали уже заживать,
Опять бередя:
Хоть и есть он, а нет!..

Попробуй с ума не сойди,
Вардапет!..

Что может быть горше, страшней, тяжелей,
Чем матери боль,
Потерявшей дитя?! —
А если поступят еще с ней страшней,
Ту боль недостаточно сильной сочтя,
Погибшего
Выставят труп перед ней,
Причем не на день,
А на множество лет??!

Коль мать ты,
Попробуй ума не лишись!..

Так
перед лицом Еревана
Масис
Поставлен!

Попробуй-ка тут,
Вардашет

Звон помешательства

От страшных картин,
Что он видел кругом,
Сначала глаза помешались,
Потом —
Державная мысль...
И, познав дикий крик,
Проклятья и воплей безумный язык,
В душе его,
Стонами полной до дна,
Настала кладбищенская тишина.
А ум,
Что небесным светилом сиял,
Отныне какой-то планетою стал,
Все той же снаружи,
Но как же ей быть
Той самой —
Светило... не стало светить!..

И он не успел в Аварайском бою
Вартаном пожертвовать,
Сам жертвой став,—
Ах, если бы жизнь он закончил свою
Подобно Вартану, в сражении пав,
Иль новым Мушегом он умер бы пусты,
Чье слово последнее знал наизусть
Он иноком юным,
Твердя в тишине:
— УЖ КОЛИ ПОГИБНУТЬ И ВЫПАЛО МНЕ,
ХОЧУ УМЕРЕТЬ Я В БОЮ НА КОНЕ...—
А сам не с коня
Пал в разгаре борьбы —
Пал жертвой предательства...
нашей судьбы.

Несчастную, в горе Ануш не успел
В той опере дивной с ума он свести,

А сам —

От чудовищных варварских дел —
Не смог потрясенный рассудок спасти...

И он не успел сделать то, что мечтал:
Заставить сасунских безумцев запеть,

Сам —

Стал Младшим Мгером

И замуровал

Себя в Агравакре¹ он, заживо тлеть...

...И тот даже, кто в эти дни умирал,
От боли — тебя потерять, Вардапет,—
ГЛАЗА МОИ ПЛАЧА ПОЛНЫ... застонал,
Без слов, без мелодии — сердцем в ответ —
СГОРАЮ, СГОРАЮ... сгорая, запел,
Однако... без пользы.

А тот, кто успел

Спасти от резни —

Справедливую злость

Забыв от бессилья, бесправья и ран,
Вновь к несправедливому богу армян
Взывал молчаливо, чтоб все обошлось,
Однако... напрасно.

И в церкви любой,

И в храме любом, уцелевшем пока
В армянской стране, по тебе, как река,

Молебны текли,

Призывался с тоской

Губами дрожащими пастырей бог

В хранители — чтобы он спас и помог,

Однако... не спас.

Взгляд безжизненным был,

Твоя голова, что светилом была,

Планетою стала, чей пламень остыл,

А свет поглотила кромешная мгла...

¹ Имеется в виду Агравакрская психиатрическая клиника вблизи от Константинополя, куда был вначале помещен Комитас.

Звон непрекращающей, скорбной

В Шишли¹ вблизи Стамбула он
Был на два года заточен,
Он, что народом вознесен.

Лечили...
Что лечить взялись? —
Мозг мертвый,
Раненую мысль,
В которой лед и мрак царят?..

Но те, кто светлый разум чтят,
Смириться с этим не хотят —
И вот в Париж отправлен он.

Париж, Париж!..

Ты покорен
Был около двух лет назад,
Когда к тебе он приходил,
Чтоб дудкой, полной дивных сил,
И страстью в голосе своем,
И ясной мыслью, и умом
Конгресс собравшийся пленять,

Париж, Париж!..

К тебе опять
Он возвратился,
Но не петь,
А в ранах угасать и тлеть —
Нет крыльев, чтобы ввысь лететь,
И нет огня, чтобы пылать...

¹ Шиши — долина, где помещалась лечебница.

Настала горькая пора —
Ни «Бис!»,
Ни «Браво»,
Ни «Ура!».

Париж, Париж!..
Пришел просить
Тебя он — мысли возвратить...

Париж, Париж!
Будь добрым с ним,
Щедр милосердием своим,
С кривой дороги уведи
И выведи на светлый путь —
Ну, сделай, сделай как-нибудь,
Чтоб он опять в твоей груди
Восторг мелодией зажег,
Тебя омыть бы мыслью смог,
Чтоб из свирели на простор
Летел танцующий ШОРОР...
Но бедному Парижу где лекарство нужное найти,
И есть ли вообще оно, чтоб чудом гения спасти,
Ведь он — когда на корабле перед отплытием стоял
И от своих учеников
Любви букеты молча брал,—
Улыбкой доброй не сиял,
Не нюхал нежные цветы,
А — равнодушною рукой — бросал их в море с высоты,
И застывал холодный взгляд
На груде каменных громад...

...И вот ползет за годом год —
Никто твой гений не спасет...

Уходит год, приходит год —
Кто к нашим хазам ключ найдет,
Которые он двадцать лет
Учил глядеть на белый свет,
Ночами мучаясь, как мать,
Их поднял,
Научил шагать
И вывел их на ровный путь,—
Теперь же хазы те опять

Одервенели — не согнуть! —
Что было сделано с трудом за двадцать бесконечных
лет,
Злым ветром все разметено — и среди скал утерян след...

А по следам годов года
Опять шагали, как всегда:
Один — одиннадцать,— и вот
Уже идет двадцатый год.

А он, умерший, двадцать лет,
Не погребен — и жив, и нет,
Не погребен он,
Труп живой,
И одинокий,
И святой!..

И дышит в спину года год,
Рожденный годом, год идет,
А он, подобно Азаран,
Жар-птице сказочной армян,
Что не расстреляна была
И не зарезана со зла,
А просто сбита на лету тупым ударом прямо в лоб,—
Так трепыхался двадцать лет он без сознания.
О, чтоб...
Но нет надежды, средства нет
Смягчить ту боль, что сердце жжет,
Скорбь, причитанья заглушить
И наши слезы иссушить —
От них, как борозда, идет
По всей душе кровавый след...
Так он, умерший, двадцать лет
Не погребен — и жив, и нет,
Труп —
И живой, и не живой.
И одинокий,
И святой...

Участников

Звон возрождения

Ах, Вардапет,
Живя во мгле,
Ты умер, собственно, давно,
Еще не преданный земле,
Еще нетленный все равно!

Но что происходило —
Нож,
Погромы, ятаган, резня,
И козни тайные, и ложь,
Злодейство среди бела дня,
И вырубленный целый бор —
Нечеловеческий позор!
Нечеловеческой была об этом даже мысль сама,
И от ужасной мысли той попробуй не сойди с ума!

Но вот — на камень
Зла коса
Нашла, и он ее сломал!

Но ты-то этого не знал,
Ты в Вил-Жуифе¹ угасал,
Не ведал ты, что по земле
Промчались грозные грома,
И буря грянула во мгле,
И навсегда исчезла тьма,
И твой народ, который был,
Как ты, бездомным сиротой,
Истерзанный, лишенный сил,
Весь в клочьях, с раною сплошной,
Людьми и богом в трудный час
Покинутый,

¹ В ил - Ж у и ф — предместье Парижа, где в больнице для душевнобольных жил Комитас в течение 20 лет.

Надежд лишен,
Встречавший сводников не раз
В друзьях, которым верил он,
Народ, который осушил
Всю чашу горестей
До дна
И все отчаянье сполна,
Тот, что на ложе смерти был
В агонии,—
Вдруг ощущил,
Что возродился снова он,
Что новой верой окрылен,
Что к новой жизни путь нашел,
Надеждою вооружен,
Что в старом, верном друге вдруг
Он друга нового обрел;
Да, новым был тот старый друг,
Четырехлетний¹, но такой
Самоотверженный, большой,
Что, слыша крик предсмертный твой,
Ответил грозным, как прибой,
Спешащим топотом шагов,
Пришел и спас от всех врагов
И обнял сироту, тебя,
И пояс подтянул, любя,
Чтоб снова мощь ты ощущил
Рассеянных когда-то сил,
И уважение к тебе
Глубоким было у него,
Хозяином в твоей судьбе
Тебя поставив самого.

Народ родной твой, Вардапет,
Хоть со слезами на глазах,
Весь в ранах после тяжких бед,
Истерзанный,
В сплошных клочках,
Твой, Вардапет, народ родной,
Пока ты двадцать лет лежал
И в заточенье угасал,

¹ Имеется в виду Советская Россия.

Навек «прощай» тюрьме любой
И заточению сказал,
Определив судьбу свою,
Вошел в могучую семью,
Как в солнечный просторный дом,
Где служит дружба —
потолком,
Где крышей —
общая мечта;
Семья, в которой никогда —
Ни распрай,
Ни твоё-мое,
Всеобщий дом, где бытие
Надежно — потому что в нем
Фундамент братства держит дом!..

Ты светлый разум потерял
От мрачной мысли, что настал
Для нации последний час,
Что ждет исчезновенье нас,
И не узнал,
Что, в землю мы
Закопанные средь зимы,
В ней не истлели,
А глаза,
Как виноградная лоза¹,
Раскрыли в первый день весны,
В земле расправились, стройны,
Вдохнув весенний ветерок,
Побеги дали в нужный срок —
И снова заиграл наш сок!

Стояла новая весна,
Да и какой была она!..
И вековая наша кровь,
Пузырясь, горячела вновь,
Со старой лимфой новый сок,
Вошли в наш ствол, как кипяток.
Ветвям, что сломаны со зла,
Они несли поток тепла,

¹ В Ааратской долине виноградники на зиму засыпают землей, чтобы предохранить от сильных морозов.

И наша древняя душа,
Как новорожденный дыша,
Свой звонкий голос подала!

Мы — не довольствуясь лишь тем,
Что сохранили от потерь,—
Как лед, растаявший совсем,
Распространились,
И теперь
Везде, куда ты ни пойдешь,
С армянским именем найдешь
Ты человека, что хранит
Армян величие и честь,
Да и таких, кто знаменит
Достойной славою,
Не счастье!..

Сироты жалкие — вчера,
Сегодня — полный дом добра,
Народ, что море потерял,
Народам... адмирала дал!..

И нация,
Давным-давно
Войск не имевшая своих
И полководцев боевых,
Растоптанная за века
Нашествиями много раз,
Несметным полчищем врага
Разгромленная в прах,
Сейчас —
В домах разрушенных смогла
Нам полк полковников родить,
И генералов подарить,
И даже... маршала дала!..

А наше тело — хоть оно
Все, бедное, снести могло —
Так мучили жестоко, зло,
Как лишь Христу было дано,
Но мало этого! Потом
Они добрались до души,
И способ хитрый был притом:

Души нас навсегда лишить,
Убив последнего певца,
Который мог бы нас воспеть
Или оплакать нашу смерть,—
С душой покончив до конца,
И так — ни одного певца!..
И ведь добились своего!
Но — чудо! — не столетий вал,
А десять лет прошло всего,
Как твой народ Чаренца дал.
И кажется, что он рожден
Не матерью,
А... прямо он
Из сказок выскочил армян,
Что через смерть мы пронесли.
И брата
В нем приобрели
Погибшие от тяжких ран
Сиаманто и Варужан —
Их младший брат,
Их младший сын,
Который совершил один
То, что хотели, говорят,
И средний брат,
И старший брат!..

Мы, что судьбой осуждены
На избиенье каждый миг,
К скитаньям приговорены,
Несчастные из горемык,
Мы, под огромным небом звезд
Лишенные звезды своей,
Спаслись,
Хоть пережить пришлось
Смерч, ураган и суховей.
И смотрит в звездный океан
Глазами жадными армян
Неболюбивый Бюракан¹,
Которого вчера не знал
Мир, а сегодня он вручал

¹ Бюракан — высокогорье недалеко от Еревана, где находится обсерватория Академии наук Армянской ССР.

Не новую звезду ему —
Ассоциаций звездных тьму,
Чтоб на лицо науки лег
Прохлады свежий ветерок!..

Под тем же небом, где вознес
Вершины Арагац средь гор,
Уже сиянье не лилось
Лампады, что зажег Григор¹, —
Не по велению творца,
Умом армянских сыновей
Букет
Космических лучей
Горит лампадой без конца!..

И сети все мы обошли,
И избежали всех крючков,
Приманки нас не завлекли
И вот,
когда не страшен лов,
Мы сами рыбкой золотой
Теперь награждены судьбой,
А тех, кто взял наживку в рот,
Разбитое корыто ждет!..

Напрасно ждущий похорон,
Уже нетленный на века,
Ты мумией был с тех времен,
Но с сердцем, бьющимся пока,
Угасшая среди ночей
И возгоревшая опять
Ты — люстра в тысячу свечей,
Чтоб наши души освещать!
Не знал ты,
Да и знать не мог —
От Араката до Карпат
Квартет проложит сто дорог,
Великой гордостьюю объят,
Что назван именен твоим,

¹ На горе Арагац наблюдается по временам свечение фосфора (или серы), которое предание приписывало горению лампады Григора Просветителя, распространителя христианства в Армении.

Твоих мелодий стройный лад
По-новому озвучен им,
И возвещает этим он,
Что кончен временный твой сон,
Что жизнь — безбрежна впереди,
Неумолкаемый в груди
Твой резонанс растет, растет
Из края — в край,
Из уст — в уста,
Из сердца — в сердце
Он идет,
И прославляют голос тот
И наш лазурный небосвод,
И Гималаев высота!..

Мечтатель — ты, увы, не знал
И знать не мог ты наперед:
Все, что душой большой желал
Лишь полуслепотом,
Придет,
Дыханье, форму обретет!
Не знал ты,
Не видал зари...

А ныне,
Ныне... Посмотри!..

Звон соплощенной легчи

Нарядные девочки чинно идут,
Опрятные мальчики следом спешат,
Их за руки бабушки, мамы ведут
То в шумную школу, то к дому назад,
И статные юноши — смуглы, сильны,—
И стройные девушки — очи черны —
Идут со свирелями, скрипки несут,
Под мышками нотные папки держа,
Они в магазин музыкальный идут,
И там покупают, волненьем дыша,
Твои сочиненья —
Прекрасней их нет! —
И с ними спешат на занятия чуть свет!

Попробуй-ка в это поверъ,
Вардапет!

Вот — храм небывалый, невиданный храм.
Очаг негасимый, что светит векам,
Культуры, истории, лиры армян
Дворец чудотворный — Матенадаран¹,
Он — житница,
Нашей души урожай
Заполнил его до конца, через край,
Месроповских букв он печатью согрет,
А рядом с ним
Зданье, дарящее свет,—
Армянская консерватория здесь,
Носить твое имя ей выпала честь!

Ну вот и найди тут слова,
Вардапет!..

¹ М а т е н а д а р а н — хранилище древнеармянских рукописей.

Крещенные духом бессмертным твоим —
О, сколько теперь их под небом родным,
Армянских певцов, музыкантов-армян,
Влюбленных в тебя,
Озаренных тобой,
Они во всем мире
На сценах всех стран
И танцем, и песней смогли огневой
Всех заворожить,
Дав бессмертную жизнь
Мелодиям нашим, спасенным от бед,
И речи армянской!

Ну вот, Вардапет,
Попробуй-ка ласково не улыбнись!..

И, русло расширив у песни родной,
И новых симфоний рождая прибой,
О, сколько теперь композиторов вдаль
Несут наших душ и восторг, и печаль
От Норка к Нью-Йорку,
От синей волны
Севана и до Ниагарской стены.
И в каждом концерте, и в каждом из них —
В певицах, в певцах, в музыкантах самих —
Ты — вечно присутствуешь, ты — их отец,
Их крови, текущей по жилам, творец,
Что новые формы нашла наконец.
Ведь ты — Патриарх, ты — то самое ЯН,
Что встретишь в фамилии каждой армян,
Дыхание наше,
Ты — нации дух,
Тобой он пронизан,
Тобою он дан,
И может быть назван фамилией вслух
От имени светлого —

КОМИТАСЯН!..

Воскресни, умерший,
Зовет тебя жизнь!

Скиталец,
Попробуй-ка тут не вернись!..

Звон возвращения

И он возвратился...

Но прежде него,
По миру рассеянные, как песок,
Армяне, которые на волосок
От верной погибели были всего,
Которых лишь случай от смерти сберег,
Чтоб дать им взамен только стоны и плач,
Чтоб мучить и мучить взамен, как палач,—
Рассеянные по земле, как песок,
Армяне, от гибели на волосок,
Теперь в край родной возвращались опять,
Чтоб старый потухший очаг разжигать,
Чтоб дым задышал
И проснулся ердик
Пред лицом Масиса, что строг и велик,
В честь тех, кто пришел к Арагацу живой,
И павших бесчисленных за упокой.

И он возвращался, и он приходил,
Кто жертвой того же изгнания был,
На том же горячем и на ледяном
Помешан —
На песнях, на танце родном,
Опора единственная, что могла
Связать с новым старое крепче узла,
Та лента из радуги,
Что в горький час
Нож злобный однажды отрезал от нас,
Которую двадцать томительных лет,
Сначала — с мечтой, что настанет рассвет,
Затем — с жаждой сердцем покой обрести,
Мы ждали,
Чтоб вместе с любовью найти

Сегодня — на ране зажившей — рубец
И чистым — наш завтрашний день наконец:
— УМРУ ЗА ПРИХОД ТВОЙ, ОБЪЯТА ОГНЕМ,
МОЙ БРАТ ДОРОГОЙ, ПРИХОДИ, И УЙДЕМ...

Он —
Истосковавшийся в дальней дали,
Он —
Сын наш единственный отчей земли,
Он —
Горький скиталец,
Он —
Жертва тех бед,
Домой возвращался спустя двадцать лет:
...МНЕ И УМЕРЕТЬ ЗА ПРИХОД ТВОЙ НЕ
ЖАЛЬ,
...ТОСКУ УТОЛИТЬ БЫ СВОЮ И ПЕЧАЛЬ...

Он с черной бородкой, с усами ушел,
Он в черной одежде покинул порог,
Он черным ушел, поседевшим пришел...
— О МНОГОМ СМОЛЧУ, ХОТЬ СКАЗАТЬ БЫ
Я МОГ,
НУ ЧТО ТЕБЕ СКАЖЕШЬ, НЕПРАВЕДНЫЙ
БОГ?..

Ушел он,
Теперь вот — его привезли,
Из дома ушел на своих он ногах,
Теперь вот —
Певца нашей светлой земли,
Теперь вот —
Его принесли на руках...
— АХ, МАТЕРИ ЛУЧШЕ Б ПОГИБНУТЬ С ТОСКИ,
ГРАНАТ, ПОТЕРЯВШИЙ СВОИ ЛЕПЕСТКИ...

Ушел он в тот миг,
Когда бешено, зло
Дыхание ужаса
Смерть нам несло,—
Армянское племя, как страшный пожар,
Сжигал суховея губительный жар,
Он, как людоед ненасытный, нас жрал,

И зверский его аппетит не стихал,
Теперь же домой возвращается он,
В дом,
Что от неистовой бури спасен,
И вновь был отстроен,
И с разных сторон
Лозой виноградной укрыт был кругом.

— ВЕСНА, ТЫ ТЕПЕРЬ ПРИХОДИ, ПРИХОДИ,
НО ЧТО С ТОБОЙ СДЕЛАЛИ...

Звали — приди! —
И он возвратился в свой край дорогой,
Который — он думал — навек потерял,
И именно мыслью той, дикой такой,
Был мозг источен, и безумным он стал...

Вернулся к Масису, что дремлет во мгле,
Пришел к Арагацу, что четырехглав,
К своей непорочной воде и земле,
К дворцам своим, храмам, чей вид величав,
К садам своим, к пастбищам, к ниве своей,
К тоске
Своих прошлых
И будущих дней,
К той всепоглощающей страшной тоске,
Что несокрушима была вдалеке,
Что двадцать пять лет собиралась во тьме —
В его темном сердце,
В сраженном уме
Со дня рокового,
Когда через двор
Прошел, Кафедральный покинув собор,
И с болью, обиженный, новую жизнь
Ушел он искать в тот далекий Полис,
А после... в Париж... в завершенье пути...

— АХ, ЧТОБ ТЫ ПРИШЕЛ
И НЕ СМОГ БЫ УЙТИ...

И он возвратился, заочный святой,
Сошедший с ума от немыслимых бед,
Не зная, что все двадцать лет над страной
Звенит его колокол звоном побед,
С безумною мощью он отклик родит —

И плач восхищенья,
И праздничный свет
Поднялся, разлился, потоком летит
По новому руслу,
С теченьем другим
Смешался и стал половодьем одним.

— НАДЕЖДА МОЯ, ВОТ БЫ МАМА ПРИШЛА
И ВСЕ ТВОИ БОЛИ С СОБОЙ УНЕСЛА...

Вернулся,
Чтоб не уходить никогда,
Пришел, чтоб душа под покровами льда
Согрелась горячей любовью людской,
Пришел и не знал наш заочный святой,
Что стать ему памятником предстоит,
Одетым и в бронзу, и в гладкий гранит,
И там... голове, что от горя седа,
Как прежде — навек — потемнеть предстоит,
Во взгляде исчезнет туман навсегда,
И блеском былым он опять заблестит
И снова рассеет
Повсюду, кругом
Талант человеческий, став божеством,
Движеньем руки он
И песней немой
Уроки вновь даст —
Лейся соло волной
И многоголосья цвети красота...

— ГЛАЗА ТВОИ ЯСНЫ
И СВЯТЫ УСТА...

Вернулся,
И вот — вся страна,
Весь народ
С печалью на сердце
Поднявшись, встает,
Проститься идет он в колоннах сплошных
С волшебником, магом напевов родных
И тахов и песен, что славят наш край...
— ЗЕЛЕНОЕ СОЛНЦЕ МОЕ, КАК «ПРОЩАЙ»
ТЕБЕ Я СКАЖУ...

Твои прощанья

И Арагац, и Арарат
Глазами скорбными глядят
На черный туф дворца,
На зал,
Печальный зал,
Где он лежал —
Царь, хоть и без короны он,
Царь, что имеет гордый трон,
Но не спускается с него,
Святого трона своего.

И наш народ, что все подряд
Престолы старые столкнул
И целый мир перевернул,
Возмездьем праведным объят —
С царя другого в этот час
В слезах, в тоске не сводит глаз
И не скрывают слез тоски
Мужчины, дети, старики.
И флагов целый океан
Окаменел, в печаль одет,—
Флаг государственный армян,
Наш флаг,
Ты слышишь, Вардапет?
Столица родины моей —
А не колония, как встарь! —
Старается в душе своей
Запечатлеть твой образ, царь,
Запечатлеть в последний раз
Твои любимые черты,
Что не сверкнут уже сейчас,
Как блещут яркой красотой
Твои нам песни,
Бледен ты,
Но бледностью не сироты —
А праведною бледнотой...

И Арагац,

Масис,

Синан¹

Встают в почетный караул,

Седые головы склонив, на прах твой
смотрят сквозь туман...

Армянских деятелей ряд

Встает в почетный караул,

Варпеты² мудрые стоят,

Сердца и руки протянул

К тебе народ —

И стар, и млад...

Народ, оставшийся с тобой,—

Теперь тебе он сыном стал,

Слит воедино скорбью той,

Что в час прощанья испытал,

От боли сгорбясь,— ведь отца

Теряет он и вся земля,

И жарким пламенем сердца

Скорбь обжигала, опала,—

За человеком человек

Идут с безмолвною тоской,

Чтоб сохранить в душе навек

Твой образ светлый,

Лик святой...

¹ Синан — гора в Армении.

² Варпет — мастер.

Звон погребения и воскресения

И вот он, похоронный путь,— процессия была длинна,
От Абовяна через центр до Пантеона шла она,
Но — раньше — был оплакан он
Рекой Раздан, она, как мать,
Была сдержать не в силах стон,
И, чуть покачиваясь, плыл над морем из людских
голов
Святой кораблик в вышине, поднявший парус из
венков...

И многотысячной толпой
Сыны столицы — молодой
И нашей древней —
Шли сюда,
Чтоб с ним проститься навсегда,
Но не они одни сейчас
Скорбели в этот горький час,
Не только весь народ скорбел,
Не только те, кто от резни
Бежали за родной предел,
Чтоб там свои закончить дни,
Но ...миллионы жертв тех лет,
Покойников несметных тьма,
Чьих и могил на свете нет,
Те, что свели его с ума
Своей злосчастною судьбой...

В процессии печальной той
Шли горы —
И родной страны,
И те, что были пленены...

И ветер родины звенел...

И колокольчиком запел
Девичий нежный голосок,
Он был печален и высок
В невыразимой тишине
У ямы той, где мрак на дне,
А песня поднималась ввысь:
— ЧИНАРА,
ТЫ НЕ ГНИСЬ, НЕ ГНИСЬ! —

И до земли от этих слов
Склонялись тысячи голов,
Упали слезы на венки —
Всеобщей скорби и тоски,
И плач был общим в тот момент,
Как песне аккомпанемент...

И среди всех было нельзя найти хотя бы одного,
Кто не услышал бы в себе звучанья сердца своего:
«Нет, не согнуть нас никому!» —
Свидетель и залог тому
И Арагац,
И Аарат,
И песня, чьи слова звучат,
Как просьба светлая к нему:
— НЕ УДАЛЯЙСЯ!

Уходил.
Но уходил как солнце он,
Что покидало небосклон,
Лишь для того, чтоб свет дарить
Другим краям
И вечно жить.

Он уходил.
Но уходил, чтобы от близкого уйти,
Чтоб, простираясь широко, распространиться по пути,
Незавершенное свершить,
Дополнить и распространить,
Чтоб в памяти навечно жить,
И песне зря его молить:
— НЕ ЗАБЫВАЙ...

Когда во тьму
Той ямы, что могилой звать,
Гроб стали тихо опускать,

На удивление всему
Дождь заструился, как родник,—
Иль в самом деле потому,
Что небо плакало о нем
Печально-умиротворяющим сердца своим дождем...
— НЕ ЗАБЫВАЙ!

...Когда во тьму
Той ямы, что могилой звать,
Гроб стали тихо опускать,
В тот миг —
По миру по всему
Рассеянные в годы зла
Церквей армянских купола
Удалили в колокола,
И просьба к небу в них была:
— Открой свои врата ему!..—
Со всех амвонов к небу плыл
Его бессмертный ПАТАРАГ:
— И Я КОГДА-ТО СВЕТОМ БЫЛ,
ТЕПЕРЬ Я — СМЕРТИ ТЕНЬ, Я — МРАК...

Нет, литургист, ты в этот раз
Ошибся — он всегда для нас
Был ярким светом, и опять
Ему ликующе сиять
До нескончаемой поры
В глазах — армянской детворы,
В умах — пытливых молодых,
В грудях набухших — юных жен,
В улыбке засияет он
Армянских бабушек седых,
Качающих своих внучат,
В сердцах — что трепетно стучат,
Когда любви приходит час.
Ах, Вардапет, тебя сейчас
Мы не хороним в душной мгле,
А на хранение земле
Вручаем — ею ты любим,
И тщетно литургии стон
Стенает песней похорон:
— ВСЕВЫШНИЙ ИЕРУСАЛИМ...

Не литургии нужен стон,
А яркий воскресенья звон:
— ХВАЛА ВСЕВЫШНЕМУ! —

Нужна.
— БЛАГОСЛОВЕН ТЫ! —
Песнь слышна.

Тебя здесь не хоронят, нет, ты не становишься
землей,
Ты воскресенье обретешь, всегда живой, во всем
живой:
— БЛАГОСЛОВЕН ТЫ,
АГНЕЦ МОЙ...

Воистину, ты — агнец тот,
Кому в кровавый черный год
Стать жертвой горький жребий дан,—
Пал без ножа ты, Вардапет,
Когда осталась без армян
Земля армян в годину бед...

— ВЗОЙДИ НА ГОРУ
И РАЗДАЙ НАГРАДУ СЫНОВЬЯМ СВОИМ... —
И роздал ты награду им,
Сынам народа своего
И... человечеству. Его
Ты тоже одарил, как бог,
Ты роздал всем и все, что мог,
И сам богаче стал притом...

— ТЕБЯ ВОССЛАВИМ,
ВОЗНЕСЕМ...

Но где слова нам отыскать,
Чтобы тебе хвалу воздать,
Коль оказался бедным вмиг
Гайканский щедрый наш язык,
Чем нам воздать тебе в ответ,
О Вардапет?

• • • • •
Ты — Вардапет!
Всех Армянской Песни Бог,
Месроп Маштоц и букв, и строк
Армянской Песни,

А она
Была пока как целина,
Ты — борозда, что глубока,
Ты — золотые семена,
Ты — вера, и наверняка
Даст новый урожай она...

Ты — абрикосовый побег,
Чьи ветви — как их ни ломай —
Приносят новый урожай,
И ...снова счастлив человек...

Ты ласточка, что навсегда
Избрала место для гнезда
У нас в душе,
Средь куполов
Полуразрушенных дворцов
И храмов, что еще стройны
Под небом милой нам страны...

Ты — наша лира,
Чья струна,
Хоть и надорвана она,
Армянской музыки полна...

Ты — горло всех сердец армян,
Что, духом падая от ран,
Стон по-армянски издает...

Ты — камень
В гладкой кладке, тот,
Что крепость зданью придает;
Ты — хлеб насущный
И запас,
Что в черный день спасал не раз;
Мир наших душ, что под замком,
И мир, распахнутый кругом;
Ты — та причина,
Что опять
Бежавших помогла вернуть,
В одно — весь гений наш собрать
И преградить навеки путь

Судьбе, что зло, за годом год,
Разбрасывала наш народ...

Ты — наш незыблемый Масис,
Опора наша, вера в жизнь,
Ты — наших песен Цовасар,
Исток прозрачный,
Ярый жар
Душ, переполненных тоской
И звонкой радостью людской.
Ты — наших песен нота, хаз,
И нотный знак,
И жизни глас,
Армянских песен сводный том
И голоса хранящий дом...

Мы — поле, пахарь — ты на нем,
Солома — мы, ты — колосок,
Мы — долы, ты — седой отрог.
Мы — синь, ты — неба синий дом,
Мы — холод, ты — огонь во всем,
И ты — тоныр,
И ты — очаг...

Прими как воздаянья знак
Тобою совершенных благ
Твоей же нивы вечный звон.

Ты — для веков,
Для всех времен
Вечноиграющий орган.
Ты — наш духовный шаракан,
Ты — собиратель для страны
Реликвий, что разметены,
Ты — для душевной чистоты
Купель священная,
И ты —
Библейский посох,
Что на миг
Коснется — и забьет родник.
Ты — стон души,
Слеза из глаз,

Жрец песен,
Поднятых в зенит,
Ты — колокольня,
Что для нас
Неумолкаемо звенит...

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА. 5

ПРЕДРАССВЕТНЫЙ ТРЕЗВОН

БЛАГОВЕСТНЫЙ ЗВОН. 9
ЗВОН СИРОТСТВА. 13
ЗВОН ЛИКОВАНИЯ. 16
ЗВОН НАДЕЖДЫ. 20
ЗВОН ПОМИЛОВАНИЯ. 22
ЗВОН ПРОБУЖДЕНИЯ. 25
ЗВОН ГРЕХОВНЫЙ. 29
ЗВОН ОТКРОВЕНИЯ. 38
ЗВОН ПОМАЗАНИЯ. 40

ТРЕЗВОН ЗАРИ

ЛЕТНИЙ ЗВОН. 45
ЗВОН ОСЕННИЙ. 51
ЗВОН РАЗРАСТАЮЩИЙСЯ. 55
ОТЧИЙ ЗВОН. 58
ЗВОН БОЛИ И ПРОТЕСТА. 62
ЗВОН ЧУЖБИНЫ. 66
ЗВОН РЕЗНИ. 71
ЗВОН ПРОБУЖДЕНИЯ к жизни. 73
ЗВОН УДИВЛЕНИЯ. 76
ЗВОН ГЕРОИЧЕСКИЙ. 80

ПОЛУДЕННЫЙ ТРЕЗВОН

ЗВОН ПАЛОМНИЧЕСТВА. 87
ХОРОВОДНЫЙ ЗВОН. 91
ПРЕДЗИМНИЙ ЗВОН. 98
СВАДЕБНЫЙ ЗВОН. 102
ГОРЕСТНЫЙ ЗВОН. 117

ТРЕЗВОН РАЗРАСТАЮЩИЙСЯ

ЗВОН ЧУДОТВОРНЫЙ. 123
ЗВОН ПОБЕДЫ. 126
ЗВОН ПОСРЕДСТВЕННОСТИ. 131
ЗВОН ВОПРОШЕНИЯ. 138
ЗВОН НЕИСТОВСТВА. 144
КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ ЗВОН. 146
ЗВОН ЗАВОЕВАНИЯ. 150
ЗВОН КОНЦА СОСТЯЗАНИЯ. 157

ТРЕЗВОН ГЕНОЦИДА

ПРЕРВАННЫЙ ЗВОН. 161
ЗВОН ТРЕВОГИ. 163

ЗВОН ПОГРОМА.	165
ЗВОН ГЕНОЦИДА.	174
ЗВОН ИЗГНАНИЯ.	178
ЗВОН ПОМРАЧЕНИЯ.	187
ЗВОН ПОМЕШАТЕЛЬСТВА.	202
ЗВОН НЕПРЕХОДЯЩЕЙ СКОРБИ.	204

УСИЛИВАЮЩЕЕСЯ ЭХО

ЗВОН ВОЗРОЖДЕНИЯ.	209
ЗВОН ВОПЛОЩЕННОЙ МЕЧТЫ.	216
ЗВОН ВОЗВРАЩЕНИЯ.	218
ЗВОН ПРОЩАНИЯ.	222
ЗВОН ПОГРЕБЕНИЯ И ВОСКРЕСЕНИЯ.	224

Севак Паруйр

НЕУМОЛКАЕМАЯ КОЛОКОЛЬНЯ

М. «Советский писатель», 1982, 232 стр.
План выпуска 1981 г. № 370

Редактор Э. В. Балашов
Худож. редактор В. В. Медведев

Техн. редактор Р. Я. Соколова
Корректор Т. Н. Гуляева

ИБ 2467

Сдано в набор 01.10.81. Подписано к печати 24.02.82. А06821.
Формат 84×100¹/32. Бумага офсетная. Журнальная гарнитура.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 11.24. Уч.-изд. л. 11.51. Тираж
50 000 экз. Заказ 652. Цена 1 р. 60 к. Издательство «Советский
писатель», 121069. Москва, ул. Воровского 11.
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфи-
ческий комбинат Союзполиграфпрома при Государственном
комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

1 p. 60 κ.

Москва. Собеседник писателя.